

Алина Борисова

НЕВЕСТА

ДЛЯ ДЕМОНА СТРАСТИ

Все девушки мечтают выйти замуж, кто ж спорит? Но ведь не так! Не за незнакомца, которому твой отец проиграл тебя в карты. И не на следующий же день после этого знаменательного события! А как же платье, гости, подружки невесты, осыпающие тебя цветами и поздравлениями?.. Да черт бы с ними со всеми, но жениха-то можно увидеть? Ладно, не до свадьбы, но хотя бы в процессе? Почему его лицо скрывает маска? И почему даже этой маски я не вижу — по требованию моего будущего мужа густая вуаль, опущенная мне на лицо, скрывает плотную черную повязку на моих глазах, снять которую я не в силах при всем желании?.. И почему самодовольный голос того, кого священник назвал моим мужем, заявляет с насмешкой, что никакой свадьбы не было?

Алина Борисова

Невеста для демона страсти

— Ты выходишь замуж, Роуз. Завтра, и это не обсуждается! — это все, что бросил мне мой отец, появившись дома через неделю отсутствия.

Я побледнела, вцепившись покрепче в перила лестницы, по которой так и не успела сбежать ему навстречу.

Матушка попыталась прояснить ситуацию, поднимаясь с дивана с растерянным:

— Но Чарльз...

Но отец уже скрылся в кабинете, не пожелав, как всегда, тратить время на женские охи-вздохи.

Громкий хлопок в сердцах захлопнутой двери был, однако, не тем, что могло бы остановить мою мать в данной ситуации. Она ворвалась в кабинет вслед за отцом с грозным криком:

— Немедленно объяснись!

Дальше дверь снова закрылась. Я, увы, позволить себе матушкиной решительности не могла, и, хотя дело касалось всей моей дальнейшей жизни, должна была, по замыслу родителей, смиренно ждать в своей комнате, пока кто-нибудь из них изволит мне хоть что-то объяснить.

Должным уровнем смирения я, увы, не обладала. В кабинет не пошла, нет. По опыту знала — выставят, да еще и накажут. А узнать — все равно ничего не узнаю. Они ведь там сейчас сначала ругаться будут. А ругаться — это не при дочери, разумеется, как можно?

Значит, пока ругаются, я как раз за плащом успею сбежать. Летние вечера прохладны, а долго стоять на одном месте — под окном кабинета, то бишь — надо как следует экипировавшись.

К плащу надела и капор, и рукавички. Да и ботиночки не спеша зашнуровала. В атласных туфельках я по росе не ходок. А папеньке еще за неделю отлучки получать горячих. Подумать только, мы с маменькой за эти дни все морги, все больницы... Всех друзей и приятелей его перетревожили, а уж те — и игорные дома, и дома терпимости обыскали. Без следа!

Нет, в одном игорном доме след нашелся: папенька, как всегда, играл, и играл, как всегда, без удержу. Баснословно выиграл. Катастрофически проиграл. Снова выиграл. Опять проигрался в пух и прах. И уехал с тем, кому остался должен. Человека этого никто не знал, прежде никогда не видел и имени его никто не слышал. Но ставки он делал очень высокие, одет был дорого и со вкусом, камни в его перстнях притягивали взгляд чистотой и размерами, а уж выезд, запряженный шестеркой вороных, и вовсе мог бы послужить самому королю.

Вот эта шестерка вороных, стало быть, моего папеньку и умчала, и неделю где-то катала. И привезла нам такие сногшибательные новости. Я — замуж. Завтра. А еще сегодня у меня и жениха-то не было.

Да что жениха, я ж даже выезжать еще не начинала! Должна была, конечно, еще прошлой зимой, мы с маменькой готовились, даже платье уже... почти заказали. Нет, совсем заказали, но тут папенька очередной раз проигрался подчистую, и перепродали мое платье соседской Бетси, вот у нее и бал был, и сезон, и жених с тех пор имелся. А мы с маменькой всю зиму дома сидели, потому как по крупному выиграть папеньке только весной удалось, а

там уж какие балы — все по имениям разъезжаются. Даже наш добрый король Георг и тот столицу свою оставляет.

Вот и осталась я и без жениха, и без выезда в свет. Жених, конечно, у меня все равно бы в тот сезон не появился — приданное мое папенька давным-давно уже проиграл. Обещал когда-нибудь выиграть вновь, но надежды мало было. Но балов все равно жалко было — и танцев, и флирта, и множества возможных знакомств.

И теперь вдруг, вот так — замуж?

Мучимая любопытством, я отчаянно продираюсь сквозь густые кусты, что росли под окном кабинета. Мало того, что густые, еще и колючие, тут без плаща совсем никак. Но плащ хранил, и я справилась. Окно, как я и рассчитывала, распахнуто. Родители ж кричат, ругаются — им жарко. Как тут без вечерней прохлады? Ну а где прохлада — там и я, в комплекте. Присела на каменный выступ, затаилась, слушаю.

— Как ты мог, как ты мог, Чарльз? — восклицает матушка, явно заламывая руки. — Роуз ведь наша дочь! Любимая! Единственная! Как ты мог просто отдать ее за долги?! Расплатиться ею, словно каким-то векселем?!

— Каким-то?! — оскорбленно взывает в ответ папенька. — Да ты просто не понимаешь, о чем говоришь, Кларисса! Наш особняк в столице. Наше имение здесь. Земли Охотничьи угодья. Замок Альк.

— Замок? — обморочным голосом переспрашивает матушка. — Но ты не мог, он мой! Он мой, и ты обещал! Ты клялся моей тетушке перед смертью, что никогда!.. Никогда не отнимешь его у меня, и только с этим условием мы унаследовали его, а ты!..

— Я всего лишь пытался отыгаться. И я должен был отыгаться, у меня был стрит флеш! От короля! От короля, не абы какой! Я должен, должен был выиграть! Такая комбинация! Такая замечательная, практически беспроигрышная комбинация!.. — судя по всему, папенька начал метаться по кабинету, запустив пальцы обеих рук себе в волосы и забыв обо всем на свете. Игра была для него всем. И сейчас он не видел жены, не помнил о судьбе единственной дочери, перед глазами его были только карты.

— Так ты говоришь, эта свадьба вернет мой замок? — уже совсем другим тоном спросила матушка. Холодно, расчетливо, по-деловому. С замком было связано вообще что-то темное. Мать ездила туда порой одна, мы же с папенькой там никогда не бывали. Он был нам, в общем-то, не особо нужен. Но все разговоры о том, чтобы назначить его мне в приданое, обрывались маменькой решительно и бесповоротно. «Не раньше, чем я умру», — хмуро заявляла она отцу. И добавляла внушительно: «Ты клялся!» И этого хватало, чтоб все разговоры о замке Альк немедленно прекращались. Прежде. До того дня, как отец, в нарушение всех своих клятв поставил его на кон и проиграл.

— Да, да, вернет. И замок, и имение, и дом в столице. И даже твои драгоценности, — нетерпеливо отмахнулся от супруги папенька.

— Мои драгоценности?

— Что было делать, Кларисса, что было делать? Я должен был использовать все варианты. Но ты все получишь назад. Вернее, у тебя даже никто ничего не заберет, надо просто отдать ему Роуз в назначенное им время и на его условиях.

— Хорошо. Но кому «ему», Чарльз? Кому ты обещал нашу дочь? У него хотя бы есть титул? Он герцог? Граф? Барон, на худой конец?

— Не знаю... Не помню. Да не все ли тебе равно?! — раздраженно взвился отец. — Барон он или бакалейщик, но если завтра в полдень Роуз не войдет в подвенечном наряде в

храм святой Женевиевы — мы нищие, Кларисса, понимаешь, нищие! Нас вышвырнут прочь из собственного дома, не позволив взять даже личные вещи!.. Нет, я отыграюсь! Разумеется, со временем я отыграюсь! Но где мы будем жить до этого дня?!

Дальше было не интересно. Вообще. Совсем. Ни разу. Роня злые слезы, я продралась сквозь кусты обратно, вошла в дом и отправилась к себе в комнату. Спать, да. У меня ж завтра свадьба.

Думаете, я строила планы побега? Или собиралась гордо упереться, сказать «нет» на вопрос священника, а то и вовсе запереться в своей комнате и не выходить оттуда, пока неожиданный жених не растворится в тумане? Да черта с два! Чего, скажите, ради? Свободы? Свободы у девушки быть не может: сначала она принадлежит родителям, потом мужу. Любви? Любви у девушки моего круга не бывает тоже: за кого замуж выдали, тот и муж. Или, быть может, вы полагаете, мне хотелось подольше побыть под родительским крылышком? Вот под этим?! Вот под таким?!

Да я сама, сама была готова бежать впереди кареты, чтоб выйти замуж — да хоть за черта! — и покинуть этот милый родительский дом навсегда.

А ведь я думала, я привыкла. Отплакала уже свое, отстрадала. Стала циничной и равнодушной. Научилась не привязываться к вещам. Знала, что они могут в любом момент исчезнуть, как исчезла однажды моя скаковая лошадка, моя милая каурая Ласточка. (Что поделать, папе надо было отыграться. Что поделать, не получилось.) Как исчезла когда-то моя смешливая молоденькая горничная, приглянувшаяся папиному компаньону. (На свободных людей не играют, да, правда? А если альтернатива — быть вышвырнутой на улицу без денег и рекомендаций?)

Но я же его дочь. Я же их дочь. Мне казалось — уж со мной так не будет. Ладно папенька — прожженный эгоист, но хотя бы маменька могла бы... Нет, не стала. Какие-то старые развалины в замшелых горах оказались ей дороже. Ну и что ж, ну и уеду. С мужем, кем бы он ни был. И никогда уже к ним не вернусь.

Утро началось с раздумий о том, что же мне надеть на столь поспешную свадьбу. О пошиве нового платья, понятно, речь не шла. Ну, да чай король с принцами на моей свадьбе не появятся, так что сойдет и старое. Вот, к примеру, васильковое в мелкий белый цветочек. Да, не шелковое, муслиновое, ну так какая свадьба — такое и платье.

Но платье мне принесли. Настоящее, белоснежное, с ворохом пышных юбок и длинным шлейфом. Вместе с фатой, перчатками, чулками, туфлями — словом, полный набор. Посыльный с огромной коробкой моего свадебного великолепия появился перед нашей дверью, как раз когда мы заканчивали завтрак, так что я смогла сразу же и рассмотреть, и примерить. И, конечно, снимать все это уже не стала. Зачем? Ведь все подошло идеально, даже туфельки. Словно и впрямь на меня шилось. Да и времени уже было — только прическу закончить, да прикрепить к волосам вуаль, которой, по древней традиции закрывали лицо невесты, идущей к алтарю, дабы уберечь ее от сглаза и прочей скверны.

Вуаль в присланном мне свадебном комплекте была — снежно-белая и излишне, на мой взгляд, плотная. Сквозь нее не то, что меня не будет видно — я сама едва ли дорогу разгляжу. Вот только оказалось, что плотная вуаль — это еще не все. На дне коробки, наполненной белым великолепием, обнаружилась широкая черная лента.

— А это куда? — недоуменно покрутила я в руках сей странный для брачного наряда предмет.

— Это на глаза, — преувеличенно бодро ответила матушка, скрывая, должно быть, под

бодростью неловкость от крайне сомнительной ситуации. — Твой жених поставил условие, что ты не должна видеть его вплоть до первой брачной ночи.

— Я что, не могу даже взглянуть, с кем мне эту самую ночь проводить? — опешила я от подобной перспективы.

— Да что там смотреть? — отмахнулась матушка. — Какой бы ни был — а все равно тебе ему наследника рожать. Так, не глядя, даже и лучше. Пять минут позора — и до утра спишь спокойно. Ты, главное, не дергайся, а то провозится дольше.

С такими трогательными напутствиями я позволила завязать себе глаза, и больше не видела уже ничего — даже собственной свадьбы. В первый миг мне показалось, что моих глаз коснулась гладкая прохлада шелка, но впечатление оказалось обманчивым. В отличие от шелка, ткань не скользила на моем лице, напротив, она словно прилипла к моим векам, бровям, щекам и стала с ними единым целым. Хотя узел не тянул, завязали его явно не слишком туго. Затем мне на лицо опустилась вуаль, скрывая столь странный аксессуар от посторонних взглядов, папенька крепко взял меня под локоть, и мы пошли.

— И все же нечестно, — вздохнула я, уже сидя с родителями в карете и трясясь на колдобинах по дороге. — Вы моего жениха увидите, а я нет.

— Да никто его не увидит, — несколько раздраженно отозвался папенька. — Я в его владениях неделю гостил — и то не видел ни разу. А на свадьбе он будет в маске, полностью скрывающей его лицо. И сразу предупредил, чтоб даже и не думали заикаться, чтоб он эту маску снял.

Я нервно сглотнула. Как-то перебор у нас уже с таинственностью. Если он все равно будет в маске, и хрен его рассмотришь, так зачем тогда меня было зрения лишать? Я бы хоть на свадьбу свою полюбовалась, раз в жизни все-таки.

Вот интересно, мой неожиданный жених — урод? Или просто псих? Нет, в смысле — эксцентричный человек, склонный к таинственности и розыгрышам? И что в моей ситуации лучше? Так и не придя к какому-то мнению, но успев напугать себя, что бывают недостатки, пострашнее мотовства и игорной страсти, я на нетвердых ногах вылезла из кареты возле храма. И если была у меня надежда, что в церкви нас никто не ждет, и вся эта история окажется просто чьей-то дурацкой шуткой, то она мигом развеялась, поскольку незнакомый голос окликнул нас практически сразу:

— Хорошо, что вы не опоздали, мой господин не любит напрасных проволочек. Он ожидает у алтаря, все уже готово, идемте.

Идем. Медленно и торжественно, как и полагается в таких случаях. Под руку с отцом, через весь храм — от входа и до алтаря. И даже орган играет. Красиво. Жаль только, что я ничего не вижу.

Зато слух обостряется необычайно. И даже орган не мешает мне слышать шуршание чужих одежд, шарканье ног, откашливания, перешептывания... У нашей свадьбы есть свидетели. Однако.

Я не слышала разговоров о том, что кого-то мы приглашали. Ну да я ведь вчера не дослушала, легла спать раньше. Вероятно, пару ближайших помещиков с семьями позвать успели. А дальше просто открыли двери храма для всех желающих. Церковь святой Женевьевы стояла в довольно крупном поселке, и желающих полюбоваться на свадьбу единственной дочери местного графа нашлось предостаточно.

— Моя дочь, — произнес отец, останавливаясь. Снял мою руку с локтя и протянул... кому-то.

— Что ж, благодарю, — отозвался незнакомец голосом настолько глубоким и низким, что отзвук его завибрировал где-то у меня в животе. — Еще минута — и вы бы опоздали, — моей ладони коснулась чужая рука. Однако сквозь тонкое кружево своих перчаток я ощутила лишь прохладную гладкость перчаток чужих.

— Но я успел! — с нажимом, хотя и тихо, заявил в ответ папенька, и тут же потребовал: — Мои расписки!

Я вздрогнула. Это же моя свадьба, мы у алтаря, в храме! Как он может сейчас об этом?

— Разве я обещал отдать их за то, что вы приведете дочь в храм? — чуть усмехнулся незнакомец. — Не держите меня за простофилю: расписки вы получите только после обряда. А пока не мешайте святому отцу делать его работу, отойдите.

Папенька прошипел нечто невразумительное, но отошел. Орган замолк, и отец Стефан, чей голос был мне знаком с самого детства, невнятно забубнил слова древнего обряда, призывая силу Деуса прийти и засвидетельствовать...

— Страш-ш-шно? — шепчет мне мой жених, нарочито растягивая короткое слово. И это этого тихого, насмешливого шепота у меня мурашки по коже. А уж эта зловещая «ш-ш-ша»...

— А должно быть? — кажется, мой ответ прозвучал чуть надменной, чем я планировала.

— Да-а, — он вновь тянет слова, играя в зловещую таинственность. — Долж-жно быть... Но ничего, мы это исправим.

Что именно он собирается исправлять: то, что мне не страшно, или то, что должно быть страшно — понять не успеваю. Отец Стефан переходит к вопросам. Говорить более внятно он от этого не начинает, и потому приходится вслушиваться, чтоб узнать, наконец, имя моего жениха.

— Согласен ли ты, Александр Теодор Иоанн Аллери-Дамфри-Хейц, герцог Раенский взять в жены...

Рот у меня открывается сам, а сердце при этом еще и пару ударов пропускает. Немыслимо. Я, наверно, ослышалась. Герцог Раенский — он же двоюродный брат самого короля. Люди его уровня не женятся на бесприданых графских дочках, в сельской церкви и втайне от родни. Для родственников короля в соседних королевствах принцессы давно выращены. Нет, я понимаю еще, у нас бы роман был, он бы безумно меня любил, а я ждала от него ребенка. Но ведь мы незнакомы даже...

— Да, — спокойно и с достоинством отвечает мужчина, держащий меня за руку, и фантазмагория продолжается.

— Согласна ли ты, Роуз Элизабет Ривербел...

И я, разумеется, согласна.

— Положите руки свои на алтарный камень, дабы соединил вас Деус печатью своей и благословил супружество ваше от сего часа и пока смерть не разлучит вас.

Не вижу. Из-за этого чертового герцога с его закидонами, самого главного во всем таинстве — не вижу. Алтарный камень, возле которого мы стоим, сейчас должен мягко светиться нежно-голубым светом, самым видом своим намекая на благосклонность небес и их желание услышать нашу просьбу. Мой жених делает шаг вперед, не выпуская моей ладони из своих пальцев, и я шагаю за ним следом вплотную к камню. Он опускает мою руку на алтарь, и я послушно кладу рядом вторую. И ощущаю тепло, идущее от священного камня. Оно проникает в меня сквозь ладони и кончики пальцев, струится по рукам и доходит до самого сердца.

«Что ты хочешь?» — чудится мне беззвучный вопрос.

«Счастья», — столь же беззвучно выдыхаю я.

«С ним?» — воистину странный вопрос.

«Раз он — мой муж, то конечно с ним», — мысленно пожимаю я плечами. И не удерживаюсь от собственного вопроса: «А что, к тебе приходят с одним, а счастья просят с другим?»

«Бывает», — философски отзывается мой беззвучный собеседник и словно растворяется в окутавшем мое тело и душу покое. И уверенности, что я все делаю правильно. И ощущении тепла. Идущего от камня? Или уже просто безраздельно царящего в моей душе?

Вот только от рук моего жениха, лежащих на камне вплотную к моим, я тепла по-прежнему не ощущала. Перчаток он не снимал. И обтягивающий его пальцы атлас оставался все таким же холодным, как в первый миг, когда я к нему прикоснулась. Словно ни тепло моей руки, ни тепло алтарного камня, ни тепло его собственных рук не в силах были согреть эту идеально гладкую ткань.

— Божественной властью всемогущего Деуса я принимаю ваши клятвы и скрепляю ваш брак печатью Единого.

Тепло на миг превращается в нестерпимый жар. В этот миг — я не вижу, но знаю — алтарный камень окрашивается ярко-синим, и на его поверхности становятся различимы сияющие белые звездочки. И на наших ладонях сейчас тоже вспыхивают обжигающе-яркие звездочки — чтоб войти нам под кожу и остаться там навсегда. Брачная печать Деуса — Единого бога, чьи глаза неотступно следят за нами сиянием тысяч звезд.

Обряд завершен. Мой муж берет меня за руку и разворачивает лицом к свидетелям таинства. Нас поздравляют — весело и громогласно, наполняя священное пространство храма множеством добрых пожеланий. Считается, что к пожеланию, озвученному в храме в такой торжественный момент, непременно прислушается Единый.

А я пытаюсь прийти в себя: я что, действительно герцогиня? Герцогиня Раенская, супруга кузена короля? Алтарный камень обмануть невозможно, и возьми себе имя герцога самозванец — камень немедленно окрасился бы красным, не принимая клятв обманщика. Мало того — еще и открывая его подлинное имя. А тут — судя по реакции зрителей — все прошло идеально. Таинство брака свершилось.

Словно подтверждая последнее, герцог приподнимает тяжелую вуаль с моего лица. Не полностью, всего лишь открывая мои губы. И тут же приникая к ним своими — властно и жестко, словно ставя еще одну печать.

А вот губы у него горячие, понимаю я, на миг лишаясь возможности дышать. Его поцелуй — как ожог, его дыхание опалает кожу. И вот его уже нет, лишь вуаль, покачиваясь, касается моих губ. Слишком холодная после жара его дыхания. Слишком аморфная и равнодушная после силы и властности моего новоявленного мужа.

А он уже ведет меня на выход, твердо поддерживая под локоток.

— Доченька! — на улице ко мне тут же подходит мать. Порывисто обнимает. — Поздравляю тебя, доченька! Ты такая умница! Такая красавица!

Ну еще бы, ведь я вернула ей ее дурацкий замок. Нет, я молчу, и даже обнимаю в ответ. Она моя мама. Уж какая есть, другой не будет.

— Моя супруга немного устала, а путь нам еще не близкий, — герцог радости от встречи с новоявленной родственницей не испытывает, и даже скрывать этого не намерен.

— Путь? — удивленная, я отрываюсь от матери и оборачиваюсь к супругу. — Вы что,

намерены увезти меня из дома прямо сейчас?

— Разумеется. У нас впереди два дня пути по не самым простым дорогам, не стоит превращать их в вечность. Идемте, Роуз, я помогу вам сесть в карету. Она уже ждет.

— Но погодите, как же?.. Разве мы не заедем домой, чтоб собрать мои вещи? И потом — обед. После свадьбы положен торжественный обед, необходимо отпраздновать произошедшее событие с родственниками и друзьями, — испугалась я поспешности происходящего. Сесть в карету с человеком, которого я даже ни разу не видела, и уехать из дома навсегда — это оказалось куда страшнее, чем съездить с родителями в знакомую с детства церковь ради желанного для каждой девушки таинства.

— Что вы собираетесь праздновать, Роуз, ваш переход в собственность нового владельца? — ответ герцога прозвучал настолько холодно и надменно, что захотелось расплакаться. Естественно, подобной глупости я себе не позволила. — Или не терпится отметить тот факт, что ваш отец не раздумывая променял родную дочь на пару закладных?

— А вот, кстати, о закладных, — папенька встрял в беседу прежде, чем я нашлась, что ответить. — Обряд совершен, не будет ли угодно вернуть?

— Да, разумеется. Идемте, они ждут в карете.

Поддерживаемая супругом, я покорно двигаюсь в предложенном им направлении. Радует только то, что в карете я смогу, наконец, покончить с этим дурацким маскарадом и сдернуть повязку с глаз. Я бы сдернула ее и здесь, не будь я сейчас в центре внимания целого поселка. Давать лишний повод для пересудов совсем не хотелось.

Мы останавливаемся, и я слышу звук открываемой дверцы. Замечательно, карета прямо передо мной, только как я попаду внутрь? Или мне, на глазах у толпы наощупь искать подножку?

— Приподними ногу, словно собираешься сделать шаг, — негромко шепчет супруг, спокойно останавливаясь вместе со мной и не выпуская моего локтя.

Делаю, как велят, и тут же чувствую чужие руки под своей туфелькой. Они чуть пружинят под моим весом, когда я решаюсь шагнуть на эту импровизированную подножку. Но выдерживают, и даже придают мне инерции, чтоб проще было сделать следующий шаг — уже в карету.

Оу, я действительно герцогиня! Таким способом — да, я видела в детстве — поднимаются в карету только очень знатные дамы: лакей опускается на колени в пыль у ног своей госпожи и подставляет сложенные ладони под царственную ножку. Конечно, под своей туфелькой я предпочла бы белые перчатки герцога (о, я уверена, по сему торжественному случаю они непременно белые), ведь это по его вине я столь беспомощна, что не в состоянии даже самостоятельно найти подножку и подняться в карету. Но приходится пользоваться тем, что есть.

Устроившись на сиденье, я первым делом откидываю вуаль и хватаюсь обеими руками за ненавистную повязку.

— Как ты нетерпелива, дорогая, — с легким смешком герцог перехватывает мои руки и опускает их мне на колени. — Подожди еще пару минут, мне надо закончить с твоим отцом. Итак, граф, ваши бумаги, — в карету мой супруг так и не поднимается, переключив все внимание на ожидающего своих расписок папеньку. А я вновь принимаюсь за лишнюю меня зрения ленту. В конце концов, я обещала выйти за вас замуж, дражайший герцог. А вот быть вам послушной женой уговора не было.

Отчаянно дергаю ленту то вниз, то вверх. Она натягивает кожу на лице, держится,

словно приклеенная. Завожу руки за голову, пытаюсь развязать узел. Но ногти безнадежно проскальзывают, не в силах подцепить край.

А карета, меж тем, чуть наклоняется, принимая тяжесть поднимающегося мужчины. Чуть скрипит диванчик напротив меня, щелкает закрываемая лакеем дверца.

— Трогай, — негромко бросает мужчина в окошко.

— Погодите, ваша светлость... о, простите, ваше высочество! — торопливо окликает моего супруга отец. — Но здесь не все.

— Разве? — лениво переспрашивает высочество, в то время как карета уже начинает свое движение.

— Здесь нет документов на замок. Замок Альк, — судя по голосу, отец пытается не отставать от герцогского выезда.

— Замок я оставляю себе в качестве приданого за вашей дочерью.

— Но это невозможно! Простите, ваше высочество, но мы так не договаривались!

— Возможно. Но не думали же вы, что я возьму ее бесприданницей? — презрительно усмехается на это мой муж. И бросает холодно и равнодушно: — Прощайте.

Карета ускоряет ход — кони явно перешли на галоп — и возмущенные крики отца затихают где-то вдали. Мне его не жаль, вот ни капельки, но снести такое обращение супруга с членом моей семьи я не могу.

— Зачем вы так грубо, ваше высочество? Каким бы он ни был — он мой отец, а значит, отныне и ваш родственник.

— Мой? — он откровенно смеется. — Ну что ты, Роуз, в родственных отношениях с твоей семьей я как не состоял, так и не состою. И ты напрасно зовешь меня высочеством, я не принц и не рвусь им быть.

— Вы — герцог королевской крови.

— Жаль тебя разочаровывать, моя роза, но даже не герцог. А королевской крови у меня — ну, есть при себе флакончик. Достаточный, чтоб повернуть эту маленькую шутку с нашей свадьбой...

— Шутку? — сердце уходит в пятки.

— А ты вправду решила, что выскочила замуж за герцога Раенского? — он вновь смеется. — Увы, мой цветочек, но я вовсе не Александр, не Теодор и даже не Иоанн. И не имею ни малейшего отношения к семейке Аллери-Дамфри-Хейц.

— Но как же?.. Но камень?.. — с трудом выдавила я, вновь начиная отчаянно дергать повязку, пытаюсь освободить, наконец, глаза и взглянуть на своего спутника. Не потому, что я знала герцога Раенского в лицо и смогла бы выяснить, когда он солгал — сейчас или в церкви. Просто хотела знать, как выглядит тот, кто меня похитил. Хотела видеть, где я нахожусь, и куда мы едем.

— Камень зафиксировал твой брак с герцогом, это да, — очень довольно подтверждает сей факт мой собеседник. — Бедный герцог, он ведь теперь даже жениться не сможет. А ведь за него уже принцесса Магбургская просватана, — судя по тону, «бедного герцога» ему было не жаль ни на грош. Да и вообще все, похоже, затевалось, чтобы эту свадьбу расстроить.

— Ну, хорошо, вы не герцог Александр Раенский, хотя именно от его лица вы заключили со мной брак. Тогда кто вы? И как мне прикажете к вам обращаться?

— Прикажете, — с явным удовольствием повторил он. — Очень правильное слово. А обращаться ко мне следует «мой господин» и никак иначе. И кстати, я ведь велел тебе не

трогать повязку. Велел или нет? Не послушалась, — он притворно вздохнул. — Придется мне тебя наказать, моя маленькая Роуз. Тебе ведь нравится быть наказанной, верно? — он поймал мою правую руку и поцеловал раскрытую ладонь. В самую середину, туда, где горела под кожей маленькая звездочка, подтверждая мой брак... как выясняется, вовсе не с ним. Его губы вновь обожгли, даже сквозь кружево перчатки, и мурашки побежали вверх по руке, заставляя меня сбиться с дыхания.

А он вдруг резко поднял мою руку вверх и в сторону, и, прежде чем я успела хоть как-то на это отреагировать, мое запястье оплела холодная полоска металла. И тут же защелкнулась, лишая меня возможности освободиться.

— Что вы делаете?! Отпустите! — я отчаянно дергала рукой, но, увы, результата не было. Мне удалось нащупать цепь, идущую от моего запястья в верхний правый угол кареты. Прочную цепь, нечего и надеяться ее оборвать.

— Наказываю, Роуз, — довольно промурлыкал мой похититель. — За непослушание. Я ведь уже сказал.

Пара секунд моей отчаянной борьбы (теперь он меня врасплох не застал), и моя левая рука тоже вытянута вверх и в сторону, и на ее запястье защелкнут наручник. Мое сердце колотится как бешеное, я чувствую себя маленькой беспомощной мушкой, попавшейся в паутину коварного и безжалостного паука.

— Ну вот, — удовлетворенно заключает он, вдоволь налюбовавшись на мою беспомощность. — А теперь — самое интересное.

Из моего горла вырывается судорожный вздох. Слишком громкий и слишком нервный, чтобы остаться незамеченным.

— А вот теперь все-таки страшно, верно, Роуз? — тут же отзывается мой мучитель.

— Отпустите. Пожалуйста. Клянусь, я не трону больше повязку, — я не кричу, я не требую, я стараюсь остаться спокойной. Стараюсь хотя бы говорить спокойно и рассудительно. Мой... (муж? похититель? хозяин?)... визави — все же он не совсем нормален... в общепринятом смысле. И, быть может, он ничего такого (какого? еще знать бы) не планирует, просто хочет напугать, заставить слушаться. И паниковать попросту рано.

— Не надо клясть, милая, я знаю, что ты не тронешь. У тебя это просто больше не выйдет, верно? — его голос, такой низкий, что отдельные звуки вызывают легкие судороги где-то внизу живота, немного насмешлив. В нем есть толика одобрения, капелька любования, и просто океан предвкушения.

— Но ты права, в твоем наряде надо действительно кое-что подправить, — добавляет мой немуж и негерцог после небольшой паузы. — Все же официальную часть мероприятия мы с тобой уже отыграли, — я ощущаю его руки в своих волосах, он вынимает булавки, которыми крепилась к прическе вуаль и стягивает с моей головы это тяжелое покрывало. — Вот так уже гораздо лучше, верно? У тебя очень красивые волосы — такой насыщенный каштановый цвет, почти шоколад. Не стоит прятать их под вуалью.

— Еще у меня очень красивое лицо, — самоуверенно добавляю я. Не то, чтобы я считала себя первой красавицей, но что не скажешь, чтобы договориться с маньяком. — Вам понравится, я уверена.

— И я уверен, моя нежная розочка, и я тоже уверен, — его пальцы (по-прежнему в перчатках) мягко обводят контуры моего лба, и я чувствую на щеках его горячее дыхание. Его лицо так близко, что я невольно жду прикосновения его горячих губ. Но нет, лишь холодный и гладкий атлас его перчаток касается моей кожи. Чуть ласкает основания волос, скользит ниже, и обводит по контуру повязку, погружившую меня в беспросветную тьму, — по верхнему краю, по нижнему... Я жду, когда его пальцы скользнут мне на затылок и развяжут ненавистный узел... Жду напрасно. Они рассыпаются едва ощутимой паутинкой по моим щекам, очерчивают подбородок, ласкают шею — так легко, приятно, невесомо, вызывая волны мурашек, разбегающиеся от его обтянутых атласом пальцев. И я невольно запрокидываю голову, подставляя ему горло, словно давая разрешение на эту ласку, будто прося его не останавливаться.

Мне страшно — быть настолько беспомощной, целиком в его власти. И мне нужна эта ласка, это свидетельство того, что он меня не обидит, не причинит мне зла, не сделает больно. Ведь если ласкает — значит, не бьет, верно? По крайней мере, прямо сейчас.

Его палец перемещается мне на губы, обводит контур — сначала невесомо, едва касаясь, затем уже с усилием, надавливая...

— Перчатки могли бы снять, — отдернув голову, насколько это возможно в моем положении, заявляю этому наглому типу. Он бы мне еще в рот их засунул! — Негигиенично, знаете ли.

Он тихо смеется. Беззлобно, словно над милой шуткой. Или над забавной зверушкой, попавшейся в его силки.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, моя красавица, — мягко отказывает он мне в моей просьбе. И тут же предлагает альтернативу: — Но я могу коснуться губами, если попросишь.

Молчу. Чтобы не раздражить, на всякий случай.

— Так ты попросишь? — снова его горячее дыхание обжигает щеку. Его губы я почти ощущаю... или мне только кажется, что ощущаю. — Это будет приятно.

— Не надо, пожалуйста, — шепчу едва слышно, сама удивляясь, куда вдруг пропал голос. И почему близость его губ так действует на меня.

— Это твоя просьба? — овекает меня его горячий шепот.

— Да.

— Хорошо, считается. Я ведь не оговаривал, что именно ты должно просить, — невозмутимо заявляет это... создание, по недоразумению принятое мною за мужа. И его губы касаются моих.

Нежно. Совсем не так, как во время свадьбы. Тогда он был властным и покоряющим. Сейчас — словно дразнил. Обжег невесомым поцелуем правый уголок моих губ. Затем левый. Отстранился, словно давая мне возможность почувствовать холод там, где только что был иссушающий зной. Вновь приник, забирая в плен верхнюю губу, чуть посасывая ее, мимолетно проводя по ней языком... Прикосновение языка было странным. Не неприятным, нет, вовсе. Но что-то с ним было не так... Не могу рассуждать. На миг отстранившись, его губы вновь приникают к моим. Теперь в плен его ласк попадает моя нижняя губа, он играет с ней, чуть посасывая, прикусывая, тут же зализывая языком и вновь начиная ласкать обжигающе горячими губами.

Его руки обхватывают мой затылок, словно стремясь удержать меня, не дать отстраниться. Но я даже не пытаюсь. Я — муха в его паутине, и яд, проникший, должно быть, в меня с поцелуем, уже начал действовать: мое дыхание сбивалось, голова кружилась. В абсолютной тьме и пустоте, куда он поместил меня своими цепями и своей повязкой, реальными были только его губы. И они избавляли — от страха, холода, неизвестности. Да, возможно, они дарили мне ложное тепло и ложные надежды, но сейчас я хотела обмануться.

— Вы ведь позвольте мне, — проговорила, задыхаясь, когда его губы оторвались от моих и скользнули ниже, дабы обжечь поцелуями обнаженное, беззащитное горло, — позвольте мне обнять вас? Чтоб я могла познакомиться с вами — хотя бы на ощупь...

Не пробудь я в абсолютной тьме так долго, я бы, наверное, никогда не решилась произнести подобных слов. Ведь для благовоспитанной девушки подобное поведение немислимо. Список допустимых приличиями прикосновений сведен к минимуму и объятия в них, понятно, не входят. Если бы я видела его сейчас перед собой — в строгом военном мундире или роскошном светском костюме, не важно, — зримая реальность удержала бы меня от подобного постыдного желания.

Но я была во тьме — вне рамок, приличий, привычных очертаний реальности. Я была не просто беспомощна, мне мучительно не хватало информации — любой. Его внешность, телосложение, жесты, выражение лица — все, что угодно могло бы мне, казалось, помочь составить более внятную картину происходящего. Он не вернет мне зрение, я уже поняла. Но хотя бы на осязание я могла надеяться?

— Рано, милая, — шепчет, отрываясь от моей шеи, мой мучитель. — Не спеши. У нас с тобой будет еще столько времени, чтоб познакомиться ближе. Пока мне нравится так, — и его горячий язык очерчивает мне ключицу. Затем к ней приникают губы, и я ощущаю медленные, нежные поцелуи, вновь заставляющие меня дышать поверхностно и порывисто.

— Какое маленькое декольте, — замечает несколько отстраненно, когда вместо горячих губ моей кожи касаются холодные пальцы, обтянутые идеально гладким атласом.

— Вы выбрали мне это платье, — выдыхаю в ответ, пытаюсь вернуть себе ускользящее спокойствие.

— Что делать, пришлось следовать моде, — вздыхает он с мнимой печалью в голосе. — Одень я тебя на свой вкус — тебя вряд ли пустили бы в церковь. Но ведь в церковь нам больше не надо, верно? — его пальцы, устав кружить над декольте, опускаются ниже, сжимая мне грудь сквозь тонкую ткань.

— Не надо, — испуганно выдыхаю я, меньше всего думая в этот момент о его предыдущих словах.

— Какая послушная девочка, — удовлетворенно посмеивается в ответ этот гад, вновь сжимая мне грудь — несильно, хотя и чувствительно. И приятно, неприлично, но ведь приятно!

— Да, излишней пышностью форм тебя родители не наградили, — продолжает он невозмутимо, словно речь идет не обо мне, а о лошадке, которую он выбирает на рынке, — но и с тем, что есть, можно очень неплохо поработать, — моя вторая грудь так же оказывается в плену его бесстыжих ладоней.

— Прекратите говорить обо мне так, словно я вещь! — его слова неприятны, и так контрастируют с тем удовольствием, которое дарят руки, что прикосновений уже не хочется. — Отпустите! Хватит надо мной издеваться! — я пытаюсь от него отстраниться, но мои возможности крайне ограничены.

— Какой тон, герцогиня, — в его голосе лишь восторг. — Вошли в роль супруги его высочества? Рановато, он пока в Магбуре, с важной дипломатической миссией. И еще просто не знает, что вы у него есть.

Выпустив из захвата всю грудь, его пальцы начинают настойчиво кружить в районе сосков, и мне кажется, будто маленькие молнии простреливают меня насквозь, от ноющих от его прикосновений напряженных вершинок и до самого низа живота, наполняя мое тело жаркой истомой.

Но коварные пальцы резко сжимаются, болезненно сдавливая, и я кричу, не в силах сдержаться.

Он тут же подается вперед и ловит мой вскрик губами, топит его в поцелуе — настойчивом, но нежном. И боль растворяется, тем более, что жесткий захват сменили легкие успокаивающие поглаживания. От того, что творят его губы, кружится голова, грудь отзывается томлением и буквально требует новой ласки, и так сладко тянет вниз живота.

— Видишь, как плохо мне перечить, маленькая герцогиня? — интересуется мой мучитель, отстраняясь. — Я могу дарить не только ласку, учти это.

— Мало чести издеваться над беспомощной девушкой, — то, что я с трудом могу отдышаться после его поцелуев, не делает меня согласной с ним по основному вопросу.

— Честь? — он только смеется. — У меня вообще ее нет, малышка, я ж не герцог. Все, что я делаю, я делаю либо из корысти, либо из удовольствия, — его пальцы неожиданно касаются моих лодыжек и поднимают мои ноги ему на колени. — Впрочем, в твоем случае я совмещаю, — сначала на пол летит одна моя туфелька, затем другая.

Мое сердце отчаянно пропускает удар: что еще он задумал? Мне не нравится эта поза, слишком шаткая, слишком беспомощная. Слишком неприличная — запоздало понимаю я. Отсутствие зрения мешает мне сразу оценивать ситуацию здраво, а ведь у меня теперь

коленки, должно быть, на уровне его груди и...

Нет, только не это! Его пальцы медленно ползут вверх по моим ногам. Дергаюсь, пытаюсь вернуть ноги на пол. Его пальцы мгновенно охватывают мне лодыжки мертвой хваткой.

— Хочешь, чтоб я привязал и ножки? — интересуется вкрадчиво. Этим низким, завораживающе низким голосом, от которого у меня и так мурашки, а если еще и мурлыкающих ноток добавить — у меня внутри вообще все дрожать начинает.

— Не надо, — с трудом выдыхаю пересохшими от волнения губами. Он же не станет... Не станет трогать меня еще и там!

— Давай договоримся, Роззи, — продолжает мой похититель вкрадчивым полусшепотом, — ты не убираешь ножки с моих колен, а я не заковываю их в кандалы.

— А у вас и для ног, — нервно сглатываю, — кандалы предусмотрены? Чем же вы занимаетесь обычно в этой карете? Или это у вас тюремный вариант?

Смеется.

— Свадебный, Роуз. Это — свадебный. Я подготовился, как видишь. Дорога дальняя. Было бы глупо потерять это время впустую, — его руки освобождают одну мою ногу и вместе принимают за вторую. Чуть приподняв, он ласкает мою стопу — медленно, нежно, оглаживает каждый пальчик, свод стопы, пяточку... Как хорошо, что на мне чулочки, иначе его ласки совершенно свели бы меня с ума!.. Но насколько ярче были бы ощущения, не разделяй мою кожу и его пальцы это тонкое полотно... Деус, о чем я думаю?

Перепугавшись — даже не его действий, а своей реакции на них — я судорожно дергаюсь, пытаюсь отнять у него свои ноги. И лишь когда пятки по инерции неожиданно резко ударяются о мое сиденье, я понимаю, что натворила. И почему он даже не попытался меня удерживать.

Пару секунд я, замерев, жду его реакции. Но ничего не происходит. Тишина. Ни шороха. Ни дыхания.

— П-простите, — нетвердо выдыхаю в пустоту, желая даже не прощения, а вообще услышать хоть что-то. Или хоть что-то почувствовать. Остаться совсем одной в этой совершенной, непроглядной тьме оказалось слишком страшно.

Ответа нет. Я жду, напряженно вслушиваясь. Но ничего — ни шорохов, ни звуков.

Но ведь должно — шелест его одежд при малейшей перемене позы, шепот его дыхания... Не слышу. Слышу мерные удары копыт о сухую утоптанную землю, резкие окрики кучера, свист бича. Слышу негромкий скрежет рессор, заставляющих карету раскачиваться, а пассажиров постоянно чуть подсакивать на сиденье — дороги в королевстве ровны, но не идеальны. И скрип колес тоже слышу, и даже ветер, со свистом пронесшийся мимо... Внутри тихо.

— Вы все еще здесь? Почему вы не отзываетесь? — да, сама понимаю, что глупо, куда он мог деться из несущейся во весь опор кареты, но в моей тьме ничего не реально, и кажется, что привычные законы мироздания просто перестают действовать.

Ответа не дожидаясь. Опять. И это невыносимо.

Проклиная себя за непоследовательность, тянусь мыском правой ноги туда, где были его колени. Да, предлагаю ему сама... Просто неизвестность — это очень страшно, а так... Хотя бы будет понятно, что он делает. Он мой муж в глазах Деуса, он имеет право...

Нога нащупывает лишь бархат сиденья. Скольжу мыском чуть вправо... влево... Пусто! Пустая скамья!

Не веря, потянулась вперед, сползая со своей скамьи и вставая на ноги. Стоять, выгнувшись назад, да еще в трясущейся от быстрой езды карете, было не слишком удобно, пару раз меня повело то вправо, то влево. Но куда же я упаду, я ж привязана! Вот только руку потянула сильно. Вскрикнула, болезненно морщась.

И этот гад тут же нашелся! Вот только не там, где я его мучительно и безуспешно пыталась нащупать! Нет, он возник у меня за спиной, на том самом сиденье, с которого я только что с таким усилием поднялась! Как и когда он сумел проникнуть туда, да еще так, что я этого не почувствовала, сказать невозможно, но его руки внезапно обхватили меня за талию, притягивая назад, на сиденье, а горячие губы обожгли мою шею возле самого позвоночника.

Я снова вскрикнула, теперь уже от неожиданности, и подалась назад, стремясь ощутить его хотя бы спиной. Ничего не почувствовала. Только руки его скользнули от талии вверх, удержав меня за плечи и не дав откинуться и зажать его между собой и стенкой кареты. Впрочем, по моим ощущениям, там и так было не слишком-то много свободного места, чтобы он мог разместиться там, да еще столь неощутимо.

— Одиноко? — горячий шепот мне прямо в ухо. И опаляющий жар его дыхания, и губы, прихватившие на миг мою мочку.

И жар, мгновенно разливающийся по моему телу. И стон, который я не в силах сдержать.

— Как необдуманно, Роуз, — продолжает нашептывать он. — В этой тьме можно и потеряться.

Еще один жаркий поцелуй в шею. Руки, скользнувшие мне на грудь.

— Тебе ведь лучше, когда я рядом, верно? — вновь поцелуй, короткий, но горячий, возле самого края волос. — Тебе ведь нравится, что я есть, — его руки мягко массируют мне грудь сквозь тонкое платье. Это приятно, а вместе с поцелуями в шею — вообще головокружительно.

Но я помню, что его пальцы могут быть жесткими. И жесткими. И от этого холодок страха бежит по моей спине.

— Не делайте мне больно, — прошу я его, — пожалуйста.

— Ты сама себе сделала больно, — вздыхает он. И следующий поцелуй — мне в плечо. То, которое потянула. — А ведь о чем я кого-то просил?

— Я случайно. Я не хотела, — стоило мне вспомнить, что именно он обещал сделать, если уберу ноги с его колен, как от страха начинает подташнивать.

— Так боишься? — чуть удивляется он. — Не стоит, я не обижу. Просто поцелую еще — вот так, — его губы вновь скользят по моей шее, спускаются дорожкой поцелуев по позвоночнику. Всего лишь настолько, насколько это позволяет вырез платья, но даже это сводит меня с ума, заставляет выгибаться в его руках. — Вот видишь, — вновь жаркий шепот возле уха. И поцелуй, вырывающий еще один мой судорожный вздох. — Тебе не надо меня бояться. Не надо бояться того, что я делаю с тобой, — его руки спускаются ниже и начинают мягко оглаживать мне живот. Очень ласково, очень нежно. Вот только спускаясь порой так непозволительно низко...

Хотя — кто же ему не позволит?

— Так на чем мы остановились, когда одна трусливая девочка попыталась сбежать? Ах, да, ножки. Я хотел рассмотреть твои красивые стройные ножки. А ты не дала. Нехорошо, не находишь?

— А давайте мы вместе на них посмотрим? — осторожно предлагаю ему я. — А то не очень честно выходит...

Смеется. Прямо у меня над ухом. Так тихо, так будоражаще.

— Интересное предложение. А ведь мне оно может понравиться, не боишься?

Не понимаю просто, почему мне этого надо бояться.

— Я боюсь темноты, — признаюсь ему честно. — Она вокруг так давно, что мне кажется, что я уже ослепла. Нет — что я в этой темноте растворяюсь. Теряю себя.

Молчит, хотя я опять ожидала смеха. Вновь целует мне шею — долгим, задумчивым поцелуем. И руки его замирают на моем животе, чуть сжав его.

— А это правильное чувство, Роуз, — наконец отзывается он негромко. — Привыкай. Реальности нет. Нет ничего, кроме того, что мы чувствуем. Живи ощущениями. Впитывай их всей кожей. Бери от них все краски, все переливы оттенков. Я не делаю тебе больно, маленькая. Я дарю тебе наслаждение. Приучайся пить его.

— Вы пугаете меня.

Вот теперь смеется.

— Страх — неплохой усилитель вкуса.

Миг — и я теряю его. Его руки исчезают с моего живота, его горячее дыхание больше не щекочет мне шею. Я резко отклоняюсь назад — но его там нет. Оттолкнувшись ногами, сажусь как можно глубже и касаюсь спиной стенки кареты — стенки кареты, жесткой, несмотря на обивку, а вовсе не горячего человеческого тела, которое должно, просто обязано было там быть!

— Потерялась? — судя по направлению звука, он снова прямо передо мной. Судя по интонациям — весьма доволен собой и произведенным эффектом.

— Как вы это делаете? — получилось чуть резче, чем следовало, но моим нервам далековато до идеала.

— Я говорил, реальность — ничто, — невозмутимо отзывается мой мучитель. — Но ты думаешь не о том. Мы ведь с тобой договорились взглянуть, что ты прячешь под всеми своими юбками.

— Вы снимете мне повязку? — интересуюсь упрямо, хотя его пальцы уже смыкаются на моей правой лодыжке и вновь поднимают мою ножку ему на колени.

— Сниму, — легко соглашается он. — Но не повязку. Мы начнем с другой детали твоего туалета.

Стремительное движение его руки — и тяжелые юбки съезжают куда-то на бедра, а мою ножку скрывает от его взоров только тонкий белый чулочек. Хотя — не уверена, что «скрывает» в данном случае правильное слово. И губы, прижавшиеся к моей коленке в жарком поцелуе — лишнее тому подтверждение.

— Нет, малышка, — продолжает он невозмутимо, оборвав поцелуй, — чулочки мне нравятся, чулочки снимать не будем. С чулочками мы сейчас совсем другую вещь сделаем...

Я слышу легкое позвякивание металла и мгновенно холодею, пытаюсь вырваться:

— Нет!

— А ведь я предупреждал, что так будет, верно? — вырваться не дал, легко удержав мою ногу одной рукой. — И даже рассказывал, что нужно сделать, чтоб этого избежать, — холодный металл охватывает лодыжку, и я вздрагиваю, услышав характерный щелчок. — Выбор твой.

Судорожно выдыхаю сквозь стиснутые зубы, пытаюсь успокоиться и не поддаться

панике. Ничего. Ничего он мне не сделает, он же обещал. Обещал не делать мне больно. Ну, потрогает везде, а это стыдно, конечно, но ведь он мой муж. А жена принадлежит мужу и должна... Даже если достался такой, и говорит... В храме нас венчали...

— Расслабь ножку, Роуз, я натяну цепь... Расслабь, я ведь все равно натяну... Вот так, чуть на себя коленочку...

Деус! Деус, за что? Теперь моя стопа где-то на уровне его головы, коленка смотрит вверх и вправо, раскрывая меня самым постыдным образом, я сижу на самом краешке скамьи, едва удерживаясь на нем из-за тряски кареты, а этот гад уже берется за вторую ножку! И что, что я должна делать? Биться в истерике, призывая на его голову проклятия? И оно поможет? Да этот гад, который точно мне не муж (муж бы не стал так позорить собственную супругу) лишь посмеется своим тихим, завораживающим смехом и придумает что-нибудь еще ужаснее. В наказание, да. Он придумает мне очередное извращенное наказание!

— Вот так, моя девочка, — удовлетворенно заявил мой мучитель, когда и вторая моя нога беспомощно повисла на цепи. — А теперь можно подумать и о лишних деталях туалета. От чего бы нам избавиться, как полагаешь?

— От вас? — наверное, это со страху я заявила ему такое. — Скажите, если я избавлюсь от вас, я получу большое наследство? Как-то не хотелось бы обратно к папеньке.

Смеется. Ну конечно, я его смешу — беспомощная, связанная, бесстыже раскрытая его взорам.

— За наследством — это не ко мне, Роуз. Это к герцогу Александру Теодору. Вот только ты аккуратней его убивай, ладно? Он большой человек, расследование начнется...

— Так может, вы мне и способ подскажете? Аккуратный?

— Деус! — он, смеясь, целует мне ножку чуть выше колени. — Какого монстра я разбудил в этой милой девочке, — еще один поцелуй немного выше предыдущего. — И не жаль тебе герцога, Роуз? — вновь поцелуй, обжигающий жаром внутреннюю сторону бедра. — Он же тебе совсем ничего не сделал, — его губы добрались до границы чулочка и коснулись моей обнаженной кожи. Слишком высоко. Опасно. Жарко.

— Он венчался со мной, — запрокинув голову и пытаюсь сдерживать дыхание, вновь становящееся слишком глубоким, выдыхаю в ответ, — в вашем лице. Или вы — в его.

Он, меж тем, не отвлекаясь на выслушивание моих суждений, покрывает поцелуями мою вторую ножку. И его руки не отстают от губ — ласкают, гладят, вызывая дрожь в теле и путаницу в мыслях.

— Благодаря ему я сейчас здесь, — упрямо пытаюсь я продолжать, не поддаваясь эмоциям. — И все, что вы делаете сейчас со мной, — тоже благодаря ему.

— И вот это? — он целует на самой границе трусиков. — И вот так? — повторяет он поцелуй на другой ножке, но все в такой же опасной близости от самого сокровенного. — И за этот жест ты тоже поблаговаришь его? — его пальцы неожиданно проходятся по ткани. По тонкой полоске ткани, расположившейся у меня между ног.

— Прокляну, — испуганно выдыхаю я. Касаться меня здесь — это... Это слишком! Слишком смущает... и пугает... и будоражит... Деус, я даже не думала, что это место настолько чувствительно!

— Герцога? — его пальцы снова скользят там, неспешно, уверенно, обводя контуры и рисуя замысловатые узоры. — Прокляни, Роуз, прокляни, я не против. Ах, он поганец! — его ладонь охватывает всю промежность, пальцы чуть надавливают, исторгая из моего горла

толи всхлип, толи стон.

Я чувствую скольжение грубой ткани внутренними сторонами разведенных бедер — это он приподнимается выше, чтоб опалить мне губы очередным поцелуем — медленным, чувственным. Одной рукой он придерживает меня за затылок, чтоб непрерывное раскачивание кареты не заставило наши губы разомкнуться, другой продолжает поглаживать между ног, нащупав там место настолько чувствительное, что я совершенно теряю голову. Мне не стыдно и мне не страшно, я забыла, кто я и кто он, где мы, зачем мы здесь — все неважно, кроме его губ на моих губах и его пальцев, ласкающих меня там.

Я не сдерживаю очередного всхлипа, и его язык проникает мне в рот — так резко, что это напоминает стремительное нападение змеи. Тут же исчезает — и снова стремительный выпад, и еще, а после — просто головокружительные скольжения, к которым я пытаюсь приноровиться, поймать его, сжать, ощутить хоть что-то во всей полноте. А он ускользает. Он вроде здесь, но опять ускользает. И даже губы его отрываются от моих, и я тянусь за ними, не желая отпускать, стремясь только к одному — продолжить.

— Горячая у меня девочка, — хрипло шепчет он, позволяя мне коротко коснуться его губами, и вновь отстраняясь. — Ты ведь знаешь, что я сделаю с тобой, да, Роззи? — его пальцы, кружащие по моей промежности так конкретны, что просто не возникает сомнений, о чем он.

— Нет, — выдыхаю испуганно. Или все-таки предвкушающе? Потому что я знаю, знаю... Ну, примерно. Мне в общих чертах рассказывали. Только это надо делать ночью, на супружеском ложе, на котором потом рожать, а здесь, так... — Вы же не станете... Вы же не будете это сейчас...

— Нет, моя птичка, — легко соглашается он, — конечно же нет... Сначала я сниму с тебя трусики, — добавляет, выдержав паузу, достойную лучших актеров королевского театра. — Я ведь предупреждал мою девочку, верно? Лишние аксессуары в этом наряде только помеха. Перегружают ансамбль. Портят общую идеальную картину, — его руки скользят мне на ягодицы, захватывают тонкую ткань и резко дергают в тот момент, когда раскачивающаяся на ухабах карета заставляет меня очередной раз чуть подпрыгнуть.

Я успеваю только вскрикнуть, а трусики уже на бедрах. Треск разрываемой ткани — и они спадают с меня, скользнув прощальной лаской по ногам.

Я не просто замираю — я даже дыхание задерживаю от ужаса. Тонкая ткань была, конечно, слабой защитой, но хотя бы от его взоров она меня защищала. А теперь я, полуопрокинутая на сиденье, с ногами, широко разведенными и задранными выше головы, раскрыта полностью, а он смотрит. Смотрит. Да, едва ли он отвернулся.

— Прекрасная белая роза, — негромко произносит мой мучитель после паузы, показавшейся мне вечностью. И я не сразу понимаю, о чем он. — Тысяча и один лепесток, что создали твои юбки вокруг маленькой заветной сердцевинки, — поясняет он тоном, в котором сквозит любование. — И сама сердцевинка, состоящая из таких нежных, таких желанных лепестков.

— Вы извращенец, вам говорили? — хрипло выдавливаю, осознав, на что он так поэтично любит.

— Да, часто, — спокойно соглашается этот тип. — Просто в наш век разучились ценить первозданную красоту... Как думаешь, Роуз, тебе будет приятно, если я поцелую тебя туда?

— Нет! — я думала, он просто не сможет смутить меня еще больше. — Что вы? Это же...

— Это приятно, Роззи. Это просто очень приятно.

И он в самом деле поцеловал. И, не отстраняясь, начал ласкать — языком, губами. Меня бросило в жар, удовольствие тягучими волнами расходилось от той точки, что он так умело будоражил своими безумными прикосновениями. Бесконечная тьма перед глазами кружила вихрями бездонного космоса, и яркие, нереальные звезды вспыхивали то и дело — не то перед моим незрячим взором, не то в глубинах моего тела. Они жгли меня, распаяя все сильнее, порождая жажду большего, поднимая все выше к неизведанным, недостижимым прежде вершинам. И я хотела туда, я рвалась — все выше, выше...

Он отстранился, вызвав мучительный стон.

— Нет!.. Вы не можете... Не должны... Не исчезайте... — умоляла я почти в беспомощности, потому что знала — он может, может. Просто сделать полшага назад и перестать быть. Моя вселенная ограничена осязанием, то, чего я не чувствую — не существует.

— Сейчас, моя девочка. В этот полет мы отправимся вместе. Я с тобой.

Его левая рука обхватывает меня за поясницу, его правая... Он снял, наконец, перчатку? Хоть одну... Не перчатку — понимаю уже в следующий миг, когда его естество — большое, горячее — вдавливается в меня медленно, но неотвратно. Наваждение схлынывает, он раздвигает собой мою плоть так сильно, что хочется кричать от боли, кажется, он просто разорвет меня, там не может поместиться столько! Со мной, видимо, что-то не так, я не гожусь для этого, я слишком маленькая... Или это он слишком большой? Но это несовместимо, мы не подходим...

Он остановился на миг, дойдя до преграды, чуть потянул ее, отступил. И резко ударил, сметая ее и врываясь в меня до совершенно невыносимых глубин, наполняя меня собой, нет, переполняя меня. И замирая, давая мне возможность хоть немного привыкнуть к его присутствию.

— Сейчас, Роззи, — хрипло шепнул он мне, — сейчас опять будет хорошо. Чуть-чуть потерпи, и ты вновь почувствуешь.

Чувствую. Его толчки внутри меня — сначала медленные, осторожные, а затем все быстрее, резче. Пружинящая на рессорах карета задает ему ритм, и он ловит его, сливая все движения в одно, а боль уходит, боль давно ушла, есть лишь жар нетерпения, и стремление вновь подняться к звездам, и ураган, взметающий меня ввысь, и взрыв сверхновой, за которым приходит тьма. Ощущений нет. И я тоже не существую.

Скрип колес. И мерное качание кареты. Кажется, мы едем медленнее. Или это я воспринимаю все медленнее, возрождаясь вновь из небытия. Приятная истома во всем теле. Счастье — беспричинное, но всеобъемлющее, гнездящееся, кажется, в каждой клеточке моего естества. Губы сами расплзаются в довольной улыбке: как хорошо. Кажется, я могу ехать так вечно. Моя голова лежит на мужском плече. Сукно под щекой достаточно грубое — значит, не светский кафтан, а военный мундир. А сидеть удобно. Ну, еще бы, его колени мягче скамейки. На скамье он устроил мои ножки — все еще босые, но зато вместе, и не связанные. А руки, которые меня обнимают, все еще в перчатках, ну что за эстет? А перчатки белые, как я и предполагала.

Белые?

Резко вскидываю голову и моргаю, не в силах поверить чуду: я вижу! На мне нет повязки! Он снял!

— С пробуждением, Роуз, — знакомый голос. До сладкой дрожи, до жара внизу живота. — Все хорошо?

— Темно. Почему так темно? — я смотрю на него в упор, а вижу лишь смазанный силуэт. Гладко выбрит. Кажется. Волосы светлые. Вроде.

— Я задернул шторы на окнах. Не хотел, чтоб яркий свет тебя потревожил. Да и вредно тебе сразу из полной тьмы на яркое солнце. Пусть глазки пока привыкнут.

— Откройте, — требую я, даже не пытаюсь смягчить интонации. — Я хочу вас видеть.

— Ты, помнится, собиралась на ощупь, — улыбку в голосе слышу, а на лице разглядеть не могу. — Так изучай. Или теперь побоишься?

— Мне поздно уже бояться, — совершенно искренне отзываюсь я. И тут же понимаю, что мое тело окончательно пробудилось, и вспомнило все. И ощутило все проблемы сразу. — Нам долго еще ехать?

— Буквально минуты три. И будет постоянный двор со всеми удобствами. Потерпишь?

— Да. Конечно.

Поднимаю руку — медленно, словно удивляясь, что она свободна — и провожу по его волосам. Пострижены коротко, по военному. Не ежиком, но все равно жесткие. Лоб скорее высокий, чем широкий, пара вертикальных складок над переносицей, словно он вечно хмурится, недовольный собой и миром. Нос с горбинкой и широкими крыльями, будто раздутыми от негодования. Губы... губы тут же ловят и целуют мой палец, а там и вовсе засасывают его в рот.

— Рот я уже изучила чуть раньше, не отвлекайте, — невозмутимо отзываюсь, отдергивая руку.

— Точно хорошо изучила? — коварно улыбается он. Нет, не так. Я в голосе слышу эту улыбку. Это заигрывание, предвкушение. А неясные тени рисуют на лице оскал.

— Не точно, — пугаясь того, что вижу, я зажмуриваюсь и касаюсь его губ своими.

И ощущаю жар его дыхания, и знакомую сладость его обжигающе страстного поцелуя. Да, он не заставляет себя упрашивать дважды, он мгновенно отвечает, и я тону в его страсти, забывая дышать, сгорая от наслаждения. Малейшие сомнения исчезают: да, это эти губы ласкали меня, сводили с ума — беспомощную, связанную...

При мысли о цепях отстраняюсь и оборачиваюсь: а как оно вообще выглядит? Не вижу.

Ничего. Лишь неясные тени в углах. Тянусь к окошку и отдергиваю штормку. Чуть жмурюсь от яркого света, нетерпеливо промаргиваюсь и осматриваюсь вновь.

Никаких цепей. Ни для рук, ни для ног. Гладкие стенки кареты, обитые лисским шелком, и никаких петель или крюков, к которым можно было бы эти цепи прикрепить.

— Что-то потеряла? — невозмутимо интересуется мужчина, все еще держащий меня на коленях. Его глаза цвета стали смотрят холодно и высокомерно, брови нахмурены, чуть поджатая нижняя губа и тяжелый квадратный подбородок придают лицу выражение легкой брезгливости.

— Я пересяду? — это не совсем вопрос, я просто информирую его о своих действиях.

— Как желаете, герцогиня, — я слышу эту легкую усмешку в голосе, слышу! Но она совсем — совсем! — не отражается на лице.

Устраиваюсь на скамье напротив и продолжаю пристально изучать своего спутника. Да, военный мундир. Чин — наверно, большой, но я не разбираюсь знаках отличия, поэтому нашивки на мундире мне ничего не говорят. А вот фигура, обтянутая этим мундиром, мощная, внушительная: широкий разворот плеч, явно выше среднего рост. При этом подтянут, ни грамма лишнего веса.

Возраст? Не молод, уже, наверно, лет тридцать. Хотя — залысин нет, седина не пробивается, морщины тоже лицо не избородили. В общем и целом мне повезло. Если не считать его странных заявлений, что он мне не муж, а самозванец. И странного выражения лица, так не гармонирующего с моими ощущениями от знакомства с ним. Там, в абсолютной тьме, он был совсем другим... Я представляла его совсем другим. Да, наверно в этом все дело.

Карета останавливается. Спустя пару мгновений нам распахивают дверцу. Герцог выходит первым и галантно подает мне руку. Коленопреклоненных лакеев возле кареты не обнаруживается, но и необходимости в них я не ощущаю: будучи зрячей, я вполне могу и сама.

— Ваш плащ, госпожа, — незнакомый человек в строгом костюме протягивает мне широкий светло-бежевый плащ. Не мой, несмотря на его заявления.

— Надо накинуть, Роуз. — герцог тут же перехватывает у незнакомца плащ и набрасывает мне на плечи. — Мы немного запачкали платье.

Соображаю, чем именно, и мучительно краснею. И вот надо было кому-то делать это в карете!

— Ничего, так уже не заметно, — мой супруг (и пусть будет так, пока мне не докажут обратное) подносит мою ладошку к губам и легонько целует. — Кстати, знакомься: это Гастон, мой камердинер и секретарь в одном лице. Когда меня нет, все вопросы можно решить с ним.

— Приятно познакомиться, Гастон.

— Взаимно, моя госпожа.

— Закажи нам комнаты и обед. И пусть приготовят ванну для моей супруги, — отдает ему распоряжение мой спутник. И слышит в ответ спокойное:

— Да, господин.

Гастон удаляется. А я обеспокоенно хмурюсь: к герцогу так не обращаются. Неужели все же...

— Сейчас уже идем, Роуз, — он, несомненно, ощутил, как дрогнула моя ладонь в его руке. Но предпочел сделать вид, что неправильно понял причину. — Только познакомлю

тебя с нашей охраной.

Их было четверо — высоких, крепких мужчин в черных мундирах на черных, как ночь, лошадях. Хорошо вооруженных, с цепким, внимательным взглядом и движениями опасного хищника. Они уже спешили, и теперь стояли на почтительном расстоянии, ожидая дальнейших распоряжений. Мой супруг кивнул, приглашая их приблизиться, и представил:

— Начальник моей личной охраны Гаррет. В мое отсутствие все, что касается твоей личной безопасности, — на его ответственности. В любой спорной ситуации его решение приоритетно. Он имеет полномочия действовать даже против твоей воли.

— Приятно, — кивнула, не скрывая иронии. Но все же сочла возможным добавить: — Познакомиться.

— Его подчиненные: Уильям, Роберт и Кит.

Здесь комментариев не последовало, и я тоже просто молча кивнула. Затем мне представили кучера и двух лакеев, и я смогла полюбоваться, наконец, его легендарным выездом, о котором столько успела услышать, и даже испробовать в деле... Теперь вот даже не удержалась, погладила ближайшую лошадку — потрепала по шее, запуталась пальцами в блестящей, как шелк, черной гриве.

— Нравятся лошади, Роуз? — тут же поинтересовался тот, кого все его слуги звали лишь «господином».

— Да, — не стала скрывать. — У меня когда-то была. Не такая красивая, конечно. Но моя.

Он лишь молча протянул мне руку и повел в дом. Пошла, стараясь не выказывать разочарования. Не то, чтобы я ожидала услышать в ответ что-то вроде: «Теперь у тебя снова будет своя лошадка», но, в общем и целом, не отказалась бы. Если он герцог, ему и десяток лошадей подарить мне по средствам. А если не герцог...

Аж зажмурилась, старательно отгоняя от себя эту мысль. Нас в храме венчали. Обряд был, он мой муж и... Потому что если там, в бесконечной тьме кареты, он не шутил — то выходило все очень и очень страшно.

— Все хорошо, Роуз, — почувствовав, как отчаянно я в него вцепилась, поспешил успокоить супруг. — Все будет, конечно, немного не так, как ты в девичестве планировала, но без своего покровительства я никогда тебя не оставлю.

Покровительство? Какое неправильное слово. Не подходит для супружеских отношений. Совсем.

Меж тем мы зашли внутрь, и хозяин поспешил лично показать нам наши комнаты. Две отдельные комнаты. И даже не рядом.

В комнату, отведенную мне, уже занесли огромную бочку для мытья, и служанки вовсю таскали туда ведрами воду, а герцогские лакеи заносили снятый с закорок кареты тяжелый сундук.

— Там одежда для тебя, — сообщил мне герцог (нет, не герцог, скорей всего, но мне удобнее было именовать его так). — Сможешь выбрать себе по вкусу. Горничной в моем штате нет, но местные девушки тебе помогут. Я зайду через час, чтоб сопроводить на ужин. Располагайся.

Он ушел, а я устало присела на кровать. Все, что произошло со мной за последние сутки, было слишком... Слишком...

Прикрыв за собой дверь комнаты своей новообретенной супруги, мужчина, представившийся в церкви герцогом Раенским, прошел по небольшому коридору и скрылся в выделенном для него номере.

— Все готово? — поинтересовался у поджидавшего там Гастона.

— Да, мой господин. Все здесь, — слуга указал на стол, где уже стоял небольшой ларец, окованный чеканным серебром.

— Хорошо, распорядись, чтоб нам приготовили ужин. Мы спустимся через час.

— Как прикажете, господин, — секретарь, с поклоном, уходит. А господин запирает за ним дверь на тяжелый железный засов.

Затем возвращается к ларцу. Ключ от него он хранит на тонкой цепочке, висящей на шее. Чтоб открыть замок, цепочку приходится снять. Несколько поворотов ключа — и на свет появляется массивный каменный кубок на высокой ножке, с широкой и практически плоской чашей. Белый камень, из которого изготовлен предмет, вспыхивает в солнечных лучах миллионом маленьких искорок.

Следом за кубком из ларца извлекаются несколько флаконов разноцветного стекла с массивными резными крышками. Пара капель в кубок из одного, другого, третьего — и вот уже над белым кубком клубится густой синий туман, растревожено шипя, словно вода на углях, и заглушая этим шипением тихий шепот мужчины на древнем, позабытом всеми наречии.

С последним словом заклятья туман исчезает, и на дне чаши появляется изображение: комната, границы которой обозначены полупрозрачными шелковыми занавесями, ковер с множеством хаотично разбросанных по нему подушек, опрокинутый, давно потухший кальян. И бесчувственный мужчина, лежащий навзничь. Его белая сорочка полурасстегнута и почти полностью выскользнула из-под ремня форменных брюк. Руки расслаблены, хотя в ладони одной еще чудом удерживается мундштук кальяна. Вторая рука безвольно откинута над головой, и ее полураскрытая ладонь смотрит в небо.

— Как удобно, — улыбается тот, кто созерцает все через кубок. Чуть крутит сосуд в руках, приближая изображение мужчины. Но фокусирует не на лице — на раскрытой ладони. Она все увеличивается, пока не занимает собой все пространство чаши.

— Что ж, — удовлетворенно кивает наблюдатель и опускает кубок обратно на стол. — Примите мои поздравления с бракосочетанием, ваше высочество.

Он располагает собственную ладонь прямо над кубком и резко сдергивает с нее перчатку. Маленькая искрящаяся звездочка выпадает из перчатки и падает в чашу. Не задерживаясь, проходит ее насквозь, чтоб осесть на ладошке спящего человека. Тот чуть морщится, когда сияющая звездочка прожигает ему ладонь, забираясь под кожу, но так и не пробуждается от своего тяжелого забытья.

А белые перчатки — обе — падают на стол. Черный генеральский мундир с аксельбантами и эполетами тяжело оседает на пол. Вместе с форменными штанами, сорочкой, исподним и прочими, уже ненужными никому деталями туалета. Ведь в запертой изнутри комнате больше никого нет.

Лишь белесый, едва различимый туман неспешно вытекает в приоткрытое окно. Чтоб раствориться в бесконечности небес и позволить ветру нести себя — всюду и сразу. Он

слишком долго был герцогом, он устал. Тело этого внука и правнука королей было слишком тяжелым, громоздким, не приспособленным для простых радостей бытия. Жаль, что придется воссоздавать его вновь. Но его девочка заслужила хоть один вечер в обществе «благоверного супруга». Она так жаждала на него посмотреть. Пусть. Того, что она дала ему, хватит на десяток герцогов Александров. К тому же, ужин не храм, можно ограничиться только общим внешним подобием, не тратя лишних ресурсов. А для всего остального есть завтра.

Пока же у него есть еще целый час, чтобы позволить себе не быть. Не существовать. Вообще...

* * *

Через час — вымытая, причесанная, в новом нарядном платье глубокого изумрудного цвета — я спускалась в обеденный зал под руку со своим кавалером. Он наряд не менял, но он и прежде выглядел безупречно и сейчас смотрелся все так же идеально. Нас ждал столик, накрытый для нас двоих, обильная вкусная еда и хорошее вино.

Обеденный зал был полон самой разномастной публикой — от аристократов и до людей весьма сомнительного происхождения и рода занятий, в воздухе стоял гул множества голосов. И если наше появление в зале и привлекло к себе чье-то внимание, то весьма ненадолго.

Мой спутник был молчалив, задумчиво потягивал вино и больше разглядывал меня, чем дегустировал пищу. Не могу сказать, что мне это нравилось. Взгляд у герцога был весьма колючий. Там, в темноте, он казался мне совсем не таким. Когда я представляла, что именно с этим выражением лица он разглядывал меня в карете прежде, чем назвать белой розой, становилось едва ли не тошно. И рука тоже тянулась к бокалу с вином.

— Я пугаю тебя? — все же изволил нарушить он затянувшееся молчание.

— Меня пугает неопределенность. Почему на венчании было названо имя герцога Александра, а вы утверждаете, что вы — не он?

— Потому что моей целью было ввести в заблуждение общественность и сделать женатым герцога Раенского. А обманывать тебя я просто не вижу смысла.

— Но ведь обряд я проходила с вами? — нет уж, давайте конкретно.

— Да, именно я принял твою руку у твоего отца, — согласно кивает мой визави.

— Значит и на алтарь вы тоже положили свою руку — свою, а не герцога. И пара к моей звездочке, — я показала ему ладошку, — на вашей ладони.

— Нет, Роуз, — он ответил очень мягко, и, будь мои глаза все еще закрыты, я сказала бы, что он улыбнулся. Вот только на его неприятно холодном лице на улыбку не было и намека. — Брачные звездочки тех, кого я забираю из отчего дома, я не храню. Смотри, — и он очень осторожно отвернул край перчатки, оголяя ладонь. Она была чистая. Ни малейших следов прохождения обряда — ни малейших!

— Другую руку, — потребовала я у него внезапно севшим голосом.

Он показал. Все так же — отвернув край перчатки. Но ладонь была видна полностью. Чистая ладонь. Звездочки не было и там.

Почти наощупь нахожу свой бокал с вином и осушаю одним глотком, не чувствуя вкуса. Не могу оторвать взгляда от его рук. Он уже оправил перчатки и взялся за приборы, но все

равно — не могу.

— И что теперь? — спрашиваю едва слышно. Там, в карете, все было слишком призрачно, слишком нереально. Там, чтоб не потеряться в полной темноте, мне нужны были его прикосновения. Нужны как воздух, а все остальное просто не имело значения.

Здесь и сейчас мы словно вновь обрели краски, личности, статусы. Он мне не муж — в глазах Деуса и людей. Он... он — мой любовник, а я опорочена, обесчещена. Падшая женщина, которой уже никогда не найдется места в приличном обществе. Падшая, да. Смотрю на следы, оставшиеся на запястьях. Приличная девушка никогда бы не испытала удовольствия от подобного.

— Теперь мы ужинаем, — невозмутимо отзывается мой спутник. — А после тебе стоит лечь спать: день был тяжелый, а завтра выезжать на рассвете.

— Куда выезжать? Куда вы вообще меня везете?

— К себе домой. Тебе не стоит бояться, Роуз. Ни меня, ни своей судьбы. Поверь, она гораздо лучше той, что ожидала бы тебя без моего вмешательства.

— Вы не можете знать наверняка. По крайней мере, я осталась бы честной девушкой. Нормально вышла бы замуж...

— Нормально? С таким-то батюшкой? Роззи, милая, не смейся. Он привел тебя в храм, потому что я назначил встречу именно там. А выбери я бордель, и он привел бы тебя туда.

— Нет!

— Да. Он продал бы тебя первому, кто согласился купить, и ты это знаешь. И не факт, что другой покупатель согласился бы оплачивать покупку через храм.

— Не все обладают вашими возможностями, даже платя через храм, ставить на векселях чужое имя, — отзываюсь на это несколько раздраженно. Брак, на который согласия невесты не спрашивают, это продажа, не спорю. Но подлости его поступка сей факт не отменяет. — Как вам вообще это удалось? Обмануть алтарный камень невозможно, его бесполезно поливать чужой кровью, он считывает сущность.

— Я не поливал, Роззи, что ты. Иначе испачкал бы перчатки, а это недопустимо, — он лукаво улыбается, чуть склонив голову набок.

Нет. Это в голосе его лукавство, и в глазах вроде мелькает что-то. На краткий миг. И опять я вижу холодный взгляд. А от раздвинувшихся в улыбке губ по щекам словно трещины. Это лицо не умеет улыбаться. Оно не приспособлено для этого...

Становится жутко. Вглядываюсь пристальней. Мимических морщинок вокруг глаз нет, а ведь, судя по интонациям, он на все реагирует улыбкой. Раздражения же я от него не ощущала ни разу, а хмурые складки на лбу утверждают, что раздражает его вообще все.

— Я скопировал сущность, — добивает меня это чудовище, подтверждая все самые немислимые догадки.

— Невозможно, — тем не менее, упрямо произношу я. Однако мои побелевшие пальцы, ухватившиеся за столешницу, говорят скорее о том, что сомнений в его словах у меня практически нет. Но — тем страшнее то, с чем я, выходит, столкнулась.

Магия храма — она священна и дарована нам самим Деусом. Через камни своих алтарей он читает в наших душах и сочетает нас узамы брака — однажды и навсегда. А еще принимает клятвы, которые невозможно нарушить, и подтверждает добросовестность любых договоров. Руками своих служителей — скромных монахов братства Единого — он дарует исцеление телам и душам. А иной магии в мире нет.

Нет, не так, к сожалению. Есть еще темная, запретная и богопротивная магия, которой

владеют те, что продали душу Госпоже Преисподней. Черные колдуны и ведьмы, обратившиеся ко злу. Их сжигают, если находят. Но тот, кто не побоялся войти в храм, чтобы обмануть самого Деуса, должен быть очень силен. И очень самоуверен. И, несомненно, очень, очень черен душой.

— Выпей, Роуз, — он до краев наполняет мой опустевший кубок и подвигает ко мне. — Тебе стоит немного расслабиться. Все не настолько ужасно.

— А насколько? — угрюмо спрашиваю его и да, пью. Хотя руки дрожат, и темно-бордовые капли проливаются прямо на платье. Никогда не любила вино. Не понимала, в чем его хваленый «вкус». Кислое, горькое, терпкое — просто отравы. Еще ни разу в жизни не выпивала больше половины бокала. А тут — залпом глушила второй. И, похоже, не стану отказываться от третьего. — Кого я вижу сейчас перед собой?

— Герцога Александра Теодора Раенского, — любезно просвещает меня собеседник. — Впрочем — не только ты, его видят сейчас все посетители этой таверны. Это не морок, это вполне полноценный облик. Более чем полноценный, как ты имела возможность убедиться.

При мысли о том, как именно я убеждалась в «полноценности» его облика, дико краснею. Холодные цепи, которые я сжимаю горячими пальцами, разведенные в стороны ноги, беспомощно подергивающиеся в оковах, его восхищенное: «Белая роза», его губы... и не губы — там...

— Я имел в виду, что ты изучала наощупь мое лицо, а ты что подумала? — откровенно забавляется этот гад. — Налить еще вина?

— Не откажусь.

Снова пью, да. Нет, напиваюсь. Напиваюсь, потому что иначе я выкину что-нибудь дикое: начну истошно орать, рыдать, биться в истерике. Я не хочу, не хочу, не хочу, чтобы все это происходило со мной. Ну почему меня не выдали замуж за какого-нибудь мерзкого старикашку, предел мечтаний которого — горячий камин и жена, массирующая ему больные ноги? Пусть бы у него даже изо рта воняло, он бы все равно однажды помер, и я осталась бы уважаемой вдовой.

А теперь я блудница и пособница дьявола, не меньше. Я ж за этим колуном на костер пойду. Или вместо него.

— А... герцог Раенский... настоящий... он жив хотя бы?

— О да, вполне. Я вовсе не планирую занимать его место, если ты об этом.

— Зачем же вы тогда... так? — все же вина было много. Формулировать вопросы становилось все труднее. Зато возможные ответы пугали все меньше.

— Ну, должен же я дать ему хотя бы общее направление для поисков его дорогой супруги.

— А он будет... искать?

— Женщину, которая сломала ему жизнь? Несомненно.

— Я не ломала, это вы... — начала было возмущенно, но сообразила, что это вообще не важно. — А найдет?

— Захочешь — найдет, — неопределенно пожал он плечами.

— Не захочу, — в испуге выставила перед собой ладони. — Да он же меня убьет. Сразу... Зачем вы с ним так? — подумала о герцоге, которого незаметно для него женили, и стало его жаль.

— Он начальник Тайного Сыска. Начал искать не там, где надо, и не то, что следует. Приходится наказывать.

Сглатываю. И мне казалось, хуже быть не может? А он не сразу убьет. Он сначала в тюрьму — в каменный мешок, под землю. Там пытки — все как положено: огнем, водой, каленым железом. И только потом костер.

— Странный вид наказания, — мне почти удается, чтоб голос не дрогнул, — для него.

— Зато сразу поймет, за что. Ты будешь еще что-нибудь есть, или с ужином мы на этом закончим?

— Закончим, — кусок в горло мне все равно уже не лез. Да и голова начинала кружиться. Надо было уходить, пока я еще в состоянии сделать это самостоятельно.

Он кивнул и встал, отодвигая мне стул. И тут же подхватывая под руки, поскольку ноги, как выяснилось, меня уже не держали. А я полагала, мне лучше.

— Ух, какая ты у меня слабенькая, — он привычно улыбнулся. Сейчас, когда я не видела перед собой лица вечно недовольного герцога, я не сомневалась — мой колдун улыбался. Как и всегда. — Вон лестница, Роззи, видишь? Нам надо до нее дойти. Сосредоточься, ладно?

Мы дошли. Правда, я почти висела на его подставленной под мой локоть руке, а второй рукой он крепко придерживал меня за талию. Но кто же знал, что вино так коварно? Что голова еще вроде соображает, а ноги уже совсем не слушаются?

— Расколдуйте меня, — прошу его жалобно, пока мы с трудом поднимаемся по лестнице.

— Это как? — любопытствует он.

— Чтоб мне протрезветь... Не знаю, как. Вы же колдун.

Смеется.

— Значит, по-твоему, я колдун?

— А по-вашему — святой отец из ближайшего храма?.. — спотыкаюсь, не осилив подняться на очередную ступеньку. — Храма, — исправляю неправильное слово.

— Готов побыть немного святым, — он легко подхватывает меня на руки. — Но от должности отца решительно отказываюсь. Не отцовские у меня к тебе, Роззи, чувства, — и целует. В губы. Держа на руках, прямо в обеденном зале. Нет, на лестнице, что ведет из него, на возвышении — чтобы вообще всем посетителям прекрасно видно было!

— Что вы... творите? — сумела выговорить, отдышавшись.

— Расколдовываю, — смеется это чудовище. — Что, не помогло?

— Нет... Только хуже... Не надо, — от его низкого, вибрирующего у меня в животе голоса, от его близости, от его поцелуя действительно голова идет кругом и последние мысли теряются. — Вы же позорите...

— Я несую молодую жену в постель, сгорая от страсти, — невозмутимо заявляет он мне в ответ. — Пусть запомнят, как я был пылок и нетерпелив.

— Только ради этого? — я понижаю в его руках.

— Нет, — шепчет он мне так серьезно и проникновенно, что хочется верить, — не только.

На его руках так тепло и уютно, что глаза закрываются сами. Нет, я не сплю, я просто хочу туда, во тьму. В тот миг, когда я просыпалась у него на плече, и было не страшно.

— Ну вот, Роззи, — я вновь касаюсь ногами пола, и это не очень радует. — Постой секунду, я сниму с тебя платье.

— Раньше оно вам не мешало, — бормочу, не открывая глаз.

— А раньше я не спать тебя укладывал, — смеется в ответ, умело борясь с

крючочками. — Спать в платье — гадко, Роззи.

А я таю от его голоса — этих низких вибраций, похожих на мурлыканье огромного сытого кота.

— Скажите, а голос... — тороплюсь узнать, когда голова моя касается подушки. Ведь сейчас он исчезнет. Или я совсем пропаду. — А этот голос — он ваш, или тоже герцога?

— Голос мой, — успокаивает он, вынимая из моих волос жемчужные шпильки. — У герцога он грубее, резче — мне не нравится. Можно воссоздать, но зачем?

— А вы можете воссоздать... любой?

— Любой.

— И облик?

— И облик тоже. Какой ты хочешь, Роуз?

— Не знаю, — мои глаза уже плотно закрыты, и в этой тьме мне не нужен его облик, мне хватает голоса и прикосновений.

— Но все же, Роззи? Каким ты представляешь меня? — он уже закончил со шпильками, и теперь просто перебирает мне волосы, легонько массируя при этом голову. И это приятно, а главное — голова практически не кружится. Уютно.

— Не знаю, — бездумно повторяю я. — Черным... Черным-черным колдуном... Красивым... Как ваши лошади... Только не лошадь, а...

Смеется. Даже руку от моих волос убирает, так хохочет. Обидно. Сам спросил...

— Ну, спасибо, что хоть не лошадь, — потешается этот гад.

А я что? Просто лошади — они красивые и черные, и он тоже — красивый и черный. Потому что черный колдун, потому что во тьме... Нет, черный колдун быть красивым не может, он же злой, а злые, они... Вот только голос... голос... красивый...

Настойчивый стук в дверь будит меня, когда за окном еще серые предрассветные сумерки. Гастон. Корректен, вежлив, но неумолим.

— Прошу прощения, моя госпожа. Через полчаса мы выезжаем. Ваш завтрак ждет вас внизу, поторопитесь.

Киваю. И тут же взываю: голова болит дико. А еще понимаю, что кивала напрасно: за дверью сего не видно.

— Хорошо, — повышаю голос, лишь бы только не подходить к двери.

— Прислать вам горничную, госпожа?

Ах, даже так вопрос ставится?

— Справлюсь.

Нам, бесчестным девушкам, или, вернее уже — бесчестным женщинам, горничные не положены. Мы уж теперь как-нибудь.

Взгляд падает на прикроватный столик. Там обнаруживается бокал с прозрачной жидкостью и прислоненная к нему карточка. В ушах шумит, в глазах все плывет, голова раскалывается. Подношу карточку к глазам и подслеповато шурю, пытаюсь рассмотреть надпись.

Одно единственное слово: «Расколдовывательное». И роза там, где должна быть подпись. Старательно вычерченная черным пером белая роза... Гад. Гад, колдун и сволочь, погубивший меня. Вот зачем он так? Я ж влюблюсь...

Улыбаюсь. Даже сквозь головную боль. И пью, даже не сомневаясь, что поможет.

Полчаса спустя, одетая в простое бежевое платье с удобной застежкой спереди, после скромного, но довольно сытного завтрака, я поднималась в карету, опираясь на руку Гастона. Головная боль прошла без следа, а вместе с ней и уныние, и даже отчаянье. Жизнь еще не закончилась. Она запуталась, да, но он...

На сиденье кареты лежала роза. Живая. Белая. Я взяла ее в руки и поднесла к лицу, вдыхая нежный аромат.

Дверца за моей спиной захлопнулась.

— Трогай, — повелительно бросил Гастон.

— Но как? — я тут же испуганно выглядываю в окошко. — А ваш господин? Разве он не поедет?

— Он присоединится к вам позже, моя госпожа. Много дел. Приятного пути.

Карета уносится прочь. Гастон остается на постоялом дворе, спокойно глядя нам вслед до тех пор, пока я могу его видеть. Его господин... даже не нашел времени, чтобы лично сказать мне «доброе утро». Отчаянно сжимаю в руках розу. Он еще не бросил меня, не бросил! Я еще нужна ему!.. Наверно... Скорей всего...

Поездка была долгой.

* * *

Солнечные лучи не пробивались сквозь шелковые занавеси. Зато пробивались голоса. Шум, крики, угрозы. Светлейший герцог Александр Теодор Иоанн поморщился и сел.

стараясь побороть дурноту и головокружение. Недоуменно взглянул вокруг — этого места он не помнил. Обнаружил в своей руке мундштук кальяна и отбросил прочь с откровенной брезгливостью. Любителем подобных забав он не был никогда, но, судя по тяжелому пробуждению... Что же ему здесь намешали? И где это — здесь?

— Ваше высочество! Слава Деусу, мы нашли вас! С вами все в порядке? — дворяне его свиты во главе с капитаном его личной охраны, врываются в комнату.

— Да, разумеется, — герцог тяжело поднялся, стараясь не пошатнуться. — А вы разве потеряли? Хороши, нечего сказать... Что это за место?

— Опиумный дом Токато. Восьмой переулок Квартала Теней. Мы и предположить не могли...

— Плохо, что не могли. Давно я здесь?

— Мы потеряли вас позавчера после заката. Ваша карета вернулась в резиденцию пустой. Все видели, как вы в нее сели, но никто — ни лакеи, ни охрана — не видели, чтоб вы ее покидали.

— Позавчера? — грозно хмурится герцог. Смутное видение — хрупкая, полупрозрачная фигурка девушки на углу рыночной площади — на миг мелькает перед его мысленным взором. Но тут же оказывается сметено негодованием: — И вам потребовалось больше суток, чтобы разыскать меня?!

— Чужая страна, — слышит он жалкие оправдания в ответ. — Мы не могли предавать огласке... Политические последствия...

— Были бы, если б мой труп нашли завтра в канаве с перерезанным горлом! Выяснить все об этом борделе: как я здесь оказался, когда, кто меня привел... принес... Найти и доставить ко мне!

— Но у нас нет полномочий...

— Плевать! Найти и доставить! Первые результаты хочу иметь через час!

— Но, ваше высочество, через час — ваше бракосочетание с принцессой Марбургской! Вас ждут в храме Белой Горы, вам следует поторопиться...

— Оно же завтра... Ах, да, — пропавшие из его памяти сутки жизни сильно сбивали с толку. — Тогда быстрее в резиденцию! Я не могу позволить себе опоздать!

Дальше была бешеная скачка в резиденцию, круговорот слуг, пытавшихся в рекордные сроки привести своего господина в парадный вид (из крайне, надо сказать, не парадного). Затем — чинная поездка в открытой карете до главного храма (тут спешить было уже нельзя, надо было являть себя городу и миру, давая всем любопытствующим возможность полюбоваться столь значимой персоной, прибывшей в их столицу по столь значимому поводу). И все это время — отдавая распоряжения, кивая, принимая позы — он мучительно пытался вспомнить, что же случилось с ним позавчера, что заставило его покинуть карету, как он смог сделать это незаметно для окружающих?

К авантюрам он был не склонен. Маленьким мальчиком под докучливым надзором тоже уже давно себя не ощущал. И своих сопровождающих воспринимал не только как неизменный, но и как крайне важный элемент собственной жизни. Тогда как? Почему он от них ушел?

Рыночная площадь. Да, вот здесь, на углу, стояла цветочница. Она держала фиалки. И она ему улыбнулась. И... Нет, глупость, разве это повод? Понравься ему женщина — он бы сказал Бертрану, и эта женщина ждала бы его в его спальне уже к моменту его приезда. Зачем самому? Другое... Значит, было что-то другое...

Так и не вспомнил. Храм.

Все как положено: орган, свечи. Он ждет свою невесту у алтаря, она медленно движется по проходу. Принцессу Марбургскую он видел до этого только раз, мельком. Это было несколько лет назад, во время прошлого его визита. Делового визита, тогда речи о браке еще не шло. Он встретил ее в саду, она ловила бабочку, окруженная толпой нянек и гувернанток. Обычная девочка, ничего выдающегося. Ничего отталкивающего, впрочем, тоже. Поэтому сейчас, когда союз с Марбуром стал для их королевства насущной необходимостью, от предложения своего царственного кузена отказываться не стал: надо — значит надо. Да и не отказывают королю, будь он хоть кузен, хоть отец родной. Если жизнь дорога, конечно. Ему была дорога.

Принцесса подошла. И король Марбура Хосе Мигель вложил руку своей дочери в его. Орган смолк, священник начал священнодействие, алтарный камень засиял нежно-голубым светом, демонстрируя всем, что само небо в свидетелях. Все слова подтверждения сказаны, руки вступающих в брак опускаются на алтарь...

И тот словно взрывается! Мгновенно раскаляясь, он становится алым, храм сотрясают громовые раскаты, а жених падает навзничь, словно сраженный молнией.

— Клятвопреступник! Клятвопреступник! — с ужасом, а затем и с ненавистью повторяют в толпе приглашенных.

Ему помогают встать. В ужасе не меньшем, чем окружающие, он смотрит на пылающий алтарь. «... женат на Роуз Элизабет Ривербел...». И вчерашнее число. День, которого он не помнит.

— Это фальсификация! — пытается протестовать против вердикта небес жених. — Мои руки чисты, я не женат! — он вытягивает вперед раскрытые ладони, демонстрируя священнику, королю, невесте. И замечая, наконец, сам: середину его левой ладони занимает маленькая брачная звездочка с отчетливо видимым кровавым ободком. Знаком того, что он взял кровь своей жены на брачном ложе, и ее кровь отныне его, а его — ее.

— Клятвопреступник! Клятвопреступник!

Принцесса падает в обморок. Король (и не только он) хватается за меч. Из храма герцог не просто с позором уходит — он отступает. Спрятавшись за спинами своих гвардейцев, как за щитами. Провожаемый проклятиями и обещаниями скорой смерти. Оставляя на ступенях храма кровь своих защитников и кровь тех, кто пытался помешать им его защищать. Открытая карета для поездки уже не подходит — он уезжает верхом. Уносится, не разбирая дороги и затоптав пару не слишком расторопных прохожих. Не до реверансов — вслед летят выстрелы.

Из резиденции уходит через черный ход, переодевшись на бегу. Едва успевает скрыться в быстро прибывающей толпе. Отойдя от опасного места на пару кварталов, за своей спиной видит зарево: резиденцию подожгли. Остается надеяться, что все члены посольства успели... Впрочем, чего лукавить: понятно, что успели не все. И тех, кто не успел, толпа растерзает. Такого бесчестья своей принцессы народ не простит.

Он торопливо движется дальше, надвинув потрепанную шляпу на глаза и завернувшись в плащ ремесленника средней руки. Сначала скрыться. И только потом — думать.

Несколько часов спустя, в грязной придорожной таверне он угрюмо грызет пригорелое мясо домашней птицы, умершей от старости и болезней. Запивает перебродившими помоями, поданными ему вместо вина, и пытается сообразить, что делать дальше. Его верные люди большей частью при нем, но их немного, всего десяток. Слишком много, чтоб

скрыться незамеченными. Слишком мало, что бы суметь отбиться от серьезного отряда. А в том, что отряд, высланный на его поимку оскорбленным в лучших чувствах Хосе Мигелем, будет серьезным, сомневаться не приходилось.

Как и в том, что война между Марбуром и родной Иглезией, которую надеялись избежать с помощью этой свадьбы, теперь фактически неизбежна.

Пытаться пробраться во дворец, добиться аудиенции у находящегося в бешенстве короля, объяснить, попробовать уладить все миром, пока не стало еще слишком поздно? Нет, бесполезно, что он скажет в свое оправдание? Будь брачная звездочка на его руке непорочно чиста — еще могли бы быть варианты. Теперь же... Никто не поверит в его невиновность, в его непричастность. Его обвинят в намеренной провокации конфликта. Все. И король Марбура Хосе Мигель Двадцать Пятый. И король Иглезии Георг Двенадцатый. И их подданные по обе стороны и без того очень спорной границы.

Случившееся было катастрофой. Но герцог даже мысленно не задавал вопросов, за что ему это. Он вспомнил.

Девушка на углу рыночной площади. Она действительно держала в руках букет фиалок. Но она не торговала ими. Просто наслаждалась их нежным ароматом. И ждала его.

Он узнал ее сразу, едва взглянул. Этот искусственно-крестьянский наряд пастушки из тончайшего шелка — такие были в моде лет двадцать назад, когда любили рассуждать о естественной красоте и близости к природе. Эти чуть растрепанные локоны, выбивающиеся из-под узкой ленты — такие светлые, что солнце просвечивало сквозь них, окутывая голову сказочным ореолом. Эти огромные голубые глаза невинной девы и лукавая, чуть порочная улыбка уголками губ, что так волновали его всегда, заставляя сердце биться чуть громче. Всегда, сколько он ни смотрел на ее портрет. Анабель Мария Дешо, в замужестве Уэсли. Она пропала восемнадцать лет назад, выйдя из храма вместе со своим молодым супругом, сев в карету и умчавшись с ним в неведомую даль.

Анабель пропала, а вот супруг нашелся. Точнее, он и вовсе не пропадал никуда. Жил себе в своем имении, потягивал вино, постреливал куропаток... И знать не знал никакой Анабель Марии. Несмотря на наличие брачной звездочки на руке, брак с девицей Дешо отрицал, как и знакомство — даже шапочное — с ее родителями. Дело могло бы стать громким, но его замяли. Родители предпочли забыть про дочь, лишь бы в свете не ходила сплетня про то, что они выдали ее непонятно за кого неизвестно как. Церковники предпочли замолчать тот факт, что алтарный камень способен порой сотворить нечто настолько странное. Сквайр Уэсли в попытках развестись с неизвестной девицей, к тому же бесследно пропавшей, пытался шуметь больше всех, но и ему объяснили, что при любом раскладе он первый подозреваемый. Он умер лет десять назад, так и не сумев ни развестись, ни жениться вновь, род пресекся, дело легло в архив... И если бы не юношеское увлечение герцога Александра, продолжения бы эта история не имела.

Ему было пятнадцать, а может и меньше, когда, гостя в поместье одного из приближенных отца, он увидел портрет юной девушки, показавшейся ему прекраснее всех на свете. Он задал вопрос и услышал историю, поразившую юношеское воображение. Тайна Анабель не давала ему покоя долгие годы.

Нет, конечно, потом он забыл о ней, прошел через войну, возглавил Тайный Сыск, заменив на этом посту своего рано ушедшего отца. А там было столько мрачных тайн, грязи, подлости, черного колдовства, что исчезновение Анабель Дешо казалось просто милой забавой.

Пока он не наткнулся на свидетельства того, что случай с Анабель был далеко не единственным. Вот уже как минимум лет пятьсот (а может и больше, но более ранние архивы сгорели в пожаре) время от времени случаются свадьбы, в которых жених не участвует. Он просто просыпается однажды с брачной звездочкой на ладони и до конца своих дней уже не может от нее избавиться. Невесту же после подобной свадьбы не видит более никто и никогда. Как и Анабель, она уносится прочь от церкви в роскошной карете вместе с самозванцем, которого все считают ее мужем, и пропадает на веки вечные.

Десятки подложных женихов. Десятки родов, пресекшихся без наследника. Десятки юных дев, сгинувших без следа. И десятки раз, когда алтарный камень совершал немислимое, противное самой своей божественной природе: подлог! Кто мог быть настолько силен, что бросал вызов самому Деусу? Кто мог быть настолько опасен, что подрывал основы существующего миропорядка? Ведь если алтарный камень возможно обмануть, выходит — Деус не всемогущ. Или не честен. А значит — и это страшно — не бог!

И Тайный Сыск занялся этой проблемой. Он лично занялся этой проблемой.

А тут — свадьба. И Анабель.

Она стояла на углу с букетом фиалок. В той самой позе, что была изображена на портрете. В том самом платье. И даже солнце, совсем как на полотне живописца, сияло в ее чуть растрепанных волосах. Она встретилась с ним взглядом. И улыбнулась. И поднесла фиалки к лицу, вдохнув аромат. И кивнула ему, будто всегда его знала. И, чуть качнув приглашающе головой, двинулась прочь — сквозь толпу многолюдного рынка. А он, как мальчишка, выскочил на ходу и бросился следом.

Почему этого никто не заметил, он не знал, предполагал — отвлекли. Предполагал сейчас, тогда ему было неважно. Он бежал за ней, расталкивая прохожих, и все не мог догнать. Она казалась ему порой бесплотной тенью, прозрачной настолько, что сквозь нее просвечивали другие люди. А порой ее фигурка обретала объем и краски, и становилась совсем неотличима от прочих женщин в толпе. Если бы не платье, вышедшее из моды еще во времена его детства. Если бы не светлые локоны, крайне нетипичные для южанок Марбура. И не шелковые бальные туфельки, идеально белые и чистые, несмотря на навоз, грязь и лужи, то и дело встречавшиеся на пути. Она словно скользила над реальностью этого мира — легкая, невесомая...

— Анабель! — кричал он ей вслед, безнадежно отставая. — Анабель, постойте!

Она остановилась уже потом — в комнате с шелковыми занавесями вместо стен и огромным ковром с высоким мягким ворсом.

— Мне сказали, вы хотели меня видеть, Александр, — обернулась она к нему, чуть склоняя набок изящную головку и глядя на него огромными, чистыми, как небо, глазами.

— Да, — он сглотнул, чувствуя непонятную самому себе робость, — я хотел. Я всегда хотел вас найти, Анабель.

— Ну... вы нашли, — она лукаво улыбнулась, вновь вдохнула аромат своих фиалок. — Значит, это — вам, — и протянула ему цветы.

Он взял. И тоже поднес к лицу, вдыхая нежный лесной аромат.

Чтоб очнуться две ночи спустя, женатым на неизвестной девице, которую уже никто и никогда не найдет.

Он вновь отхлебнул из кубка омерзительного пойла, вновь поморщился, раздражаясь на собственный идиотизм. Его поймали, как дурака, развели, как лоха. Анабель. Девчонка, пропавшая без вести восемнадцать лет назад. И не постаревшая ни на день. Как он мог на

такое купиться?!

Дело о пропавших невестах принимало очень скверный оборот. Если тот, кто за этим стоит, не побоялся поставить два государства на грань войны, лишь бы только шелкнуть его по носу и наказать за излишнее любопытство, останавливаться он явно не намерен. И похищениями невест дело не ограничится. А человек, способный заставить алтари признать правдой любую ложь, поистине страшен.

И действует он в Иглезии. Именно там пропадали невесты, именно главу Иглезийского Сыска только что убрали с доски... Значит, надо домой! С Хосе Мигелем пусть разбираются дипломаты. Конечно, он оставит своим марбургским агентам инструкции выяснить все про девушку с фиалками, да и прошлого своего приказа — разузнать все про тот опиумный притон, где его обнаружили — он не отменял. Но почти не сомневался, что результатов это не даст.

В таверне задерживаться не стали. Немного перекусив и собравшись с силами, герцог и его люди пустились в отчаянную скачку до самой границы. Возможно, их не догнали, возможно — и вовсе не преследовали, но границу они пересекли успешно. А уже на родной земле герцог Александр Теодор Иоанн Раенский был арестован личной гвардией короля Георга и препровожден в казематы тюрьмы Сэн-Дар. Сопrotивления при аресте светлейший герцог не оказал.

* * *

Небольшой городок, в который мы въехали часов через двенадцать отчаянной скачки, показался мне просто воплощением покоя, гармонии и уюта. Маленькие опрятные домики с цветами на окнах, паутинка узких, извилистых улочек, разбегавшихся от главной дороги, опрятная гостиница неподалеку от главной площади — что еще нужно уставшей путешественнице, чтоб признать город пределом мечтаний?

Нет, конечно, остановки в пути мы время от времени делали, и даже обедом, весьма проворно сваренным на костре, меня покормили. О моем комфорте заботились с максимальным старанием и предупредительностью, но столь длительное путешествие комфортным быть не может просто по определению. От бесконечной тряски попа давно превратилась в отбивную. Пейзажи за окном, поначалу радовавшие меня живописными видами, холмами — лугам — перелесками, постепенно слились в одно невыразительное и бесконечное зеленое пятно.

Мысли... мысли тоже словно ходили по кругу, возвращаясь к неизменному: я ничего толком не знаю и ничего толком не могу. Бежать? Куда, зачем и на какие деньги? Родителям я не нужна, мне их заботы тоже уже хватило. Искать герцога, чтоб осчастливить известием, что я его законная? Он осчастливится. И овдовеет на радостях, а мне бы еще пожить. А мой похититель... тут мои мысли вообще сбивались, и вместо того, чтобы думать, что он со мной сотворил, я думала о том, как он это творил... и как он нес меня на руках вечером в номер... и как гладил по волосам...

Слава Деусу, что мы, наконец, приехали, и дверцу моей кареты приглашающе распахивают, позволяя ступить, наконец, на твердую землю.

— Это конечная точка нашего путешествия? — интересуюсь у Гаррета, любезно подавшего мне руку.

— На сегодня да, моя госпожа. Вы сможете как следует отдохнуть.

— А завтра мы опять уедем с рассветом? — при одной только мысли об этом меня передергивает.

— Нет, госпожа, — успокаивает меня мужчина. — В городе ярмарка. Господин предположил, что вы захотите купить себе что-нибудь. Он забрал вас из дома совсем без вещей.

— Ну, он же предоставил мне, — я кивнула на сундук, который лакеи споро сгружали с кареты, — вещи.

— Он приобретал их на свой вкус, у вас могут быть свои предпочтения. К тому же он просто не мог учесть абсолютно все, — начальник моей охраны чуть пожал плечами. — Он передал вам это, — в мои руки лег тяжелый кошель. — И сказал, что вы можете смело тратить все, в следующий раз он даст еще денег.

— В следующий раз? — тут же уточняю, глядя на то, как местные конюхи проворно распрягают наших лошадей.

— В другом городе, моя госпожа.

— В каком? Куда мы вообще едем?

— Не могу знать, моя госпожа, я следую за каретой.

— Врете, — разочарованно вздыхаю я. Сегодня во время привала я уже пыталась выяснить у моих сопровождающих, куда же меня везут, но добилась не большего, чем сейчас.

— Придерживаюсь полученной инструкции, — спокойно склоняется он в поклоне.

Один из коней, будучи освобожденным от сбруи, тут же падает на спину и начинает перекатываться с боку на бок, опасно болтая в воздухе всеми четырьмя копытами.

— Осторожнее, госпожа! — молодой конюх — черноволосый, стройный и гибкий — блеснул в мою сторону синими, как небо, глазами. — Здесь двор не ровный — уклон, он может скатиться чуть ниже и вас задеть.

— Так заставь его подняться! — тут же напустился на парня Гаррет. — Какого беса ты позволяешь ему так кататься?

— Будьте снисходительны, господин. Конь проделал долгий путь, устал...

— Подними его, я сказал!

Я развернулась и ушла внутрь. Если не путаться под ногами людей и коней — будет больше толку. Номер меня уже ждал. Умывшись и переодевшись с дороги, я поняла, что ужинать еще не хочу, а сидеть на месте после целого дня в карете просто не в состоянии. Прогулка по городу показалась мне неплохой идеей, и я не стала откладывать ее на завтра.

Однако выйти из гостиницы одной мне не дали. Гаррет тут же приставил ко мне одного из своих людей. Наверное, он был прав, не стоило гулять под вечер одной в незнакомом городе. Да и в знакомом не стоило, если честно. Но все же у меня было чувство, что я под конвоем. Не самое приятное ощущение.

Расспросив хозяина гостиницы об основных ориентирах, направилась на главную площадь. Несмотря на то, что время близилось к ужину, тут было шумно и многолюдно. Ярмарка. Многочисленные прилавки, сколоченные на скорую руку и заваленные самым разным товаром. Бесконечные шатры с зазывалами у входа, предлагавшими за пару медных монет увидеть все самое невиданное и познать все самое непознаваемое. Детские карусельки с осликами, где понурые зверюшки, привязанные к спицам огромного колеса, монотонно бродили по кругу, катая малолетних наездников. Площадки для состязания в борьбе. Площадки для танцев. Грубо сколоченные лавки и столешницы многочисленных

уличных забегаловок, стоящие прямо на проходе и манящие ароматами жареного мяса с травами. И множество мужчин, остро пахнущих пивом и чесноком, приглашающих меня составить им компанию за тем или иным столиком. И боюсь, только наличие хмурого охранника за моей спиной заставляло их ограничиваться исключительно приглашениями.

Увы, ярмарка не радовала. Я чувствовала себя здесь чужой и совершенно одинокой. Мне не с кем было сесть за столик, что бы попробовать местную кухню (о том, что бы девушке сесть одной, не могло быть и речи), не с кем было выйти в круг, что бы присоединиться к танцующим. Я так и не смогла решить, что мне следует купить на полученные деньги, поскольку не слишком хорошо представляла, что у меня вообще есть (обстоятельно изучить содержимое сундука еще не довелось), да и не в сумерках же заниматься столь важными вещами.

Уже решила вернуться обратно в гостиницу, признав, что гулять по городу вечером было плохой идеей, как на меня, словно вихрь, налетел какой-то парень, обхватывая за талию и едва ли не внося в очередной круг танцующих, мимо которого я как раз проходила.

— Танец, красотка! — потребовал он у меня, отпуская, но тут же протягивая руки. Охранник, бросившийся было меня спасать, остановился, ожидая моей реакции. Вокруг нас в безумном вихре кружились пары. А я взглянула в синие, как небо, глаза под черной лохматой челкой, и узнала его: конюх их нашей гостиницы. Тот самый, что не удержал лошадь, позволив ей кататься в пыли. Правда, тогда он был в широкой рубахе навыпуск, а сейчас рубаха аккуратно заправлена в штаны, поверх надета черная замшевая куртка — сильно потертая, но все же вполне опрятная, и даже на протянутых мне руках — перчатки из черной замши.

Дочь графа (ах, нет, уже герцогиня, хоть и герцогом непризнанная) и конюх? Хорошая пара. А впрочем, чем я рискую? Это ярмарка, меня здесь никто не знает. Да и вообще, это просто танец. И я протянула ему руки и позволила увлечь себя в бурный круговорот.

Танцевал он неплохо. Было видно, что городских гуляний не пропускает, да и на гуляниях не пиво у стеночки пьет. А вот про себя я, увы, сказать не могла такого. И про танцы, и про городские гуляния. Я полонез хорошо танцевала. И менуэт. И много еще чего интересного, чего на площадях не пляшут. А вот из того, что тут пляшут... Приходилось осваивать на месте. И пару раз позорно спотыкаться, и в ногах путаться. Хорошо, кавалер мне попался терпеливый, держал крепко, падать не позволял. И только смеялся, когда я нелепо носом ему в грудь утыкалась:

— О, красотка! Я знаю, что тебе нравлюсь, но ни при всех же! — и даже кончиками пальцев по шейке провел, наглец.

— Руку! — тут же нервно рыкнула я.

— Ну, прости, принцесса, сама меня в грудь целовать вздумала, — фыркает в ответ этот мерзавец, но руку послушно возвращает на место. — Так что, придешь ко мне ночью на сеновал? — интересуется бесстыже полкруга спустя.

Нет, точно зря я с ним танцевать вздумала. Ясно же, что кавалера несло — видно, пива он успел немало выпить для храбрости. Хотя пивом от него не пахло. Отчетливо пахло лошадьми — и от его одежды, и от давно не стриженных волос. Но лошадей я любила (может быть, слишком), и потому их запах — это не то, что могло бы меня оттолкнуть. А вот непомерная наглость — она отталкивала.

— Так что, красотка, придешь? — повторяет, не дождавшись ответа.

— А сам как думаешь? — вздыхаю раздраженно. Ну не объяснять же ему посреди танца,

что не там он себе подружку ищет. И не теми словами.

— Думаю, что придешь, — самоуверенно заявляет этот наглец, останавливаясь вместе с музыкой и благодаря меня поклоном за танец. — Не задерживайся, — и тут же исчезает в толпе, прежде чем я успеваю придумать хоть слово в ответ. Да у меня просто слов нет от подобной наглости!

Я, все-таки, раньше с конюхами не общалась, да и в народных гуляниях не участвовала, не привыкла к подобным выходкам. Да и слава Деусу, что не участвовала. И сейчас не стоило.

Кивнув своему охраннику, отправляюсь назад в гостиницу. Надо ужинать, да разобрать внимательно тот сундук, чтоб понять, что мне покупать стоит. Знать бы еще, куда меня везут, и что меня там ждет — тогда и с покупками было б проще определиться.

Подумав о покупках, рефлекторно прижимаю правую руку к карману с кошельком — чтоб лишний раз убедиться, что он все еще при мне. И тут же убеждаюсь в обратном: денег нет. Карман совершенно пуст.

А ведь перед тем, как меня вытащили танцевать, деньги были — я как раз проверяла. Я всю дорогу только и делала, что проверяла, боясь, что в такой толпе... Вот, собственно, и... Расслабилась.

— Что-то случилось? — тут же интересуется мой охранник, стоило мне замереть на месте.

— Деньги, — признаю обреченно. — Вытащили кошелек.

— Плохо, — соглашается охранник. — Но возвращаться и искать бесполезно.

Это я понимала и сама. Оставалось только радоваться, что хватило ума взять с собой не все, полученные от Гаррета, деньги, а лишь небольшую часть. Но все равно жалко.

И жалко даже не денег, поняла я, вернувшись в номер и взглянув на себя в зеркало. Золотой цепочки с маленькой бриллиантовой капелькой, единственного украшения, оставшегося у меня из дома, не было тоже.

Вспомнила руку на своей шее. Как я упала лицом ему на грудь. И как я перед этим споткнулась об ногу своего кавалера, и еще решила, что от собственной неуклюжести...

Снял. Гад. Пока я глупо злилась, думая, что со мной заигрывают, он попросту меня обчистил! И кошелек тоже явно он, больше некому!

Но... Но ничего, я ведь знаю, кто он! И где его найти. А он вряд ли узнал меня... Хотя нет, может быть и узнал. Узнал, но не думает, что я его помню. Благородные дамы конюхов не рассматривают. Потому и вел себя так нагло.

Сеновал? Ладно, будет тебе сеновал. Вот только приду не одна, уж не обессудь. Мне тут мой муж-немуж аж четырех охранников в сопровождение выделил, а я с ним, как ни крути, в церкви венчанная, послушаться-то грех. Так что пусть сопровождают.

Постучалась к Гаррету, объяснила проблему, и он, коротко кивнув, тут же поднялся. Прихватив по дороге сучавшего в обеденном зале Уила, мы наведались на конюшни. Но синеглазого конюха там, увы, не застали.

— Так в город ушел, выходной у него, — старший конюх моего обидчика по описанию сразу признал, да и неудивительно: слишком уж внешность у парня примечательная. — Теперь, небось, и до утра не вернется. А зачем нужен-то, учинил что?

— Да нет, — Гаррет равнодушно сплюнул сквозь зубы. — Наоборот: подзаработать ему предложить хотели. Госпоже он глянулся, парнишка, вроде, смысленый...

— Да смысленых у меня хватает. Вот Колин, к примеру, вполне, — старший кивнул на

рыжего детину, меланхолично грызущего соломинку неподалеку.

— Не, — не согласился мой страж, мельком глянув на Колина. — Чернявый нужен. Чтоб лошадям, понимаешь, в масть... Так ты скажи ему, как придет: пусть найдет Гаррета, не пожалеет. Звать-то его как?

— Да Лисом кличут.

— Забавно кличут, — хмыкнул Гаррет. — Так ты не забудь, — в руки старшего конюха упала монетка.

А мы вернулись в гостиницу.

— Не переживайте, госпожа. Найдем мы вашу пропажу.

— Боюсь, прогуляет он за ночь все деньги, да и кулон мой продаст, — печально вздыхаю в ответ. Былой азарт от скорой поимки вора сошел на нет. Ну, поймаем мерзавца. Получит он пару затрещин — мне с того что?

— Продаст — расскажет, кому. Вернем, госпожа.

Спорить не стала. Поужинала в обществе своей охраны, да и отправилась в номер, сообщив, что до утра выходить не планирую, а потому своим временем они вольны располагать. Заказала себе бочку горячей воды, чтоб помыться с дороги, и, пока воду кипятили да таскали, села разбирать сундук с «приданным».

А выбор одежды там оказался прелюбопытный. Пара нарядов «ну очень знатной дамы» — для королевского приема, конечно, не подойдут, но для визита герцогини в любое великосветское собрание рангом пониже — самый раз. Еще пара платьев «просто знатной дамы», или, правильнее «дамы в путешествии»: удобны, практичны, просты. Однако дорогая ткань и приличествующий аристократии крой не позволяли усомниться в статусе их владелицы.

Не позволяли, да. Но именно такое платье было на мне сегодня, и кое-кто не просто позволил себе усомниться, он еще и... Ладно, сама хороша! Как я могла вообще согласиться танцевать с конюхом?! Немыслимо. То ли атмосфера ярмарки так заразительна, то ли внезапное одиночество так угнетает...

Ладно. Дальше было куда интересней. В сундуке нашелся наряд горожанки очень средней руки — с грубой суконной юбкой, жилетом, да даже чепец прилагался! Вот это для герцогини, по мнению моего «не-суженного», зачем? А дорожный мужской костюм, причем очень неплохого качества — он что, предполагал для меня возможность ехать верхом? Нет, уверенной всадницей я бы себя не назвала, уже года три как вообще в седле не сидела, да и до того... недолго, в общем, счастье длилось. Но после целого дня тряски в карете (ну и вчера еще часов несколько...) была бы не прочь вернуться к освоению данного навыка.

С одеждой все, но про белье тоже никто не забыл. И подбиралось это белье прямо-таки с душой... Я бы даже сказала — со страстью. Потому как кроме вполне удобных и приличных комплектов, имелось в этом сундучке и такое... ох, ни одна герцогиня точно ни в жизнь не наденет. Нет, я не ханжа, и корсеты у нас еще во времена бабки моей отменили, как для здоровья вредные, а от панталон уже во времена матушкиной молодости отказались безвозвратно... Но то, что мой не-муж подсунул мне в сундучок... да пусть сам и носит!.. Хотя... Представила, как я надену все это, а он станет на меня смотреть... Лицо тут же окатила жаркая волна стыда. И низ живота окатила. Жаркая волна. И не стыда, а совсем другого чувства...

Окончательно смутилась и, захлопнув сундук, полезла в бочку. Смывать с себя дорожную грязь и ненужные мысли. Пыль в карету всю дорогу во все щели летела. А я еще в

таким виде гулять отправилась. Неудивительно, что всякие конюхи пристают...

Уже значительно позже, когда вода в бочке совсем остыла, и мне все же пришлось ее покинуть, нарядившись в скромную ночную сорочку и теплый халат (да, об этом тоже никто не забыл), я неторопливо расчесывала волосы красивым резным гребнем, стремясь дать им хоть немного просохнуть прежде, чем заплетать на ночь в косы. Окно было распахнуто, ночи в июле теплые, и легкий ветерок, идущий с улицы, я надеялась, поможет мне высушить волосы чуть быстрее.

В окно я не смотрела, смотрела в зеркало. И потому на фигуру, застывшую под единственным возле гостиницы фонарем, обратила внимание не сразу. Так что, кто его знает, как долго он там уже стоял. И как долго еще собирался. Мой давний знакомец. Мой единственный знакомый в этом городе. Черноволосый конюх, бесстыже обчистивший меня во время вопиюще наглого танца!

Словно почувствовав мой взгляд, он неторопливо достал из кармана тонкую цепочку с камушком, поднял ее на уровень лица, словно стремясь рассмотреть поближе в неярком свете, чуть встряхнул, заставив камешек раскачиваться, то и дело вспыхивая отраженным светом. Затем взглянул куда-то в сторону моего окна и ухмыльнулся.

Так значит, да? Ну, хорошо, уговорил. До встречи на сеновале. Вот только кузнеца захвачу.

Наскоро скрутив волосы в узел, и по сильнее запахнув халат, я уже полминуты спустя стучалась к Гаррету. В ответ промычали нечто невразумительное, что я сочла за приглашение войти, чем и воспользовалась... Чтобы тут же вылететь назад с пылающими щеками. Гаррет на сеновал не пойдет. У него уже есть — свой, отдельный. И весьма, весьма обжитой...

Начальник моей охраны появился у меня в номере буквально минуту спустя, уже в штанах и даже в рубаше, небрежно наброшенной на лоснящееся от пота тело.

— Что-то случилось, госпожа?

— Нет, — вышло немного нервно, поскольку я не знала, куда девать глаза. — Простите, что помешала, это подождет до утра. Просто тот конюх... Я увидела, что он вернулся, и хотела... Но мне не стоило врываться к вам, я сама вас отпустила... Простите.

— Вы совершенно правы, госпожа, раз он вернулся — так и до утра никуда не денется. А утром мы с ребятами решим этот вопрос, вам не стоит вмешиваться... Я могу быть свободен?

— Да, конечно, идите.

Смогла выдохнуть, только когда он вышел. Все же нахождение в одном помещении с потным полуголым мужиком, которого ты только что оторвала от весьма энергоемкого процесса... И зачем ему сразу двое?.. Нет, это мне зачем знать, зачем ему кто?

Помотала головой, выкидывая из нее всякие глупости, и вновь вернулась к зеркалу. Взяла расческу, провела по волосам. Бросила взгляд на улицу.

Он все еще стоял там. И смотрел на мое окно. И ухмылялся.

И это раздражало. Бесило. Неимоверно.

Он был вором и негодяем, и я знала это, и он знал, что я знала это. Но почему при этом он нагло смотрит в мое окно, а мне остается только злиться из-за собственного бессилия?

Хотя, почему только злиться? Пусть Гаррет занят, но есть ведь еще Уил, Роб и Кит... Правда, они тоже могут быть заняты... Ладно, в личные комнаты врываться не стану, но можно посмотреть в общем зале. И если они все еще там — отчего бы не попросить их об

услуге, раз кто-то так упорно нарывається?

В халате, конечно, не пошла. Спокойно и тщательно переделалась. Раз уж юноша так меня ждет — подождет, пока я застегну последнюю пуговичку. В общем зале обнаружались Роб и Кит. Отхлебывая пиво из огромных кружек, они азартно резались в кости. Моему появлению не обрадовались, и заверять меня в готовности немедленно все бросить и идти за мной хоть на край света не стали.

Невольно кольнула мысль, что и их я отрываю от отдыха в неурочный час. Но, в конце концов, разве это не их работа?

— Мне нужна ваша помощь, — заявила, подойдя, стараясь держаться как можно более уверенно.

— И что же госпожа желает, — поднял на меня не слишком трезвые глаза Кит, — в это время суток?

— Госпожа желает, что бы вы сопроводили ее на конюшню. Мне надо поговорить с одним... конюхом, — последнее слово едва ли не прошипела.

— Что, вот прям сейчас?

Компания за столом похабно заржала. А я почувствовала, как мгновенно запылали щеки. В город я ходила с Уилом, про кражу рассказала потом Гаррету. И почему-то была уверена, что они все в курсе моей проблемы. А вышло, что эти двое не знали. И что они подумали про меня сейчас...

Но отступить — значит, фактически, признаться в правоте их домыслов.

— Идемте, — потребовала я. Пусть поприсутствуют при разговоре — и мне помогут, и дурные мысли из голов повыкидывают. — Этот тип украл у меня ценную вещь, и я не хочу, что бы до утра он перепродал ее кому-то еще.

— А что, эту вещь можно перепродать? — пробормотал себе под нос Роб, и они оба опять заржали. Но из-за стола поднялись, пообещав остающейся компании скоро вернуться.

Раздраженно постукивая каблучками, я поспешила на выход. Под фонарем никого уже не было. Либо наглец сбежал, либо все же ждет меня там, куда так настойчиво звал.

Широкие ворота, через которые внутрь конюшни заходили лошадей, были заперты на засов, а вот небольшая дверца в одной из створок чуть приоткрыта, выпуская наружу узенькую полоску света.

— Прошу, — Роб широко распахнул передо мной дверцу, склоняя голову в поклоне и пропуская свою госпожу вперед. Я чуть пригнулась, проходя невысокий проем. И, не успев еще толком распрямиться, услышала громкий хлопок за своей спиной.

Испуганно оборачиваюсь, пытаюсь открыть захлопнувшуюся дверь — но она не шевелится! Ее держат с той стороны или чем-то подперли.

— Роб! — испуганно кричу. — Кит! Вы что, сдурели?!

— Не будем вам мешать, госпожа, — слышу в ответ издевательский смех. И шаги. И эти шаги, как и голоса, удаляются, а затем и исчезают совсем. Какое-то время просто стою, безмолвно глядя на дверь и не в силах поверить в произошедшее: меня что... просто заперли? Те, кто должен был охранять? Они, конечно, были пьяны, но ведь не настолько...

— И все-таки ты составишь мне компанию этой ночью, да, красотка? — насмешливый голос, раздавшийся из глубин конюшни, заставил едва ли не подпрыгнуть.

Оборачиваюсь. Медленно. Попутно ища глазами что-нибудь тяжелое неподалеку. Тяжелого не нашла. А вот забытый кем-то хлыстик подбираю.

— Вооружилась? — вновь насмехается мой собеседник.

— Да, — наконец, нахожу его взглядом. Не рядом, что уже легче, а значительно дальше по проходу. Ненавистный конюх стоит возле шикарного черного коня, поставленного на растяжку, и меланхолично поглаживает ему шею мягкой щеткой.

Прямо-таки идиллическая картинка. Трудовые будни.

Если бы не полночь на часах. И не запертая за моей спиной дверь. И тот факт, что еще пять минут назад этот тип прохладился под фонарем, поигрывая моей подвеской и поглядывая на мои окошки.

— Ну и что же ты лошадке спать не даешь, зачем среди ночи чистить вздумал? — интересуюсь угрожающе, медленно подходя ближе. Ситуация, конечно, крайне сомнительная, но если кто-то ждет, что я сейчас начну от страха рыдать и в закрытую дверь ломиться... Я у тебя лучше скребницу позаимствую, глядишь, удастся тебя ею в висок приложить. Если сильно ударить... А с перепугу я очень сильно могу... Надеюсь.

— Так хозяин приказал, — пожимает плечами конюх. — Мы люди подневольные. Что прикажут — тем и заняты.

— Обокрасть меня тебе тоже хозяин приказал?

— Что вы, госпожа, как можно? — он аж руки вскидывает. И смотрит так... честно-честно.

— Ах, так теперь госпожа? Не «красотка»?

— Вы такая грозная сейчас, у меня просто язык не повернется, — отвечает этот гад, подпустив легкие нотки раболепия в голос. И даже голову склоняет покаянно. Вот только насмешка прямо-таки разлита в воздухе.

— Верни мне немедленно мои вещи!

— Конечно, госпожа. Как прикажете. Вот, — он обеими руками указывает на коня и отходит от него на два шага.

— Что значит «вот»? — не понимаю я.

— Ваша вещь для прогулок верхом. Прикажете поседлать прямо сейчас, или дождемся утра?

— Во-первых, этот конь не мой, хоть и принадлежит к выезду моего мужа. Во-вторых, конь — не вещь, и уж конюху бы следовало...

— Твой, Роуз, — спокойно перебивает меня конюх уже совсем другим, вибрирующе низким голосом, — конечно же, твой.

Я чуть хлыст от неожиданности не роняю.

— Ты?.. Вы?..

— Я-аа, — тянет он так знакомо и насмешливо, что у меня последние сомнения пропадают.

Проклятый колдун, сначала ставший моим мужем, потом этим самым мужем не оказавшийся. Сначала отправивший меня в путешествие одну, потом обнаружившийся рядом под личиной какого-то прохиндея...

— Да вы!.. — злость накатывает внезапно, я даже хлыстом замахиваюсь. Стоял бы ближе — может, и треснула бы мерзавца. А так словами приходится. — Да вы вообще соображаете, что творите?! Как меня возмутила ваша хамская выходка с танцем? Как я расстроилась, потеряв единственную дорогую вещь? Как я испугалась, когда ваши люди — по вашему же приказу, верно? — заперли меня здесь среди ночи в непойми чьем обществе?.. Как мне вообще жутко находиться в том крайне сомнительном положении, в которое вы меня поставили? — злость ушла, осталась лишь гулкая пустота в душе. — Но вам ведь все

равно, верно? Вы просто играетесь — со мной, с герцогом, со всеми...

— И она же еще и недовольна, — театрально всплескивает он руками. — Сама ж хотела — не то черного коня, не то черного человека, на коня похожего, не то черного колдуна, похожего на человека. Так все для тебя, Роззи, — еще один широкий театральный жест. — Хвост отращивать, уж извини, не стал. Но кто может быть ближе к коню, чем влюбленный в свою работу конюх?

— Какой черный конь?.. Что за черный человек? — пытаюсь припомнить наш последний разговор. Да, что-то он спрашивал тогда о предпочтительном облике. Но я уже засыпала. И была пьяна... Что же я там ему наговорила-то?..

— Черный конь — вот. Самый, что ни есть, настоящий. И он действительно твой. Да ты подойди, не бойся. Погладь.

Подхожу. Как не подойти к такому красавцу. Он чуть фырчит, приветствуя меня, я хлопаю его по шее, глажу, даже прижимаюсь щекой. Такой теплый, такой живой... Мой. Забираюсь пальцами в его гриву, перебираю длинные жесткие волоски. И нащупываю цепочку.

Резко поднимаю голову. Да, так и есть, моя, с маленькой бриллиантовой капелькой.

— Ну, вот зачем? — горько выговариваю ему, выплетая из гривы свою цепочку. — Зачем было устраивать эту нелепую кражу? Заманивать меня сюда, оскорблять, пугать.

— Я никогда не оскорблял тебя Роуз, — качает он головой. И в кои-то веки совсем не смеется. — Назвать красивую женщину красоткой — не оскорбление. Позвать ее танцевать — тем более.

— И на сеновал — в самый раз, — скептически хмыкаю я.

— И на сеновал, — не на миг не смущается это чудовище. — Я же позвал, а не затащил. По сути — просто выразил восхищение понравившейся женщиной, сказал, что она нравится мне настолько, что я хотел бы быть с ней близок, — он чуть улыбается. Мягко, кончиками губ. И на лице конюха эта улыбка смотрится куда естественней, чем на лице герцога. — Здесь нет оскорбления, Роззи. Только восхищение твоей красотой.

Неожиданно он оказался совсем рядом. Да, я, вроде, видела, как он приближался: медленно, неспешно, в такт собственным словам. Но вот очередной его шаг — и он вдруг так близко, что сложно дышать. Пытаюсь сделать шагок назад, но только упираюсь спиной в бок лошади. Та недовольно переступает с ноги на ногу.

— А ваши люди? — раз уж отступить некуда, приходится нападать. — Ведь это вы приказали им запереть меня здесь, верно? Вы позволили им обращаться со мной, словно с падшей женщиной! Насмехаться надо мной, оскорблять — прилюдно, на всю гостиницу!

— Насмехаться? — он хмурится и даже делает маленький шаг назад. — Такого я им не позволял, и они за это ответят. Я действительно распорядился проводить тебя сюда, если ты пожелаешь. И заблокировать дверь. Но мысли и языки распускать при этом не требовалось! Ни одному человеку не позволено обижать мою женщину, Роуз. И этим двум придется горько пожалеть о содеянном. Им крайне повезло, что они нужны мне еще живыми. Но вот их невредимость больше не требуется.

— Невредимость им нужна, чтоб выполнять свою работу, — осторожно заметила я. Таким он меня пугал. Пусть бы лучше смеялся.

— А все, нет у них больше работы, они не справились, — усмехается мой собеседник. — Герцогиня сбежала сегодня с конюхом. Бедный герцог, так жаль, так жаль. Что люди скажут?.. Видно, совсем оказался негоден в постели...

— В постели? — хмыкаю в ответ я, вспоминая наш вчерашний вечер на постоялом дворе. — Ну да, что было, то было — только по головке погладить и сумел, как до постели дело дошло...

И тут я осознаю, что он сказал. И холодею.

— Да вы что?! Что значит, сбежала? Да вы понимаете?.. Да я же...

— Тихо, Роззи, тихо, что ты? — он обнимает меня так стремительно, что я просто не успеваю отстраниться. Одна рука ложится мне на поясницу, другая прижимает голову к его плечу. — Что тебе за печаль до той герцогини? Ты — не она. Ее вообще не существует. Она — миф, фантом, легенда, которую мы дарим с тобой дорогому герцогу.

— Неправда, она — я, — пытаюсь вырваться, пытаюсь спорить. — Вернее, я и есть герцогиня, меня огласили так в церкви, я жена герцога, вашими же стараниями, вашей ложью, но я стала женой герцога...

— Нет, Роззи, нет, — чуть качает он головой, не выпуская меня. — Все не так. Женой герцога стала некая Роуз Элизабет Ривербел.

— Но это я — Роуз Элизабет Ривербел! — твержу с отчаяньем.

— Ты-ы? Вот это сборище имен? — в его голосе вновь ирония. — Забудь, маленькая. Они отныне отдельно, ты — отдельно. Я уже забрал тебя из этой нелепой реальности, где все кичатся статусами и благородством, а сами торгуют своими дочерьми, словно тюками сена. Ты больше не дочь графа и не жена герцога, не дворянка, не крестьянка, не горожанка.

— Но кто я тогда?

— Ты Роуз. Роза. Моя прекрасная белая роза. Моя подруга, моя сообщница, моя женщина. Моя.

— Но я не хочу!

— Чего, Роззи?

— Быть чьей-то сообщницей. Женщиной без имени, без положения, без репутации. Изгнанницей, преступницей... Я выходила замуж — просто замуж, чтобы быть верной женой своему мужу, матерью его детей...

— Ага, ага, ага. Только ты не выходила — тебя выдавали. Отдавали, и мнения твоего об этом браке не спрашивали. Тебя отдал мне из рук в руки твой отец — и по законам этого мира он имел полное право распорядиться твоей судьбой подобным образом. А значит, я вправе владеть тобой. И вправе решать, какой будет твоя судьба отныне, — спокойно сообщил мне тот, кто не был тут конюхом так же, как и не был мне мужем. Или все-таки был? Ведь отец отдал меня именно ему. — Разве это я придумал, что женщина не выбирает себе судьбу в этом мире? Это всегда делает за нее мужчина — отец, брат, муж, любовник. Вот я и выбрал, Роуз, — ты будешь счастлива. Свободна от всех их глупостей и ограничений...

— Свободна? Не имея ничего? — я, наконец, вырвалась из его объятий. Или он отпустил?

— А раньше ты имела все? — невозмутимо поинтересовался тот, кто сегодня изображал конюха. И — дабы не выходить из образа, видимо — начал спокойно и деловито отвязывать коня. — Да даже платья, которые ты носила, принадлежали твоему отцу, и он был волен снять их с тебя в любой момент, — сообщил он мне, не отвлекаясь от своего занятия.

— Раньше у меня было мое доброе имя, — раздраженно бросила ему в спину. Да что ж он все выворачивает!

— Но отец сменил его тебе, как только ему приспичило. Не слишком интересуясь, на

что, — лишь легкое пожатие плеч и, взявшись за недоуздок, он тянет коня в денник, а мне приходится отходить, потому что разворачивающийся в проходе огромный конь — это аргумент. — Так зачем тебе цепляться за имена, которые тебе давали и дают другие?

— Но за что мне еще цепляться? За что? — я чувствую почти что отчаянье. Как бы он не играл словами, он был прав в одном: у меня никогда не было ничего своего, начиная от вещей и заканчивая правом на собственное мнение. И сейчас — больше, чем когда бы то ни было.

— За кого, — задвинув за конем дверь, он закрывает защелку. — За меня, — оборачивается и смотрит мне в глаза, не скрывая веселья. — Я сегодня настолько красив, что грех и не подержаться. Так как насчет сеновала, Роз-зи? Ты ведь, собственно, за этим пришла?

— Я пришла за своей подвеской. И за объяснениями вашему поведению... Не подходите! — его улыбка стала откровенно хищной, и потому пугала.

— Ну почему же? — он сделал маленький шагок в мою сторону. Я попятилась. — Я еще столько всего могу объяснить, — еще один шагок, и я снова пачусь. — На ушко. А уж как я хорошо объясняю жестами...

— Не трогайте меня! Я не хочу!

— Не хочешь чего, Роз-зи? — его улыбка настолько откровенна, что я мгновенно краснею. Но все равно отступаю.

— Не хочу быть с вами, когда вы такой! Не хочу участвовать в ваших играх! Не хочу изменять герцогу... — он резко подается вперед, и я с визгом отпрыгиваю — ... с конюхом! Это недостойно и мерзко!

— Зато очень сладко, Роззи. Уверен, тебе очень... очень понравится, — он вновь стремительно кидается ко мне, и я не выдерживаю, бросаюсь прочь. Дверь заперта, да и дорогу к ней перегораживает разыгравшийся в очередной раз лже-конюх, поэтому бегу в другую сторону, вдаль по проходу, куда — не важно, лишь бы прочь...

Но он нагоняет, и буквально вжимает меня в ближайшую стену.

— Пустите! — я пытаюсь оттолкнуться от стены, оттолкнуть его.

— Попалась, Роз-зи, опять попалась, — довольно шепчет он мне на ухо.

А я лишь беспомощно упираюсь лбом в стену, признавая поражение.

— Значит, не хочешь с конюхом, да? — и горячие губы обжигают шею.

— Не надо, — шепчу отчаянно. — Это пошло.

— Дворянская гордость не позволяет? — еще один поцелуй, заставляющий меня вздрогнуть.

— Нет... Да! Да, не позволяет! Да, у меня еще осталась гордость и...

— И с кем же ты хочешь, маленькая моя гордая Роззи? — этот низкий, завораживающий шепот сводит с ума. Его горячее дыхание опалает ухо. — С герцогом?

— Нет! — его уверенность, что я хочу, раздражает. Но я... я чувствую его так близко, всем телом. Я тону в звуках его колдовского голоса. И не вижу, наконец, этого дурацкого мальчишку-конюха. И я помню, что он делал со мной вчера...

— Так с кем же ты хочешь, Роззи? — вновь шепчет. И вновь целует меня в шею. И я вновь вздрагиваю от того жара, что мгновенно разливается по телу от прикосновения его губ.

— С вами! — выкрикиваю отчаянно. — Только с вами! С настоящим! В вашем подлинном облике!

— Мой подлинный облик видно лишь в полной тьме, Роуз, — негромко вздыхает мой искуситель. — Жаль, мне казалось, тебе понравился Лис... Что ж, значит снова тьма. Идем, — он отстраняется и тянет меня за руку.

— К-куда? — я так пугаюсь, что даже заикаться начинаю.

— Во-он туда, Роззи, — кивает он на верхний ярус, идущий над денниками. Там и в самом деле хранили сено. — Вверх по лесенке.

— Да вы что? — пытаюсь я вырваться. — Зачем? Ну, пошутили про сеновал — и хватит. В конце концов, у меня есть номер в гостинице, вы — мой муж и...

— Номер в гостинице? — коварно усмехается он. — Роззи, да ты зовешь меня в свою постель? Какая, однако, решительная женщина...

— Не смейтесь! Прекратите, наконец, надо мной смеяться! — нервы у меня все-таки сдают. — Устроили из моей жизни цирк с чертями и радуетесь? Да отпустите, наконец, меня! — хлыст, который я все еще нервно сжимала, вдруг оказался очень кстати, и я хлестнула его наотмашь по той руке, которой он сжимал мою.

— Ай, — вырвалось у него негромкое, и его пальцы разжались. — А ведь больно, Роуз, — сообщил он мне с каким-то задумчивым удивлением в голосе. — Действительно больно, — он задрал рукав и с любопытством оглядел розовую полоску воспаленной кожи. — Значит, так это бывает?.. — чуть покачал головой, опуская рукав. И переключился на меня: — Значит, таковы ваши забавы, герцогиня? — в голосе вновь усмешка, и она просто сочится ядом. — Пороть на конюшне провинившуюся челядь? Даже лично не брезгуете?

— Простите, — испуганно пячусь, отбрасывая хлыст. — Я не хотела. Просто не надо было меня пугать. И тянуть туда, куда я не собираюсь. Вы воспользовались моей беспомощностью в карете, но это не значит, что теперь я буду согласна...

— Ты плохо слушала меня в карете, Роззи, — мягко перебивает меня лже-конюх, но от его мягкости — мороз по коже. — Очень плохо и совсем невнимательно. Ты не герцогиня, девочка. Ты — всего лишь рабыня, проданная мне по сходной цене одним зарвавшимся графиком. А я — твой господин и повелитель. И если я желаю иметь герцогиню — ты будешь герцогиней. А если я желаю куртизанку — ты будешь куртизанкой. И будешь моей — там, тогда и столько, сколько я захочу.

— Не надо так со мной, — прошу испуганным шепотом. — Пожалуйста.

— А я предлагал тебе игру помягче, Роуз. Ты же не захотела. Решила устроить порку проштрафившихся слуг, — он улыбнулся, но глаза блеснули недобро. — Так я не против, Роззи, можно сыграть и в это. Вот только пороть, — тут он делает резкий рывок вперед и вновь хватает меня, — буду я.

— Нет! — да, я кричу, я паникую, пытаюсь вырваться из его захвата, но куда там.

— Наверх, — приказывает он, подтолкнув меня к лестнице на сеновал. — И быстро, не то стану хлестать по пяткам.

Лезть куда-то в панике по приставной лестнице — это форменное самоубийство, если ты в длинном платье с тремя не менее длинными нижними юбками. И я оступаюсь на первом же шаге, наступив на подол. Он ловит, прижимая меня спиной к своей груди. К счастью, к несчастью — не знаю.

— Платье мешает, да, Роззи? — интересуется вкрадчиво. — Так его можно снять. Оно нам, в принципе, вообще больше не нужно, — его руки змеями тянутся с моей талии вверх, ладони обхватывают грудь, чуть сжимают, словно напоминая о его правах на меня, затем поднимаются к вороту и резко дергают. И я с ужасом слышу треск раздираемой материи.

— Не надо! — пытаюсь прикрыться руками.

Но его это не останавливает. В несколько рывков он сдергивает с меня разорванное платье, затем рвет завязки нижних юбок, помогая и им упасть к ногам.

— А вот теперь навверх, красотка, — я получаю ощутимый шлепок по попе. К счастью, ладонью, а не хлыстом. Но и ладонью оказывается обжигающе больно, и я, взвизгнув, спешу навверх по лестнице — не потому, что он так велел, но потому, что это единственный открытый мне путь сбежать от него.

Напрасно я думала опрокинуть лестницу, как только доберусь до верха, — она оказалась прибита гвоздями к верхней площадке. Бежать, скрыться — куда? Здесь не слишком просторно, а он поднимается за мной следом почти мгновенно. С хлыстом и моей порванной одеждой в руке.

— Мы же не хотим, чтоб это случайно нашли, верно? — все так же спокойно, вкрадчиво. А я оглядываюсь затравленно, ища убежище. Но прятаться здесь некуда. А он наступает

— Вы обещали показать мне истинный облик! — кричу в отчаянье. Пытаюсь придумать хоть что-то, что может его остановить. — А так вы не можете! Так неправильно! Конюх не может пороть герцогиню!

— А что в тебе осталось от герцогини, Роззи? — ухмыляется он, отбрасывая на сено мою одежду. — Нижнее белье? Так это ненадолго, поверь, совсем ненадолго.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я вскрикиваю от ужаса и пытаюсь забиться куда-то меж тюками сена. И тут же ощущаю на талии его руки, резкий рывок — и он выдергивает меня обратно.

— Не-ет, Роуз, сбежать не выйдет, — зловеще шепчет он мне в ухо. — Давай-ка посмотрим, что у нас тут, — продолжая удерживать меня одной рукой, второй он расстегивает крючки на моем бюстье. — Вот так, давно хотелось взглянуть, — бюстье падает на пол, а я в отчаянье прикрываю грудь руками.

— Не надо!

— Руки, Роуз, — рычит лже-конюх.

— Нет! Не надо, я не хочу!

— Опять наручники, да? Я знал, что тебе понравится, — не знаю, откуда он их достает, но на моем правом запястье один мгновенно защелкивается. — Идем-ка сюда, — он легко подтягивает меня к одной из стоек, поддерживающих крышу, прижимает к ней грудью и защелкивает второй наручник так, что мои руки теперь обхватывают столб.

— Так что, приступим, Роуз? — оставив меня у столба, негодяй подбирает отброшенный при погоне за мной хлыст.

— Нет! — я кручусь вокруг стойки, чтобы не оказаться к нему спиной.

— Правда нет? — усмехается он, поигрывая хлыстиком и делая вид, что собирается обойти меня справа. А взвизгиваю, и отпрыгиваю влево. — А если так? — он медленно и с легкой усмешкой на лице движется влево. Я, конечно, тут же пчусь направо. — Чего-то не хватает, верно, Роззи? — замечает он, поглядев на мои судорожные перемещения. — Погоди, я сейчас.

И, отбросив хлыст, он спускается вниз по лестнице, оставляя меня одну. Я выдыхаю, обхватив столб обеими руками и прижавшись к нему лбом. Еще не сейчас. Он сделает это со мной еще не сейчас. Деус, ну за что?

Дергаю руки, пытаюсь выскользнуть из наручников, тяну, изо всех сил поджимая

большой палец... Нет, бесполезно. Четко мой размер. Хоть и обшиты изнутри гладкой кожей с какой-то мягкой набивкой, защищающей кисть от жестких ребер металла, вытянуть из них кисти невозможно. Что остается? Перепилить цепью столб? Наверное, года за два... Сломать его ударом колена? Пытаюсь разок, и понимаю, что коленку я сломаю быстрее.

— Ты там не скучаешь без меня, Роззи? — слышу ненавистный голос снизу.

— Нет! Мне тут прекрасно без вас! А вы коня еще не дочистили! Раз уж взялись конюха подменять, так не стоит халтурить. А то вернется парень завтра на работу...

— Какой парень, Роуз? — по лестнице он поднимается как-то слишком уж быстро. Вроде, только что внизу был.

— Ну, конюх. Лис, — я настороженно слежу за его перемещениями, стараясь не оказываться к нему даже боком. — Чей облик вы сейчас украли.

— Так я не крал, Роззи, — он приближается к моему столбу с молотком и огромным гвоздем в руках. Хватается за цепочку наручников и резко поднимает мне руки вверх. Да так, что я аж на носочки взлетаю. И тут же отпускает. — Я его придумал. Сам. Без образца, — примерившись, он начинает заколачивать гвоздь на том уровне, куда только что задирает цепочку. — Создал облик с утра пораньше, пришел к хозяину, нанялся на работу. И пока ты весь день бездельничала, катаясь в роскошной карете, я этих самых лошадок чистил. И распрягал, и запрягал, и седлал, и расседывал, и корма им задавал, и денники вычищал.

— Но зачем? — интересуюсь изумленно, со страхом отслеживая, как он отбрасывает молоток, и вновь берется за цепочку.

— Мне это нравится, — пожимает он плечами. И резким движением надевает цепочку на гвоздь. Я взлетаю вверх, касаясь пола лишь кончиками пальцев. И вжимаясь всем телом в столб. — Вот так, — он мягко поправляет мне грудь, чуть приподнимая и разводя в стороны. Слегка массирует, и замша его перчаток скользит по коже так нежно, так заволаживающе.

Он обходит меня сзади, медленно скользит пальцами по спине — от плеч и до поясницы. Мягкие ворсинки перчаток чуть щекочут, и мурашки разбегаются по всему телу, и не понять — от нервного напряжения в ожидании чего-то страшного, или от того, что его прикосновения, несмотря ни на что, мне приятны. Ведь пока он гладит — он не причиняет мне зла.

— А как вы оказались здесь с утра? — я отчаянно пытаюсь отвлечь его разговором. — Выехали с постоянного двора еще вечером? — пусть гладит дальше, пусть забудет, к чему все эти приготовления.

— Не совсем, — отзывается неопределенно. И возвращается к тому, что интересует его. — Трусики тоже снимем, Роуз, — он берется за край и тянет их вниз, и я ничего, совсем ничего не могу с этим поделать. — Пороть ведь полагается по попе, верно? Так не стоит прятать ее под тканью.

— Не надо пороть!

— И чулочки сегодня не нужны, — продолжает он спокойно, словно и не слыша моих отчаянных возражений. Неторопливо распускает подвязки, и чулки съезжают по моим ногам. А он снимает их полностью и отбрасывает прочь. — Вот так уже лучше, Роуз, — он берет хлыст и выпрямляется, чуть махнув им в воздухе.

Я вздрагиваю, услышав звук, с которым страшная черная палка испаривает воздух.

— Приступим? — чуть усмехается на это мой мучитель. Протягивает руку и касается кожаным наконечником хлыста моей груди. Поглаживает болезненно напрягшийся сосок сверху, снизу. Переходит на мое плечо, скользит вверх по руке до кисти, перескакивает на

другую руку, неторопливо опускается по ней вниз — и начинает играть с другой грудью. Поглаживает, обводит круги вокруг соска, легонько шлепает по нему, заставив меня резко втянуть в себя воздух. Место удара чуть покалывает, но он ударил не жесткой палкой, а лишь кожаной петелькой на конце — это даже не удар, шлепок, почти не больно, только страшно до ужаса. Но что будет, когда он ударит всерьез? Я же не выдержу...

Чуть погладив меня по растревоженной груди, хлыст поднимается выше, скользит по шее, меж тем как мой мучитель заходит мне за спину. И медленно, просто адски медленно ведет кончиком хлыста по спине — от шеи и до копчика, пересчитав каждый, буквально каждый мой позвонок. Я обмираю, забыв как дышать. Прикосновения кожаного наконечника разве что чуть щекотали, но липкий ужас от того, что вот сейчас... сейчас он замахнется и ударит, сводил с ума.

— Да сделайте уже это! — кричу, не выдержав этой пытки ожиданием.

— Даже так? — чуть удивляется он. — Ну, как скажешь.

Хлыст отрывается от моей спины. Чуть прижимается к попе, словно примериваясь, куда обрушить удар. Затем следует короткий замах, и хлыст со свистом рассекает воздух.

Ору. Отчаянно, изо всех своих сил, переходя на истошный визг... И с недоумением замолкаю. Удара не было.

— Промახнулся, — сообщает мне эта тварь с легкой усмешкой. — Повторим? — и он вновь прижимает хлыст мне к ягодицам. — Попасть мы планируем примерно вот сюда...

И вновь короткий замах, страшный свист вспарываемого хлыстом воздуха...

Я уже не кричу, лишь сжимаюсь и отчаянно зажмуриваюсь...

И удара не следует. Опять.

— Прекратите, — выдыхаю отчаянным шепотом. — Все, хватит, я не могу больше.

— Как скажешь, — легко соглашается он и отбрасывает хлыст далеко в сторону. Мягко гладит меня по спине своими перчатками. И прижимается сзади всем телом, обхватывает ладонями грудь, чуть сжимает. — Неужели правда думала, что ударю?

Нервно киваю, не в силах поверить, что все кончилось. А что я еще должна была думать?

— Роззи, милая, эту штуку придумали, что бы сделать больно даже лошадкам, а их шкурка совсем не такая тонкая, как у юных девочек, — его губы нежно касаются моей шеи. — Да и кости у лошадок покрепче, — еще несколько легких, успокаивающих поцелуев. — А твои этой палкой и сломать недолго, — он чуть отстраняется, и задумчиво гладит меня по спине. — Неужели ты решила, что я забрал тебя из дома, что бы бить и мучить?

— А зачем? — всхлипываю я. — Чтобы пугать и мучить?

— Пугать, да, — легко соглашается он, лаская руками мою поясницу и тихонько целуя между лопаток. — Я люблю пугать, и не могу обещать, что подобного не повторится. Мне слишком нравится страх... Но я умею очень сладко просить прощения, — и его язык проводит мокрую дорожку вдоль моего позвоночника, а руки вторят ему, оглаживая бока. Так безумно приятно после того ужаса, что я испытала.

Есть что-то жутко неправильное в том, что я совсем обнажена, а он полностью одет, да еще и в перчатках, и это именно перчатки, а не ладони прикасаются сейчас к моим постыдно обнаженным ягодицам.

— Не зажимайся, Роззи, что ты, — тут же замечает он мою нервную реакцию. — Я не ударю. Как я смогу, я ведь подарил тебе коня, помнишь? Твоя попка должна быть невредима,

чтобы ты смогла получать удовольствие от поездок верхом.

— Вы развяжете меня?

— Да, конечно, сейчас, — однако, вместо того, чтоб тянуться к моим оковам, он сбрасывает на пол свою куртку, а потом и рубаху. И прижимается к моей спине голым торсом.

Чуть вздрагиваю от неожиданности и новых ощущений, нахлынувших на меня... Чувствовать его всем телом он прежде не позволял, всегда отстранялся.

— Как же приятно, Роззи, ты бы знала, — тихонько шепчет меж тем несносный колдун. — Осязать, обонять... Этого не понять, пока не лишишься... Слышишь, как бьется мое сердце?

Да, бьется. Спокойное такое, всем довольное.

— Вот и я слышу, — отвечает он непонятно. — А вчера... я знаю, ты не прислушивалась, но даже если бы попыталась, то не услышала бы ни-че-го.

— Почему? — недоуменно хмурюсь я.

— Да так, — вздыхает он и не снисходит до объяснений. — Давай спасать твои ручки.

Он нажимает что-то на моих браслетах — и они расстегиваются. Я со стоном опускаю руки и встаю, наконец, на полную стопу. Плечи болят невероятно.

— Я помогу, Роззи. Только теперь держись сама.

Зря я думала, что с пытками мы покончили. То, как он массировал мне затекшие мышцы, заставило меня вскрикнуть, и не раз. Но боль отступила. А он подхватил меня на руки и уложил на сено, предварительно постелив туда и мою, и свою одежду, чтобы злые соломинки не кололи мне спину.

— Вот теперь уже совсем не страшно, да, Роззи? — поинтересовался, опускаясь рядом.

— Вы это специально, да? — интересуюсь устало. — Так напугали, что бы теперь мне было уже совсем все равно?

— Все равно? — он мягко убирает с лица выбившуюся из прически прядь. — Нет, «все равно» меня не устроит. И знаешь, мне больше нравилось, когда ты говорила мне «ты». Ну, посмотри на меня, — он нависает надо мной, удерживаясь на локтях. — Разве я не достаточно хорош для этого? Красивый, молодой...

— Но ведь все это не настоящее, верно? И этот облик, и этот возраст...

— Зато этот возраст почти как твой. Я выбрал его специально, чтоб быть к тебе ближе. А тело — так и вовсе самое настоящее. Оно дышит, качает кровь по венам, оно чувствует, — в его голосе сквозило едва ли не самодовольство. — Погладь.

— Что? — слегка оторопела я.

— Что хочешь. Лицо, плечи, живот. Тебе разве совсем не хочется? Я стройный, мускулистый, у меня красивая гладкая кожа. Неужели не впечатляет?

— Впечатляет, — соглашаюсь скорее потому, что он напрашивается на эти слова. Впечатлило меня его обещание жестоко меня выпороть. А тело — оно скорее смуцало. Потому что это неприлично — быть обнаженным. Потому что вчера это было совсем другое тело. И да, потому что вчера я его не видела. А сейчас я снова чувствовала себя девственницей, не знавшей еще мужчин. И сама мысль, что мне надо прикоснуться к нему, дико смуцала.

— Ну, скажи: «Лис, мне нравится твое тело», — настаивал он. — И погладь.

Подняла чуть дрожащую после всего пережитого руку и осторожно провела от его плеча до груди. Странно, но прикоснуться к нему оказалось проще, чем хвалить его тело. Есть

вещи, которые вслух произносить совсем неприлично.

— Разве Лис — это настоящее имя? — спросила вместо этого.

— Роз-зи, — протянул он невыносимо низко и вибрирующе. — Ну что ты прицепилась: настоящее, ненастоящее. Главное, что все оно мне нравится. Я хочу так выглядеть и хочу, чтобы ты так меня называла. Разве этого не достаточно?

— Нет. Я хочу знать, в чьей власти я оказалась. Хочу знать, как вы выглядите, как вас зовут, куда вы меня везете, что ждет меня там...

— Как много желаний, Роззи, — улыбается этот гад. — А я хочу чувствовать твои руки на своем теле. И против губ тоже ничего не имею.

— Можем договориться. Покажите мне свой истинный облик и я...

— А если нет, Роззи? — не дает он договорить. — Если мой истинный облик не настолько привлекателен, чтоб юная девушка захотела дарить ему свои ласки? А главное — что, если я в этом облике вообще ничего не почувствую? Зачем мне тогда оно? Для страсти и наслаждения я создал именно это тело. И оно просто жаждет твоих ласк. А ты хочешь обидеть его пренебрежением. Нехорошо, — он обхватывает меня за талию и резко перекачивается так, что я оказываюсь на нем сверху. — Смотри, я весь твой.

Лежать на нем для меня слишком уж некомфортно. Я отталкиваюсь от его плеч и сажусь. И вижу, как вспыхивают удовольствием его глаза. И смущаюсь еще сильнее: я без одежды... на нем... верхом... А он рассматривает мою грудь, мой живот... меня всю! Свою локти, пытаюсь прикрыться, и закрываю ладонями лицо. Нет, я не могу так, я не готова!

Он легко сдвигает меня себе на бедра и садится, обнимая меня за спину.

— Слишком сложно решиться, да, Роззи? — мягко шепчет на ушко. — Проще быть связанной жертвой и вообще ничего не решать? Ну, хорошо, давай попробуем вместе, — он осторожно отнимает мои руки от лица и перекладывает себе на плечи. Успокаивающе поглаживает меня по спине. — Вот так. Это просто приятно и совсем не страшно, верно?

Киваю. Немного нервно, но все-таки киваю. И обнимаю его крепче, чтобы спрятать лицо у него на плече.

— Трусишка, — он мягко целует меня в шейку, цепочкой поцелуев переходит к плечу. Я чуть вздрагиваю, мгновенно покрываясь мурашками. — Такая чувственная, а чувствовать боишься. Ну ка, давай, посмотри на меня.

Чуть отстраняюсь — только чуть, дальше он не пускает — и смотрю: синие, нет, васильковые глаза лукаво поблескивают сквозь длинную спутанную челку, рельефные губы чуть подрагивают, сдерживая усмешку...

— Поправь мне волосы, — просит это чудовище.

— Что?

— Челку. Разве тебе не хочется ее поправить? Убрать с лица, освободить мой лоб, дать возможность глядеть на тебя не сквозь завесу волос... Самой взглянуть мне прямо в глаза...

— Я бы взглянула, — не могу спорить с очевидным. — Только ведь это не те глаза, — а рука все-таки тянется к волосам. Он прав, мне хотелось, только я не решалась. А эта челка прямо-таки создана для того, чтобы убирать ее с глаз. Да, для этого она и создана. В прямом смысле.

— И чем же глаза не те? Тебе не нравится насыщенный синий цвет? Любишь прозрачно-голубые?

— Нет, я люблю смотреть в глаза того, с кем говорю. А сейчас у меня чувство, что я говорю с маской. С куклой, которую мне подсунули вместо настоящего человека.

— А ты привереда, Роззи, — и губы его легко растягиваются в обаятельнейшей улыбке. — А как же: «Глаза — зеркало души»? Разве в моих глазах ты не видишь душу?

— А у тебя она есть?

— А что же тогда у меня есть? Что является мной, если это не тело?

— Я не знаю, — его глаза заколдовывали. Я действительно убрала его челку — и запуталась пальцами в его волосах. Хотелось скользнуть и скользнуть, разбирая пряди. А взгляд все никак не могла оторвать от его нереально ярких васильковых глаз. Совершенно нечеловеческого оттенка. Глаза — зеркало души? Так что же прячется на дне этих?

— А губы, Роуз? Тебе ведь нравятся мои губы?

Сглатываю. И вот что я должна сказать?

— Только когда они улыбаются, — нахожусь с ответом. — Я не люблю, когда они произносят слова, которые меня пугают.

— Тогда погладь их. Проведи пальчиком. Ну же.

Провожу. Потому что он велел или потому, что мне самой этого хочется? Потрогать того, кто трогал меня вчера... Кто владел мной вчера, и будет владеть сегодня. Он ведь будет владеть, я знаю, он не отпустит.

Его губы мягкие и такие горячие. Очень нежные по сравнению с кожей вокруг. Он чуть приоткрывает рот и поводит головой из стороны в сторону, и уже не понять, это я глажу его губы, или его губы тихонько поглаживают мои пальцы. Целуют. И даже засасывают в рот. Я испуганно вырываю руку. Он смеется.

— А теперь ты позволишь мне? — и уже его пальцы ложатся мне на губу. Легко, невесомо... Но ведь они в перчатках!

Отворачиваюсь.

— Может, снимите?

— Мы вроде договорились на «ты», — он не настаивает, чуть гладит мне щеку и опускает руку. — Увы, малыш, не могу. Готов снять все остальное, если захочешь.

— Не захочу.

Он лишь улыбается. Он знает, что это ложь. И знает, что я это знаю.

— Тогда остаются только губы.

И эти губы тянутся ко мне, чтоб захватить меня в плен. И начинают так мягко, вкрадчиво, словно прося разрешения, словно готовые отступить... Но я ведь знаю, они не отступят. И я не хочу, чтоб они отступали. Слишком сладко. Так кружится голова. И дыхание сбивается. И такая истома... Тело жаждет его прикосновений, оно ищет их.

И его руки не подводят. Они сжимают жаждущую ласки грудь, чуть массируют, пощипывают соски, пронзая тело иголочками острой боли, неотличимой от наслаждения. И тут же вновь ласкают, словно стремясь загладить вину. А губы все целуют, целуют, и мои пальцы скользят в его волосах, словно боясь, что он попытается отстраниться.

Он не отстраняется, он просто спускается поцелуями ниже — ласкает мне шею, обцеловывает ключицы. И касается губами груди — раз, другой, третий, затем захватывает в плен сосок, чуть посасывает, заставляя меня стонать и выгибаться от наслаждения, а его руки скользят по спине — лаская ее, поддерживая, не давая мне отстраниться.

Вот только я и не хочу отстраняться. Откинув голову и зажмурившись, я позволяю себе чувствовать, только чувствовать, отсекая ненужную реальность. Его губы ласкают мой второй сосок, возвращаются к шее, целуют за ушком, играют с мочкой, в то время как руки ласкают оставленную вниманием грудь.

— Эгоистка, — хрипло шепчет он мне между поцелуями. — Кажется, я вчера воспитал жадину, способную лишь принимать чужие ласки. А как же дарить самой, а, Роззи? Кто собирался изучать меня на ощупь? Я тоже люблю, когда меня целуют.

Чуть вздрагиваю смущенно. Да, в самом деле, впитывая всей кожей его ласку, я замерла, отчаянно вцепившись в его плечи и боясь шевельнуться. Потому что вчера он сам приучил меня к этой неподвижности!

— Ну же, Роззи, — настаивал этот искуситель, — попробуй, это тоже приятно.

И он откидывается на спину и тянет меня за собой. Я провожу пальцами по его горлу — открытому, незащитному. Чувствую, как он сглатывает. Наклоняюсь и целую — в подбородок, затем все ниже, ниже... Оглаживаю руками его плечи, ласкаю предплечья — действительно накаченные, сильные. Разыгравшегося коня — наверное, остановят. Глажу рельефную грудь, касаюсь языком его темных сосков. Чувствую сдержанный вздох, ощущаю, как бешено бьется его сердце. Вчера оно не билось? В самом деле?

Спускаюсь на живот. Он чуть вздрагивает, когда я покрываю его поцелуями, и это приятно. Он прав, это невыразимо приятно — ласкать его тело, неподвижное, замершее, словно отданное тебе на откуп. Провожу пальцами по темной полоске волос, уходящих за пояс штанов. Медленно целую его кожу — по самому нижнему краю, даже чуть приспуская вниз его натянувшиеся без меры штаны.

— Расстегни, — шепчет он мне хрипло.

У-у, какой ты быстрый. Провожу ладонью по застегжке. Чуть сжимаю руку, пытаюсь нащупать то, что там скрывается. Он стонет. Я резко скольжу вверх, накрывая его своим телом, прижимаясь к нему, находя губами его губы. Он отвечает. И гладит меня по спине, и оказывается сверху.

— Трусиха, — сообщает с улыбкой. — Боишься идти до конца, да, Роззи?

— Я не боюсь, я просто туда не спешу.

Смеется.

— И все равно мне с тобой повезло, — доверительно шепчет мне на ухо. — Ты даже не представляешь, как.

— Ты сам выбирал.

— Я был ограничен в выборе. Весьма и весьма ограничен, — он целует мне шею, снова и снова, покрывая цепочкой жарких, чувственных поцелуев. — И знаешь, этой ночью я тоже совсем никуда не спешу.

И он еще долго целует меня — всюду, лаская губами и языком каждый миллиметр кожи. И только когда мое тело начинает буквально зудеть от бесконечных ласк, а живот скручивать от мучительной неудовлетворенности, он овладевает мной, входя медленно, но неотвратимо, сегодня — глядя прямо в глаза. И я не закрываю глаз, я хочу его видеть, того, кто владеет мной — во всех смыслах. Хочу запомнить каждую черточку его лица — даже если завтра он пожелает его вновь сменить. Герцог? А был ли герцог? Его вчерашний облик уже кажется мне нереальным, выдуманым. Вчера в карете со мной был этот мужчина. А он выглядит так... Действует так... И врывается в мое лоно именно с этим выражением лица.

Я дышу все чаще, и все сильнее обнимаю его за спину, вдавливая в его кожу пальцы, царапая ногтями, я хочу, хочу, хочу, чтоб он двигался активней, врвался в меня все глубже, и помог мне достичь, наконец, этого невыносимого, невозможного, недостижимого... Его очередной удар словно взрывает солнце у меня внутри, и я кричу, не в силах вынести эту боль — или это блаженство, и опадаю на землю лепестками розы. Он догоняет меня спустя

пару сильных, резких толчков и со стоном придавливает меня всем весом. Улыбаюсь. Мне нравится эта тяжесть.

Тюремная камера, куда был препровожден герцог Раенский сразу по прибытии в тюрьму Сэн-Дар, поражала аскетизмом разве что по сравнению с его дворцовыми покоями. Кровать была застелена свежим бельем и была достаточно просторна для полноценного и комфортного отдыха. На столе красовалась ваза с фруктами, мягкая обивка придвинутого к столу кресла была практически новой. Цвет морской волны, правда, вышел из моды еще в прошлом сезоне, сейчас больше ценился фисташковый, ну да это, все же, тюрьма. Книжный шкаф, к сожалению, тоже не мог похвастаться новинками, а гардероб вообще пока пустовал — но последнее ненадолго, слуг уже известили.

Три небольших зарешеченных окна выходили на внешнюю сторону замка и позволяли любоваться лугами, а так же лесом за ними. Дорога, ведущая к тюрьме из столицы, в поле зрения тоже частично попадала. Так что при желании можно было коротать время, высматривая спешащих в замок королевских курьеров. Однако герцог Александр предпочел умыться после дальней дороги (благо, умывальные принадлежности в небольшой туалетной комнате оставить не забыли), и лечь спать. День был долгий и крайне насыщенный, полноценный отдых не помешает.

Но выспаться толком не получилось. Лязг и скрежет отпираемых засовов был способен поднять и мертвого. Герцог поморщился и сел на своем тюремном ложе. Если его разбудили только затем, чтоб подать ему ужин — он точно кого-нибудь прибьет!

Но, как оказалось, не только. Его царственный кузен решил составить ему компанию за ужином, дабы обсудить все возникшие проблемы лично. Вот за что он любил Георга — вспльчивым дураком, вроде того же Хуана Мигеля, он не был никогда. И все же прислушивался к тому, что докладывает ему его глава Тайного Сыска. Как бы ни были порой невероятны эти доклады.

— Значит, теперь эта болезнь поразила тебя? — неторопливо начал его величество, пригубив вина из хрустального бокала и наколов кусочек сыра на изящную серебряную вилку.

— Болезнь? — позволил себе уточнить Александр.

— Кровавая брачная звездочка без посещения храма и встречи с невестой, — милостиво пояснил его царственный кузен. — Или ты расскажешь мне сейчас, что действительно женился на этой Роуз Элизабет Ривербел в поселке Сторин графства Хатор двадцать шестого июля сего года в двенадцать часов пополудни?

— Двадцать шестого я был в Марбуре, и вам это из... Что? Простите, ваше величество, вы сказали, свадьба прошла в поселке, в графстве... Вы нашли ее? Я имею в виду, там действительно была свадьба, и эта Роуз Элизабет — она действительно существует, и она вышла замуж в присутствии свидетелей... за меня?

— И чему ты теперь удивляешься? Разве не ты рассказывал мне с пеной у рта, что именно так оно все и бывает?

— Рассказывал, да. Но одно дело — читать о подобном в архивных документах, допрашивать свидетелей, с трудом припоминающих события многолетней давности, и надеяться, что где-то в этом спрятан подвох, что кто-то врет, и скорее всего жених, избавившийся от своей невесты... А теперь, — герцог задумчиво рассматривал нежданное украшение на собственной ладони. — Вы бы знали, ваше величество, какая это адская боль

— положить ее на алтарь.

— Не знаю, — пожал плечами король. — Когда я заключал свой брак с ее величеством, это было исключительно приятно.

— Мне не столь повезло, — сдержанно отозвался герцог. И перешел к тому, что его волновало: — Значит, вы проверили, ваше величество? Нашли место свадьбы, нашли свидетелей?

— Тебя это удивляет? Эта история поставила нас на грань войны с Марбуром, и ты ждешь, что мы все тут будем сидеть и ждать тебя и твоих объяснений? Разумеется, я велел немедленно проверить все факты. И, вне зависимости от результатов проверок, ты арестован, снят с должности, лишен права появляться при дворе и еще ряда привилегий...

— Права появляться при дворе мне будет особенно не хватать в этих стенах.

— Да прекрати. Ты же понимаешь, что я вынужден действовать жестко. Хосе Мигель должен видеть, что подлый предатель, пытавшийся рассорить два исконно дружеских королевства, действовал по собственному умыслу, и теперь жестоко наказан, а мы по-прежнему стремимся к миру и готовы заключить союз... Черт, и вот кого мне теперь ему предлагать? Не наследника же? Марбур слишком мелок, чтоб жертвовать им столь крупную фигуру. Да и на младших принцев были планы...

— Придется забыть о планах. Вы не думали, ваше величество, что цель неизвестных в этот раз не просто украсть девушку или наградить меня несуществующей женой, но добиться войны между нашими странами? И тогда следующий принц королевского дома Иглезии, поджидающий у алтаря принцессу Марбургскую, тоже может внезапно оказаться женатым? И Хосе Мигель просто вынужден будет объявить нам войну, даже если это последнее, чем он вообще хочет в жизни заниматься.

— И что же ты предлагаешь? Может, просто объявим им войну сами за поджог нашей дипломатической миссии? Так они уже казнили виновных.

— Оперативно. Нет, войны все же попытаемся избежать, тем более что нам так явно дают понять, что готовы выслушать наши извинения и предложения... Пошлите туда обоих младших принцев.

— Обоих? Но зачем? Чтоб они объявили их заложниками?

— Не объявят. Союз с нами Марбуру куда выгоднее войны, и пока будет надежда на этот союз — не объявят. Поэтому официально — принцы поедут свататься, дабы принцесса сама смогла выбрать себе будущего мужа. А не официально — пусть принцессу тайно венчают с одним из них сразу же по их приезду. Если все пройдет успешно — а все просто обязано пройти успешно, ведь в случае со мной наши враги ждали до последнего — так вот, потом можно будет объявить, что молодые влюбились и тайно венчались по собственному почину, громко обругать, прилюдно простить и устроить пышные свадебные торжества. Ну а если — вдруг — все же — у жениха обнаружится лишняя звездочка, об этом никто не узнает и войны все-таки удастся избежать.

— Деус, до чего мы дожили! Тайные венчания! И кого я должен отдать этой несчастной Марбургской принцессе?

— Лучше младшего из принцев.

— Генри? Но ему всего пятнадцать.

— Так и принцессе не намного больше. Самый раз. Зато, если женат он окажется все же не на принцессе, у меня точно хватит времени освободить его от этого брака прежде, чем невозможность иметь законного наследника сделает его жизнь невыносимой.

— Я так понимаю, себя ты тоже полон решимости освободить от навязанного брака?

— Разумеется, ваше величество. Конечно, после того, как вы дадите мне возможность покинуть эти гостеприимные стены и начать действовать.

— Зачем? Посиди, — его величество отправил себе в рот очередной кусочек сочной ягнятины и щедро запил вином. — Здесь прекрасная кухня, шикарный вид из окна, свежий воздух — с городским и не сравнить. А действовать можно и здесь, — и король ловко отрезал себе очередной кусочек мяса. — Родителей твоей дорогой супруги сюда уже доставили, священника, проводившего обряд, тоже. Комендант извещен, что с этого дня он поступает в твое распоряжение, а не ты в его. Обязался оказывать тебе любое содействие. Твои люди так же извещены, что отныне они прикомандированы к Сэн-Дару, а твоя громкая формальная отставка лично для них ничего не меняет. Твоя основная задача отныне — разобраться с брачными аферами. Найти и покарать тех, кто подрывает доверие к самому Деусу. Очистить свое честное имя. И, разумеется, избавиться от этого недоразумения на твоей ладони.

— Я приложу все усилия, ваше величество. Но, все же, что бы решить все возникшие проблемы, мне просто необходимо будет выйти отсюда.

— Выйдешь. Чуть позже и без лишнего шума. Сначала весть о твоём аресте должна достичь всех нужных мне ушей. Да и те, кто подставил тебя, должны быть уверены, что ты сейчас несколько занят и потому просто не имеешь возможности их преследовать.

— Я понял, ваше величество. Так приказа о моем освобождении мне не ждать?

— Нет, братец. Как-нибудь без него. Только проследи, чтоб после твоего отъезда герцог Раенский все еще оставался узником Сэн-Дара.

— Не думаю, что с этим возникнут сложности, ваше величество.

К допросу свидетелей высокопоставленный узник решил преступить с утра. Лишняя ночь в камере еще никому не вредила. Особенно, если эта камера значительно отличалась от предоставленных герцогу апартаментов.

Чарльз Николас Ривербел, шестой граф Хатор оказался довольно щуплым плюгавеньким человечком, нервно вздрагивающим от каждого громкого слова. Впрочем, все они выглядят довольно щуплыми, когда оказываются в одних портках перед палачом. Зато говорят весьма охотно и бодро, если, конечно, палач не перестарается, что, увы, тоже порой случалось.

Впрочем, местный палач свою работу знал неплохо, и граф Хатор, первоначально довольно бодро вещавший о своей давней дружбе с герцогом Раенским (и на что надеялся только?), очень быстро пришел в себя и начал рассказывать вещи, куда более похожие на правду.

Жениха своей дочери он не знал (как и все отцы до него). Тот возник внезапно, с невестой предварительно незнакомился (тоже ожидаемо), буквально вынудил графа на этот брак (и тут стандартно), пообещав вернуть Хатору после церемонии всю выигранную у него в карты собственность. В последнем пункте расхождения были. Но они были у всех. Конкретная причина, по которой отцы соглашались на столь странный и поспешный брак, всегда была разной. Но при этом каждый раз — как ни посмотри — выгодоприобретателями оказывались именно главы семейств. Приданого у дочери графа не было — как и у всех невест до нее. А потому шансов не то что выгодно пристроить — просто выдать девицу замуж — было крайне немного. А тут ее берут, не требуя за нее ни гроша, да еще и возвращая за нее огромные материальные ценности...

Да проигравшийся граф отдал бы дочь и так! Куда ему было девать-то ее, когда он

остался без гроша в кармане и крыши над головой? А карточный долг — вполне себе уважаемая причина, чтоб собственность сменила владельца. Таких выигрышей, как и проигрышей, в свете стыдиться не принято, это жизнь. Так зачем было эту собственность возвращать? Чем неизвестная девица ценнее особняка в столице? Неизвестный жених так богат? Не бывает богатых людей, которые не стремились бы приумножить свои богатства. Потому как в ином случае они очень быстро становятся бедными.

И ведь так каждый раз. Жених получает только девушку. Отец девушки получает то, что имеет материальную ценность и крайне ему дорого. Порой это его же вещь, возвращенная назад. Порой — то, что он давно хотел и не мог заполучить. Почему? В чем тут смысл?

Учитывая, что сделка совершается посредством алтарного камня, это очень похоже не на свадьбу, а на... Точно! Договор! Договор, по условиям которого некто получает девушку в обмен на... Ну, допустим, материальные ценности, которые условный «жених» просто не может взять себе. Да! Он может получить только девушку — без приданого, поэтому невеста всегда бесприданница, и более того, она никогда не берет из дома даже пары сменных чулок, всегда уезжает, в чем есть!

— ...обманул! — пробился в его мысли голос допрашиваемого. — Он обещал вернуть все в обмен на дочь, и не вернул! Вернее — вернул не все! Он оставил себе наш замок. Он обещал вернуть все, а оставил замок!

— Вот как? — нахмурился герцог. — И как он это вам объяснил? Вы ведь потребовали объяснений?

— Разумеется, ваша милость, я потребовал. Но он сказал, что берет его в качестве приданого. Что взять невесту бесприданницей он просто не может себе позволить.

Дьявол! А ведь все было так логично!

— И что за замок?

— Замок Альк, ваша милость. Так, кучка старых камней. Достался в наследство по линии моей жены. Мы туда и не ездили никогда, он давно заброшен. Жена бывала пару раз, осматривала наследство. Но для его восстановления требуются деньги, и большие деньги, а зачем вкладывать туда, где никто все равно не собирается жить? Вот и...

— Но если замок был вам не нужен, почему же вы сами не назначили его в приданое дочери? Даже старый и разрушенный дом лучше, чем никакого.

— Да мы... Это, собственно, моя жена. Это ее наследство, и она взяла с меня слово... Я даже не играл на него никогда... до этого раза. Сам не знаю, как так вышло, а когда... В общем, она даже разговаривать со мной перестала. А ведь вы правы, даже став женой такого богатого человека, моей Розы лучше иметь что-нибудь свое... Тем более, у него-то точно хватит денег на ремонт.

— Несомненно, — мрачно отозвался герцог, давая знак отвязывать узника. Пусть отдохнет, возможно, завтра к нему появятся новые вопросы. Пока же стоит побеседовать с графиней. Слишком уж подозрительный замок, слишком выбивается он из всего, что было известно по этому делу ранее.

Хатор заорал, коснувшись босыми ногами пола, и даже попытался осесть по стенке. Ему не дали, грубо подтолкнув в сторону выхода из допросной. Подвывая при каждом шаге, тот послушно поплелся вон. Герцог поморщился, рассеянно наблюдая за кривляниями узника. Разумеется, после того, как пятки вдоволь полижет огонь, ходить бывает несколько затруднительно. Но не думает же граф, что тут станут носить его на руках?

— Пригласите графиню, — распорядился он, доставая чистый лист бумаги. Общий

протокол, разумеется, вел писарь. Герцог же отмечал лишь то, что считал особенно важным.

Итак, замок.

А графиня оказалась интересной женщиной. Не внешне, конечно. Если в молодости у нее и была неплохая фигура, до нынешних дней она ее не сохранила. Но сила духа присутствовала знатная. И боли она почти не боялась. Нет, чувствовала, конечно, в руках палача как можно чего-нибудь не почувствовать, но избежать ее любой ценой не стремилась. Герцога даже охватил азарт, чего с ним давно уже не случалось во время допросов. Большинство ломались сразу — как граф, особенно, если дело (вернее, собственное участие в нем) было столь пустяковым. А тут... Пришлось ее светлость даже на дыбу подвесить, чтоб убедить в необходимости сотрудничать. А то слишком уж ее ответы про «ненужные старые камни» казались абсурдными в свете произошедшего.

Добиться удалось немного. Замок Альк, стоящий на склоне Аденских гор, был построен не то семь, не то восемь веков назад, точнее графиня не знала. Но, в любом случае, его история начиналась еще до эры Божественного Договора, когда все страны этого мира приняли владычество Деуса и воздвигли храмы над данными единым богом священными камнями истины. Чей род основал этот замок, и кому он принадлежал большую часть своей истории, тоже осталось невыясненным. К Ривербелам попал от тетки графини, вернее — от ее мужа, которому тетка принесла замок в приданое, к семье тетки — от еще каких-то непрямых родственников по женской линии. Кому он принадлежал прежде, графиня не знала. Это было не так уж страшно, данные наверняка есть в архивах. Интереснее другое:

— Муж вашей тетки завещал вам все свое имущество?

— Нет, только замок.

— Кому отошла основная часть?

— К дальним родственникам со стороны мужа, своих детей у них не было.

— Почему же замок отошел вам?

— Это было желание тетки. Я ее единственная родственница, и, поскольку замок — ее приданое, ей захотелось... ей показалось правильным, если замок останется в ее роду, а не в его.

— В ее роду? — становилось все интереснее. К роду Ривербелов маркиза Данвур, в девичестве Эриш, не принадлежала никогда. — Правильно ли я понял, дорогая графиня, что ваша уважаемая тетушка вела свой род по матери, а не по отцу, как то положено и Божественными законами Деуса, и законами нашего славного королевства?

Не будь графиня и без того бела как мел, она бы, наверное, побледнела еще больше. А так — лишь зрачки испуганно дернулись.

— Нет, ваша милость! Разумеется, нет. Моя тетка чтит Божественные законы...

— И вы тоже их чтите. Но, как и она, ведете свой род по матери? Да или нет?!

— Нет!

— Правда? А если прижечь?

А кричала графиня неплохо. Гораздо лучше, чем рассказывала. Вот только сознание потеряла быстро. Пришлось ждать, когда к ней вернется способность говорить. Потеря времени. Впрочем, основное он уже понял. Графиня бессовестно морочила ему голову. Замок не переходил из рода в род. Никогда. Все эти века он принадлежал только одному роду. Со времен Божественного Договора утратившему свое родовое имя, право владеть собственностью и даже считать родство. Благородная графиня Хатор, дочь не менее благородной семьи Доринсвор, была потомком дочерей Лилит. Некогда верные служанки

Черной Богини, поверженной Пресветлым Деусом, они безропотно приняли новую веру и новые законы, и без следа растворились в почтенных семьях своих мужей.

Нет, как оказалось — не без следа. Они все еще считали свой род по матери. И замок передавали только по женской линии. Как им удавалось это на протяжении веков, ведь по закону вся собственность принадлежит лишь мужчинам? Не иначе, как Черная Богиня лично помогала отступницам.

— Вы поклоняетесь Черной Богине?! Что в этом замке — ваше языческое капище?!

— Помилуйте! Я ничего не знаю о черной богине! — в ужасе вопила женщина, сраженная его ненавистью и его напором. — В этом замке... там просто сокровища! Спрятанные много веков назад сокровища! Их спрятали на заре эры Пресветлого Деуса сразу после падения Черной Богини. Те, кто их спрятал, были убиты, все секреты потеряны. Мы не поклоняемся Черной Богине, мы верные слуги пресветлого Деуса — давно, всегда, все эти века! Я просто хотела найти сокровища. Несметные богатства, чтоб жить безбедно, чтоб выдать дочь замуж. Что в этом плохого?

— А до этого те же сокровища искала тетка? — спокойно уточнил герцог, в этот раз не повышая голоса. Разумеется, он не испытывал к ней ненависти. Долгие годы работы с узниками в мрачных подземных казематах давно лишили его способности испытывать какие-либо эмоции по этому поводу. Была работа, которая должна быть сделана. И способы сделать эту работу быстрее и лучше.

— Да, всю жизнь, — покорно признавалась женщина. — Но она не нашла. Так же, как и никто до нее. Там действительно только старые камни.

— Но если все дело просто в древних сокровищах, почему же ни одна из вас на протяжении стольких веков не рассказала о них своему мужу? Почему скрывала, почему лгала и выкручивалась, стараясь, чтоб замок не достался законным наследникам по мужской линии? Как можно чтить Деуса, если не чтить его главную заповедь: почитай мужа своего, ибо он дан тебе господином?

— Я чтила. Мы все чтили. Мы верные слуги Деуса. Просто на замок наложен проклятье. Сокровища может найти только та, в ком течет кровь их спрятавшей. Та, кто придет одна. Что не допустит мужчин в эти древние стены. Приедь я хоть раз вместе с мужем — и замок стал бы для нас бесполезен, у меня не осталось бы ни единого шанса найти сокровища и передать их в семью, мою единственную семью — моему мужу и повелителю. Я всегда чтила Деуса — только Деуса! Поверьте! Я никогда не поклонялась проклятой Богине! Я даже не знала о ней! О том, что мои предки вообще имели к ней отношение! Мне рассказала тетка. Перед тем, как отдать мне замок. Это просто легенды старого замка, ничего больше, — женщина кричала и плакала, понимая, что за Черную Богиню ее ждет костер, с приверженцами запрещенных культов поступали по всей строгости закона, а закон был суров. Но с костром герцог спешить не собирался. Чтобы получить все ответы, надо задать правильные вопросы. А вопросы надо еще раз обдумать. Да и в древних культах он не силен. С ведьмами разбираться, конечно, доводилось, но его интересовали угрозы современному обществу, а не тайны древних. Теперь же придется заняться.

— Значит, теперь поиском сокровищ озабочена ваша дочь? Замок же перешел к ней.

— Роуз? Нет, она ничего не знает про сокровища. Я не успела ей рассказать. Муж до последнего был уверен, что вернет замок, а потом они с герцогом так поспешно уехали... Мы даже не попрощались толком, какие уж там сокровища...

— А про поклонение Черной Богине? — Александр невольно поморщился, услышав

как неизвестного жениха именуют его титулом, но отвлекаться на это не стал.

— О чем вы? В нашем роду никто не поклоняется Черной Богине, слышите — никто! Это просто легенда, связанная с замком. С поиском сокровищ, там спрятанных. На эту нелепую древнюю богиню всем в моей семье было всегда глубоко плевать! И мне плевать! И тетке! И ее тетке — всем! Мы искали сокровища! И если я не отдаю дочери замок — так с чего я буду забивать ей голову запретными культами?

— И в замке ваша дочь тоже никогда не бывала?

— Нет! Я же говорю: владелица должна приехать туда одна! Совсем одна! Меня даже слуги ждали в ближайшей деревне.

— Вот как? Вы настолько не боитесь разбойников?

— Там нет разбойников, это дикие пустые места. Там некого грабить.

— Ладно, — он чувствовал, что надо спокойно все обдумать. — Отправьте женщину в камеру, пусть отдохнет, мы продолжим позже. А мне распорядитесь подать обед.

— Сюда?

Он с чувством выдохнул. Ну что за идиоты? Он что, и есть должен среди пыточных орудий и ароматов пота и паленого мяса?

— Нет, разумеется. В мои апартаменты. И найдите мне ведьму помоложе и посимпатичнее. Желательно — непопользованную. Есть же здесь такие? Отмыть получше и тоже ко мне.

Хотелось расслабиться. И перебить стоящие перед глазами образы немолодого и некрасивого женского тела близким знакомством с телом юным и обольстительным. Желательно — без следов пыток. Впрочем, последнее его не особо смущало — в иных отметинах есть особая прелесть...

— Простите, ваше высочество, но боюсь, у нас сейчас не содержится никого, кто...

— Ну, найдите в ближайшей деревне, — раздраженно взмахнул он рукой, поражаясь местной нерасторопности и несообразительности. — Объявить хорошенькую селянку ведьмой — это ж когда было проблемой? Будет искренне каяться в грехах — потом признаем, что была схвачена по ложному доносу, да с почетом отпустим. Не выдумывайте сложностей там, где их нет, исполняйте, — собрав бумаги, герцог направился в собственные покои в этом мрачном здании. Хотелось умыться, сменить провонявшую в пыточной одежду, и еще раз спокойно все обдумать.

Этот таинственный Черный Замок... Можно ли считать, что граф, по сути, никогда им не владел? И тогда выходит, что договор (если все же предположить, что имеет место неизвестный договор) не нарушен: графу вернули все его имущество и забрали только дочь. Замок забрали у графини... Но ведь формально она им и не владела. И она не заключала сделку с «женихом», а значит, он ей ничего не должен...

И все же, что в этом чертовом замке? Точно не сокровища. Он руку готов дать на отсечение — что угодно, но не они. В любом случае, надо будет направить людей в королевский архив, пусть выпишут для него все, что там имеется по данному замку. Вряд ли там будет что-то ценное, но полезной может оказаться любая информация. Скажем, список владельцев, вернее — их жен, и родственные связи последних. Надо ж как-то вычленять этот проклятый род, родства не фиксирующий. И да, проверить, не были ли девушки, похищенные прежде, из этого самого рода.

А ему самому придется наведаться в архив Храма. Туда, увы, человека послать не получится. Круг лиц, допущенный к хранящейся там информации, крайне узок. Лишь

прямые потомки Рыцарей Деуса, тех, кто установил однажды власть единого бога над этим миром. Когда-то каждый из них получил в надел по королевству. Но с тех пор... Перевоороты, смуты, даже банальное бесплодие — далеко не везде чистоту крови удалось сохранить. Тот же Хосе Мигель, к примеру, Рыцарей Деуса в предках уже не имел, и потому не только в архивы Храма не смог бы проникнуть, но и властью над церковью в собственной стране не обладал. А это порождало бесконечные распри между светской и духовной властью, светские и церковные законы, светские и духовные суды, светский и духовный Тайный Сыск... Мрак!

Ему повезло, что он родился не в Марбуре. Его царственный кузен Георг, прямой потомок одного из двенадцати Рыцарей Деуса, был полновластным хозяином своего королевства — и церкви этого королевства. И Тайный Сыск, возглавляемый герцогом Александром, равно боролся и со шпионами из соседних стран, и с ведьмами и еретиками страны собственной, не деля дела на церковные и светские. Неразберихи от этого, по мнению герцога, было гораздо меньше, а пользы для королевства — значительно больше. В Марбуре церковный сыск уже потребовал бы передать это дело ему. В родной Иглезии же (разумеется, пообедав и неплохо отдохнув с присланной ему юной ведьмочкой, так жарко убеждавшей его в своей невиновности) он сам вызывал на допрос представителя церкви, и собирался получить ответы любым подходящим для этого способом.

— Итак, досточтимый отец Стефан, давайте сразу к сути: как именно вам удалось совершить подлог?

— Помилуйте, какой подлог, ваше высочество? — святой отец был бледен, со страхом косился на перебирающего инструменты палача, однако герцога, без сомнения, узнал. В отличие от графа и графини. Знал в лицо? Почему нет, он личность известная, мало ли, где и когда сельский священник мог его видеть.

— Во время венчания Роуз Ривербел и герцога Александра Раенского, совершенного вами двадцать шестого июля сего года в сельской церкви...

— Но помилуйте, ваше высочество! Я сделал все, как мы договаривались! Дословно! До последней запятой, до последней буквы!

— Мы с вами договаривались? — недовольно скривился герцог.

— О, разумеется, нет, ваше высочество! Как я мог?! Я лишь имел в виду, что я выполнил ваше распоряжение со всей ответственностью и без малейших ошибок, я клянусь вам в этом!

— Клянётесь? Как любопытно. Вы так же готовы поклясться, что человек в маске, дававший вам распоряжения — это именно я? Отчего же? Так было написано на маске? — маска на лице жениха была непременным атрибутом подобных свадеб. О ней упоминалась во всех архивных материалах. О ней же упоминали и граф с графиней.

Тем удивительнее было услышать:

— Но вы же снимали маску, ваше высочество. Вы говорили со мной без нее.

— Я? — поднявшись с кресла, герцог подошел почти вплотную к своему подследственному. — Взгляните внимательнее: вы точно говорили со мной? Именно со мной, а не с кем-то, слегка на меня похожим?

— Я... — священник недоуменно бегаёт глазами по лицу герцога. — Я не понимаю, ваше высочество... ваша милость... Вы — не герцог Раенский? Покорнейше прошу меня простить, я и подумать не мог... Просто одно лицо, ваша милость. Один к одному. Если бы вы не сказали — я не нашел бы отличий.

Дьявол! Как бы не совершался подлог, герцог был уверен — внешнего сходства не было

и близко. Иначе зачем тогда маска? Да и просто невысказано все время находить двойников. А тут... Что-то он упускает.

— Итак, еще раз и в подробностях, святой отец: где и когда герцог Раенский снимал маску?

— Перед венчанием. Он приехал заранее. Его секретарь нашел меня и попросил выйти в церковный сад. Я, разумеется, не мог отказать герцогу в его просьбе...

— Герцог был в саду один? И уже без маски? Или он снял ее при вас?

— Он был без маски. В парадном мундире. Очень нарядный и торжественный. Но не высокомерный, ничуть... Он был с охраной, но она стояла чуть дальше. Думаю, разговора они не слышали. Присутствовал лишь секретарь, что ходил за мной. Он же передал необходимые документы.

— Но лицо «герцога» его охрана видеть могла?

— Да, без сомнения. Как и все, кто были в ту пору возле церкви. Народ уже начинал подтягиваться.

— И после разговора с вами он маску сразу надел?

— Не могу знать, ваша милость, я сразу ушел готовиться. В следующий раз я увидел его высочество уже возле алтаря, и он был в маске, как и было оговорено.

— Что именно было оговорено? И что за документы передал вам секретарь?

— Особенности проведения венчания члена королевского дома. Герцог Раенский — прямой потомок Рыцарей Деуса, и потому в обряд должны были быть внесены изменения...

— В обряд внесены изменения? Да вы сами себя слышите? Что за безумная ересь?

— Не мной, ваша милость, разумеется, не мной. Я неправильно выразился. Обряд должен был быть проведен не по Ординарному Статуту, а по Статуту Премии, священный текст которого, заверенный подписью короля Арта Великого и сиянием Священного Деуса, и был мне предоставлен.

— И вы проводили венчание по этому статуту?

— Да, ваша милость. Слово в слово.

— И в чем там отличия от стандартного варианта?

— О... буквально пара фраз... я уже не помню... Он же на Древнем языке. Каюсь, я не владею им в совершенстве. Я, разумеется, учил в семинарии, но это было давно...

— Любопытно... Каленое железо, говорят, неплохо восстанавливает память, — опять спускаться в пыточную было неохота, он надеялся договориться со святошей и так. Но опять пошли недомолвки.

— Помилуйте, ваша милость! Клянусь Деусом, я не знаю Древнего языка, я просто прочел! Мне нечего вспомнить!.. И потом — вы же можете просто сами взять документ и изучить его от корки до корки. Я клянусь, я не искажил и буквы!

— Вы не знаете языка, но так уверены, что не ошиблись?

— Так я читал! Читать Древние тексты я умею в совершенстве, этому нас учили все годы...

— Понятно. Статут остался у вас?

— Нет, разумеется, это очень дорогой документ, как бы он мог остаться в сельской церкви... Его забрал у меня секретарь его высочества сразу после церемонии.

— Подлинность сияния Деуса очевидна? Вы клали документ на алтарь?

— Да, разумеется, как и предписывает обряд. Все было проведено в строжайшем соответствии с законом.

В строжайшем соответствии с законом. С полного одобрения Деуса. В его храме. На его алтаре. Предъявить святому отцу действительно было нечего. Он провел обряд, который сам Деус признал подлинным. И скрепил своим светом. В присутствии сотен свидетелей.

Но что за обряд провел этот необразованный сельский дурак? Как член королевского дома и прямой потомок Рыцарей Деуса, герцог Раенский не хуже самого короля знал, что никакого особого брачного обряда не существует. Нет и не было. Что же за пара фраз, сделавшая его мужем неведомой девицы без посещения храма? Надо будет все же отправить этого отца Стефана к палачу, глядишь, что-то и вспомнит. Хоть обрывки.

А ему пока придется поднимать все статуи времен короля Арта, регламентирующие деятельность храма. Какие еще договоры, кроме брачного, подтверждают особым обрядом у алтарного камня? Почти все, хоть договор о дружбе и верности между двумя соседними державами, это он знал прекрасно. Но как именно все это сформулировано? Что может быть похожим на брачный обряд, но им не являться?

И почему для проведения этого обряда «жениху» нужна была маска, раз он был похож на герцога, за которого себя выдавал, как две капли воды? Священник не мог сказать на эту тему ничего вразумительного. Да и герцог, сколько не думал, ответа не находил.

Я проснулась одна в небольшой комнате под самой крышей, на узкой и достаточно жесткой кровати. Ставни на окне были распахнуты, и солнце нещадно светило прямо в глаза. Тело нещадно ныло, а кое-где и саднило, немилосердно напоминая о том, что с целомудренной жизнью оно покончило. Вот где-то примерно в тот же день, что и с жизнью нормальной.

Подумать только, всего три дня назад я была обычной благовоспитанной барышней. Мечтала о муже (которого, возможно, никогда не будет), о выезде в свет грядущей зимой (который, наверное, опять сорвется) и... нет, ничего больше. Разве что иметь собственную лошадь и иметь возможность совершать время от времени верховые прогулки. А может быть даже, если совсем повезет с замужеством, принимать вместе с супругом участие в охотах — для благородной дамы это не зазорно, да даже и для девицы. Только вот мой папенька охотником не был. Он был игроком.

А мой муж, которого выиграл мне папенька в карты (или который выиграл меня у папеньки в карты)... Да полно, был ли у меня в итоге муж? И кто был моим мужем? Герцог Раенский, как было оглашено в храме? Или тот человек, что стоял рядом со мной и держал меня за руку в тот момент, когда было совершено оглашение?

По закону вроде как выходило, что герцог. Но я венчалась не с ним. Меня забрал у отца не он. И своей женщиной меня тоже сделал не он. Он, возможно, и не подозревал еще обо мне. А тот, кому отдал меня из рук в руки отец... Он не желал быть моим мужем, он не являлся им формально, но, по сути, он был им. Не только потому, что не забывал об исполнении супружеских обязанностей (хотя и делал это так, как настоящему супругу, наверное, стыдно было бы), но и потому, что содержал меня, заботился обо мне. Ведь кто я одна? Никто. И мне оставалось только принять его таким, какой он был, и следовать за ним, в надежде стать ему настолько необходимой, чтоб он никогда не вздумал от меня отказаться.

— Нас венчали, — упрямо сообщила я ему тогда, на сеновале, придавленная его тяжестью и разморенная только что испытанным выбросом эмоций. — И я — твоя жена.

— Вы согласны стать женой конюха, герцогиня? — бесстыже смеялся этот гад. Словно у меня был по-настоящему выбор.

— Мне, похоже, придется. Ибо сказано: «Да прилепится жена к мужу своему и пойдет за ним...»

— И ты пойдешь, Роззи? За мной?

— И я пойду. Знаешь, во время венчания Деус спросил меня...

— Деус? — тот, кто велел звать его Лисом, совершенно по лисьи усмехнулся. — Может, все же священник?

— Нет, при чем здесь отец Стефан? Я говорю об обряде. Когда мы положили ладони на камень, свет алтаря дошел, казалось, до самого сердца. И из этого света родился голос, он спросил, чего я хочу и с кем. У тебя разве не было так?

— Нет, — его улыбка была чуть изумленной. — Никогда не слышал, чтобы люди разговаривали с камнем. Обряд и обряд, свет и свет. Но никаких голосов.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Ты особенная, Роуз, я всегда это знал. Потому и выбрал. Так о чем шепчут камни моей маленькой силь... моей упрямой подружке?

— Твоей жене. Какой еще «силь»?

— Неважно, это всего лишь слово.

— Ну, значит неважно про камни и голоса. Мы будем ночевать на конюшне? Или мой муж, который отказывается быть моим мужем, все же позаботится о более достойном ночлеге для своей суженой?

Смеется. И нежно целует меня в лоб.

— Я б остался и здесь. Запах сена, лошадей, их негромкое пофыркивание... красота! Но тебе не подходит, я знаю. К тому же, очень скоро сюда придут. И не важно, герцогиня ты или жена конюха — в их взглядах на тебя будет только грязь. А я не хочу, чтоб они тебя пачкали, — Лис с улыбкой покачал головой, нежно провел пальцем мне по щеке. — Так что одевайся, моя нежная роза, мы исчезаем, — он перекатился и встал. Потянулся за собственной одеждой, начал неторопливо натягивать. И так странно, почти нелепо это смотрелось: весь голый, а руки в перчатках. Как-то немыслимо неправильно — как, собственно, и все, что он делал и творил. — Видишь, я все-таки был прав: герцогиня сбегает этой ночью с конюхом, навсегда отказываясь от титула.

— Это ворованный титул, и он приведет меня разве что на костер. К тому же, — я развела руками, демонстрируя себя, свою сорванную одежду, весь этот сеновал, — кто-то просто не оставил мне выбора. Я твоя женщина. А коли ты не герцог, так и мне не судьба.

И он увел меня прочь в непроглядную тьму летней ночи, накинув свою куртку поверх моего разорванного платья. В маленькую непримечательную гостиницу на окраине, где у него, как оказалось, уже был снят номер. Оставил меня отдыхать и ушел, обещав позаботиться обо всем остальном. Я хотела дожидаться, когда он вернется, но все же уснула.

Теперь же, судя по солнцу, близился полдень, а я все еще была одна. И ужасно не хотелось думать, что где-то там, в гостинице классом повыше, расположенной возле главной площади, человек, похожий на герцога Раенского, сейчас садится в свой роскошный экипаж и уезжает. Навсегда. А я остаюсь. Одна, без денег и без единого целого платья.

— Доброго дня, моя нежная роза! Ты все же проснулась? — дверь без стука распахнулась, и в номер вошел... к счастью, все тот же Лис. Правда, конюхом я бы его сегодня не назвала. Одет скорее как лавочник средней руки: добротнo, опрятно, строго, но как-то до ужаса блекло. Вслед такому точно не обернешься. — Спешу обрадовать: роскошная карета, предположительно принадлежавшая герцогу Раенскому, сегодня утром покинула город. Благородную даму, что приехала в ней вчера, охрана искала, но найти не смогла. Ходят странные слухи, — он широко улыбнулся, блеснув глазами. — Но приказа искать герцогиню не было — и ее не ищут, — Лис заговорщицки подмигнул и продолжил знакомить с новостями: — Наши лошади ждут нас за городом, твою одежду сейчас принесут. Ее доставили еще ночью, я просто распорядился не тревожить твой сон. У нас впереди обед — хотя для кого-то он завтрак — и посещение ярмарки. Вчера ты так ничего и не купила.

— Еще бы, ведь ты украл у меня кошелек, — я наконец-то смогла вставить хоть слово. Хотелось сказать, как я рада, что он пришел, что не пропал, что не бросил. Но не стала. Ведь я его жена. И я в нем уверена. Должна быть уверена. — Кстати, до сих пор не вернул.

— Это поправимо, Роззи, правда. Верну. Даже готов с процентами. Денег у нас хватает. Просто хочется хоть немного пожить вот так, — он неопределенно махнул рукой, не то комнату эту под самой крышей в виду имея, не то свой далеко не изысканный наряд.

— Как? — недоуменно хмурюсь я. — Бедно?

— Это не бедно, Роззи, это скромно. Без излишеств.

— И в чем же радость?

— Интересный опыт. Новый, необычный. Его не надо бояться.

— Я и не боюсь. Просто нового в скромности и воздержанности едва ли что-то найду. В такой комнате я, конечно, еще не ночевала, а вот дни, когда мы рассчитывали даже кухарку, к сожалению, прекрасно помню.

— Как, неужели графиня сама готовила завтрак?

— Мама? Готовила. Было бы из чего...

— Так, все, Роззи, кончай хандрить. Это ты точно с голоду такая несчастная. Давай-ка одеваться, и идем — внизу пекут такие вкусные блинчики...

— Все же вначале мне бы хотелось умыться. Ты не подождешь... ну, вот хотя бы внизу? Закажешь мне пока что-нибудь.

— Все еще стесняешься меня? — он, смеясь, покачал головой, словно удивляясь моей просьбе. Но спорить не стал. — Так что тебе заказать: блинчики на завтрак или баранью ножку на обед?

— Блинчики, — кивнула я. И, подумав, добавила: — С бараниной.

Ужин был как-то очень и очень давно. Даже вспомнить странно — я была тогда герцогиней...

В обеденный зал спустилась в том самом наряде горожанки, что так удивил меня прошлым вечером. Сегодня же я подумала, что он прекрасная пара к костюму лавочника, который выбрал мой почти настоящий муж. Не могу сказать, чтоб традиционная одежда из грубой ткани нравилась мне больше легких и изящных платьев аристократии. Но Лис зачем-то затеял эту игру, она ему нравилась. И раз уж я решила идти за своим мужем — я должна идти. То есть, я должна попытаться его понять. Принять его заботы и радости. Стать ему действительно верной спутницей. Не в этом ли смысл брачной клятвы?

Лис ждал за накрытым столом, тихонько потягивая квас и рассеянно оглядывая зал. Улыбнулся, увидев меня, и в этой улыбке я почувствовала одобрение. Однако комментировать не стал, предложив приступить к трапезе. И сам тут же столь самозабвенно принялся за еду, словно его не кормили дней десять. Нет, он не спешил, судорожно заглатывая пищу большими кусками, напротив — он наслаждался. Долго и с удовольствием пережевывал каждый кусок, предварительно обмакнув его то в один, то в другой соус, заедал, запивал, комбинировал вкусы и наоборот — смаковал что-то отдельно, само по себе. И до всего остального мира ему просто не было дела.

Я же, напротив, особого желания есть почему-то не ощущала. Мне нравились запахи, источаемые блюдами, да и выглядело все достаточно аппетитно. А вот вкус оставлял равнодушной. Нет, еда не была безвкусной, вкус был, и он был правильным, ожидаемым, но... Особого удовольствия не приносил. Я даже голода особого не испытывала. Просто ела, потому что время еды, и я пришла сюда за этим. А ведь еще в номере я чувствовала себя голодной... Одними запахами насытилась? Или это все нервы?

— Неужели совсем не вкусно, Роуз? — надо же, он все же не только едой занят? А по виду не скажешь.

— Ну почему, не совсем.

— Так наслаждайся!

— Ты долго сидел в тюрьме?

Он поперхнулся квасом. Поставил кружку, откашлялся.

— Ну, нельзя же так, Роуз, я ж подавлюсь, — укорил, привычно посмеиваясь. — И что

же, по-твоему, я мог забыть в этом мрачном месте?

— Да я не знаю, что личности вроде тебя там время от времени забывают. Некоторым еще костер очень нравится. Мерзнут, наверное.

— Должно быть, — он вновь с удовольствием принялся за еду. — А личности вроде меня — это какие, Роззи? Расскажешь?

— Легко. Те, кто имеют проблемы с законом, выдавая себя за тех, кем они совсем не являются. Жульничают в карты, играя по-крупному, на поместья и состояния. Занимаются черным колдовством, принимая чужие личины и обманывая самого Деуса. Не знаешь таких?

— Знаю, Роззи, как же не знать, — легко соглашается он. — Не очень в курсе, что такое «черное колдовство».

— Это то, что ты делал в храме.

— В храме, Роуз, я лишь предъявил Деусу договор, который он не мог не исполнить. Ведь с моей стороны все условия были соблюдены.

— А то, что ты выдал себя за герцога Раенского?

— Так ведь не в храме, Роззи, милая, — он неторопливо отпил из кружки, и продолжил. — Я обманул священника, явив ему чужую внешность и назвав чужое имя — да, не спорю. Но это было в частной беседе и за пределами храма. А когда я стоял у алтаря — я был только собой.

— Но ты сказал, что скопировал его суть, и именно потому...

— И именно потому, Роззи, я получил брачную звездочку, которая идеально вошла в ладошку герцога. Я скопировал суть того, для кого я прошу брачные узы. Но не утверждал, что он — это я. Перед лицом Деуса — не утверждал.

— Ты хочешь сказать, Деус знал, что творится ложь? И допустил это? Потворствовал? Участвовал?

— Он связан договором. Он ведь бог, чтящий букву. Законы, договоры, регламенты, правила — он не только следит, что бы люди выполняли все, что заверено на его алтаре, но и сам не в силах нарушить взятые на себя обязательства. И потому мне просто нет нужды его обманывать. Другое дело, что людям не стоит знать о наших договоренностях. И для людей приходится разыгрывать целую историю. Но мне нравится играть, Роззи. Это весело.

— А ты не находишь, что людям вокруг — не очень?

— Это ж каким, моя маленькая Роуз?

— Например, мне. Меня выдавали замуж, я венчалась в храме, я уехала с тем, с кем венчалась — а в итоге оказалась бесчестной женщиной.

— Ну-у... Это смешно, Роуз, правда, смешно. Бесчестен был я, а бесчестной женщиной оказалась ты. Редкостный бред, ты не находишь?

— Не нахожу. Ведь это меня осудят.

— Кто, Роззи? — он лишь пренебрежительно фыркнул. — Что тебе до людей? Ты со мной. А я дарю тебе самое захватывающее приключение, которое только может выпасть на долю женщины твоего круга. Что тебя ждало, Роззи? Скучный брак с каким-нибудь старым занудой. А теперь...

— А теперь? Зачем вообще было вмешивать в это герцога? Почему нельзя было просто на мне жениться?

— Герцога? Ну, герцогу я тоже подарил захватывающее приключение. Возможность узнать нечто новое, стать кем-то иным. Ему понравится. Не знаю, как результат, но процесс точно весьма увлечет, — он со вкусом обгрыз баранью ножку, отложил ее, промокнул губы

салфеткой. — Что до женитьбы — увы, моя Роззи, но это тот самый пункт договора, в котором Деус обманул сам себя. Факт заключения брака подтверждает принятие на ладонь брачной звездочки. Этакое материальное воплощение духовного таинства. А я не могу ее принять. Мои ладони, увы, не столь материальны. А потому брак со мной просто не может быть заключен.

— То есть? — что-то я вообще перестала его понимать.

— То есть, меня в этом мире костной материи вообще нет. Я не существую. Я дух. Нельзя выйти замуж за того, кого нет.

— Для духа ты как-то слишком хорошо питаешься. А для того, кто не обладает «костной материей», ты оставил слишком уж материальные следы на моем теле. Которые как-то уж слишком недуховно болят.

— Все еще болят?

— Ноют, ощущаются, не позволяют поверить, что все, что было между нами за прошедшие два раза, относилось лишь к области иллюзий и фантазий, — гляжу на это «чудо нематериальное» с большим-пребольшим скепсисом.

— Роззи, — тянет он с улыбкой. — Недоверчивая моя девочка... Конечно, я могу воплотиться. Но, к примеру, что бы на несколько часов стать герцогом, достаточно материальным, чтоб не только удержать его звездочку в ладони, но и суметь окрасить ее твоей кровью, мне пришлось неделю выгуливать твоего отца.

— Выгуливать?

— Создавать этому картежнику условия, при которых его страсть к игре выплескивалась бы из него фонтаном — день за днем, час за часом: выигрыш — проигрыш, надежда — отчаянье. Я держал его в таком напряжении, что он уже едва ли вспомнит, сколько раз он проигрывал мне все свое состояние и выигрывал все мое. Это такой эмоциональный накал, почти безумие...

— Так я угадала, в карты ты жульничал?

— Я не жульничал, я управлял процессом. Вот нет в тебе полета фантазии, Роззи.

— Что делать, я существо материальное... А ты, значит... Ты поглощаешь чужие эмоции и... что? Ты за счет этого существуешь? Продлеваешь себе жизнь? — это с кем же меня судьба столкнула? Он призрак? Неупокоенный дух давно умершего человека? Чтоб я еще разбиралась в нечисти...

— Нет, Роззи. Существую я прекрасно и сам по себе. Но это существование — оно бесконечно и скучно, моя розочка. А вот чтобы воплотиться и жить — мне нужны человеческие эмоции, больше того — страсти. Поглощая их, я обретаю форму, и чем сильнее страсть — тем эта форма совершенней.

— То есть, я тебе нужна...

— Чтобы быть человеком, Роуз. Чтобы быть совсем-совсем человеком. Ощущать вкус еды, и запах твоих духов, и шероховатость ткани...

— Но зачем этот фарс с женитьбой? Ты бы мог просто похитить... или уговорить... кого-то.

— Не мог, моя Роззи. Договор. Он дает нам право, но ограничивает возможности.

— Нам?

— Ты правда думала, что я такой один? Это было бы невыносимо, моя прекрасная, — он отодвинул от себя пустую тарелку и взглянул на меня. — Ты закончила? Тогда идем наслаждаться жизнью. Сейчас самые сладкие дни — дни, когда мы оба можем получать

удовольствие от всего, что в состоянии дать нам человеческий мир.

И он потянул меня к выходу, а мне осталось лишь следовать за ним, хотя в голове царил сумбур, его ответы лишь породили новые вопросы. Его сущность — даже не колдун, а что-то вообще потустороннее — вызывала едва ли не оторопь. Но... это был Лис — тот, кто обнимал меня, ласкал. Да, пугал и шокировал, но ведь не обижал. Так может, и ничего, и не страшно? Можно будет прожить и с ним. Тем более, что сейчас он звал меня развлекаться. И, кажется, он собирался делать это совершенно по-человечески.

Первое время я чувствовала себя просто мамочкой при восторженном ребенке: его интересовало все, его привлекали и увлекали какие-то совершенно простые, обыденные вещи. Долго с восторгом рассматривал и ощупывал плотницкие инструменты, приговаривая, что «здесь есть все, чтоб построить дом».

— Неужели собираешься строить? — удивилась я.

— Нет, моя Роззи, мне не успеть, — вздохнул неожиданно печально, — хороший дом строить долго. Да и кто в нем потом будет жить?

— Почему не успеть?

— Идем, я лучше куплю тебе красивый подарок, — резко срывается он с места, оставив инструмент. — Что бы ты хотела? Серьги? Колечко? Бусы? А, вот, смотри — потрясающая сумочка, что бы все это складывать!

Сумочка была, на мой вкус, простовата и аляповата, но его совершенно сразил контраст между мягким бархатом основы и гладким атласом аппликации. И мне пришлось согласиться, что к сегодняшнему наряду она мне вполне идет. Дальше был браслет с многочисленными шумяще-гремящими подвесками, который я тоже приняла, поддавшись на его уговоры. Затем его заинтересовали детские свистульки — он перепробовал их все, затем купил штук пять и почти сразу раздарил снующим вокруг детишкам. Еще ленты и украшения для меня. Красивый маникюрный набор, который я присмотрела уже сама. Куча необходимых каждой женщине мелочей, которые мне, наверно, должно было быть стыдно покупать при нем, вот только стыдно почему-то совсем не было. Мне, а вот он смотрел на это как-то странно, словно я покупаю вещи, которые мне уже вовсе никогда не пригодятся, а он не хочет портить мне настроение и об этом сообщать.

— Что не так? — все же решила поинтересоваться у этого любителя «простых человеческих радостей». — Или ты полагаешь, что я уже беременна?

— Откуда, роза ты моя белая? Ты была только со мной, а от меня сложно получить в подарок что-то существеннее купленного на ярмарке браслета.

— То есть с конем ты меня все-таки обманул?

— Почему? Он твой и ждет тебя. Но конь тоже относится к тем вещам, которые можно купить на ярмарке. А мы говорим о зарождении жизни, а с этим не ко мне.

— А к кому? К герцогу Александру Теодору Иоанну?

— А знаешь, — мой не-муж приблизился ко мне сзади вплотную и обнял за плечи, — пожалуй, это единственная вещь, с которой он справился бы лучше меня. Только я все равно ему тебя не отдам. Вот такой я страшный себялюбивый эгоист... Хочешь пирожки с вареньем? Как нет? А я уже хочу! Идем же, они так восхитительно пахнут!

Потом были пирожки, да. Наверное, восхитительные, я не очень прочувствовала вкус. Странные ощущения: жуешь, а... ничего. Еда. Съедобна. Ну, хоть Лис наслаждался.

Дальше были кулачные бои. Сначала мы просто смотрели, и не могу сказать, чтобы зрелище того, как потные мужики пытаются набить друг другу морду, меня сильно

привлекало и увлекало. Но потом этот ненормальный полез участвовать — и мое отношение к происходящему резко изменилось.

Захотелось повиснуть на нем и заорать: «Не пуцу! Куда тебе против этих бугаев? Ты маленький, щупленький». Помолчала, конечно. Лишь в веревку ограждения вцепилась отчаянно. Да и маленьким он, конечно, не был. А уж щупленьким тем более — мышцы у него ого-го, как бугрились. Вот только противник ему нашелся — редкостный мордovorот, в два раза шире, да на голову больше...

«Ну ладно, — уговаривала я себя, — ну, захотелось кому-то быть избитым. Радость ему от ощущений. Даже таких. Ну, пусть. Вот и посмотрим, какой он дух, и как он свое переломанное тело от земли отскребать будет, да излечивать... или восстанавливать... или оно у него вообще не сломается — оно ж ненастоящее, вроде как...»

Однако пока отскребать и восстанавливать было нечего. Куда более ловкий и верткий, Лис легко уходил от ударов противника и столь же легко наносил их сам — слишком быстрый, слишком непредсказуемый. Слишком... искусный? Да, пожалуй.

Мордovorота он забил легко, будто играючи. А впрочем, почему «будто»? Играючи и забил. Игрался он так, и откровенно наслаждался игрой. Столь же легко он одного за другим победил и следующих двух соперников. А вот потом, когда я уже совсем уверилась, что ничегошеньки ему не будет, он вдруг упал, пропустив сильный удар в лицо. Встал, пытаюсь вернуть утерянное превосходство, и тут же вновь получил удар, и опять, и еще. Совсем недавно ловкий и верткий, он вдруг стал недопустимо медлительным, и просто не успевал ни закрыться, ни контратаковать. Наконец, он опять упал и уже не поднялся. Победу отпраздновал соперник.

Однако Лису, как продержавшемуся целых три боя подряд, все же полагалась какая-то награда, и ему щедро отсыпали полный кошель меди.

— Идем праздновать? — с шальной улыбкой на разбитом лице предложило это чудовище, добравшись, наконец, до меня нетвердой походкой.

— Праздновать? Что тебя избили? — нет, он вконец сумасшедший!

— Ох, Роззи, ну не мог же я без конца выигрывать, — он улыбается чуть снисходительно, словно я не понимаю простых вещей, а у самого из разбитого носа кровь течет, и шатает его так, что, кажется — скоро рухнет. — Так, немного размяться. И тихонечко уползти...

— Да, тебе теперь, похоже, только ползти, — положив его руку себе на плечо и медленно двигаясь прочь с площади, вздохнула я. Ноги ж едва переставляет. — Очень больно?

— Ага, — и почему в его усталом голосе мне чудится просто детский восторг? — Правда больно, Роуз. По-настоящему... Спасибо тебе.

— За что это? Это ж не я тебя била.

— Но ведь это благодаря тебе я смог воплотиться. Стать живым, настоящим. Все это почувствовать.

— Ты говорил, что смог воплотиться благодаря страстям моего отца, — мне, наконец, удалось довести его до бочки с дождевой водой, стоящей на углу площади. Тяжело опершись на обод одной рукой, другой он попытался умыться. Не очень вышло. Свои извечные перчатки он снимать и не думал, а от них разве что грязных разводов на лице больше становилось. Я отвела прочь его подрагивающую руку, и начала умывать сама.

— Страстей твоего отца хватило лишь на подобие герцога. Не слишком устойчивое, к

тому же, нороящее распасться то от сильной магии, то от сильных эмоций. Недаром пришлось использовать маску в храме, да и тебе глаза завязывать, а то бы перепугалась... сильно...

— В карете? — вспомнила я. — Когда я искала, а тебя... не было?

— Был, Роззи, я всегда там был, — он постоял, пошатываясь, над бочкой, потом плеснул еще пару раз себе в лицо и отвернулся, предлагая следовать дальше. Я предложила плечо, но он отказался, просто взял за руку. — Одежда ж на чем-то держалась, верно? Вот только облик был уж больно изменчив, и не всегда человекоподобен.

— Э-это как еще? — так, нет, монстров я не заказывала!

— А, не бери в голову, Роуз, — легко отмахивается он. — Просто запомни: внешность обманчива. Всегда. А закрыв глаза порой все-таки можно увидеть истину.

— Только ты глаза не закрывай, ладно? Как-то ты слишком тяжело движешься. У тебя голова точно не кружится?

— Да нет, Роуз, не бойся. Все хорошо уже. Просто мы не одни. Не хотелось лишать ребят их иллюзий. Прежде срока.

— В каком смысле? — оглядываюсь. За нами шли трое. И вид их мне ну совсем не понравился. А переулочек, в который мой спутник меня завел, совершенно безлюден. — Лис? — нервно сглатываю.

— Не бойся. Им всего лишь нужны наши деньги. А мне — хорошая драка, причем без правил. На крылечке вот тут постой. И вещи наши посторожи, — мне к ногам ложится мешок с нашими покупками. И тут же сверху — его куртка. Оставшись в одной рубахе, он спокойно оборачивается к преследующей нас тройце: — Так что хотели, мальчики?

Мальчиками этих личностей совершенно бандитского вида уже давно никто не называл. И радости подобное обращение у них почему-то не вызвало. Оскалились. Хищно.

— Смотри-ка, наглый, — презрительно сплюнул один. — Ты, конечно, боец неплохой, кулаками знатно машешь. Но только уделали тебя, малый. Силенки-то не рассчитал, кончились. Да и мы не кулаками с тобой разговаривать будем, — ножи, блеснувшие в их руках, были вполне достойны мясников. Или охотников. На кабана с такими, должно быть, неплохо. — Сразу деньги отдашь, или мы тебя сначала чуток подрежем, да девку твою пощупаем?

— Да знаете, мальчики, вроде и денег не жаль, а не могу отказаться от хорошей драки, — улыбнувшись тепло, словно близким друзьям, сообщил этой тройце Лис. — Только предупреждаю сразу: кто подойдет к моей подружке ближе, чем на два метра — убью. Без всяких шуток.

— Да кто ж с тобой, мразь, шутить-то будет? Ты сам уже, считай, мертв.

А дальше... Дальше они дрались, и это было реально страшно. Их трое, с ножами, а он один, безоружный, только что избитый, выдохшийся... Вот только не выглядел он больше ни избитым, ни выдохшимся. Вновь полный сил, ловкий, верткий, стремительный. У одного уже нож выбил, у другого, третий просто на землю полетел и не встал больше... Но первые двое останавливаться и не думали, драка продолжалась. И один из них снова поднял свой нож. Выпад — пропоротая рубаха. Крови нет. Надеюсь. Но это пока нет.

Подножка. Удержался. Сумел отпрыгнуть, отбить. Ударил сам. Рукой, ногой. Да, правил здесь не было, зато ярость, ненависть, жажда крови просто зашкаливали. Да и мастерство этих бойцов подворотни было куда выше, чем у тех бугаев, что выходили на круг честно померяться силушкой. Лис пока побеждал. Вернее — оставался не порезанным, не избитым,

не убитым. Но, казалось, еще чуть-чуть — и его достанут. Он едва ушел от удара... едва... едва...

Увлечшись смертельно опасным поединком, я не заметила, когда пришел в себя третий. А когда его нож внезапно прижался к моему горлу, предпринимать что-либо стало уже слишком поздно.

— А ну, затихни, и никто не пострадает! — резко приказал бандит Лису.

— Не смей! — рявкнул в ответ Лис, и столько злости было в его всегда насмешливом голосе, что стало жутко. Куда сильнее, чем от ножа у горла. И в тот же миг оба соперника Лиса кубарем отлетели от него в разные стороны, а прямо из воздуха в руках моего мужчины материализовалось огромное прозрачное копье, конец которого вошел в сердце того, кто посмел угрожать моей жизни, еще прежде, чем я успела испуганно вскрикнуть.

Бандит захрипел, страшно выпучив глаза. Затем копье растворилось в воздухе, и он медленно завалился вперед и съехал лицом вниз по ступеням крыльца, оставляя кровавый след. Замерев, я в каком-то оцепенении смотрела, как два оставшихся бандита поднимаются на ноги и с перекошенными от ужаса лицами пытаются бежать. Но натыкаются на что-то острое, мгновенно материализовавшееся из воздуха и вошедшее им прямо в сердце. Их тела тоже падают... как-то слишком громко в оглушающей тишине. А я все стою и смотрю.

Лис... Нет, уже не он. Стоящее посреди пустого переулка существо кажется и выше, и шире в плечах. И волосы уже не черные, а рыжие... нет, откровенно красные... или фиолетовые?.. Или... А в глазах — тьма. На абсолютно гладком, лишенном любых эмоций и примет времени лице в пустых провалах глазниц клокочет тьма, и я, кажется, кричу, потому что этот монстр идет прямо ко мне.

— Тише, Роззи, тише, — и только голос знакомый. Его голос. — Не смотри. Закрывай глазки, ну же. Давай, моя славная, — он подходит вплотную, обнимает, прижимая мое лицо к своей груди. — Вот так, — он тихонько гладит меня по голове. — Моя прекрасная белая роза. Моя храбрая маленькая девочка, которая обещала быть мне верной женой.

— Т-ты... — с трудом удается произнести.

— Я, моя Роззи. Всегда только я. Не надо бояться. Внешность обманчива, я уже говорил. А истинный облик можно увидеть только с закрытыми глазами.

— Тьма... — все еще в ужасе шепчу я. — У тебя в глазах — тьма. И копьё... из воздуха... просто... взяло и возникло...

— А мой голос — он разве тебя пугает? Мои руки, что гладят тебя, — они разве страшные?

Качаю головой. Или судорожно трясусь.

— Ты закрыла глазки? Обнимай меня за шею — нам надо отсюда уходить, — он поднимает меня на руки и куда-то несет быстрым шагом. А меня хватает лишь на то, чтоб малодушно прижиматься к нему и отчаянно зажмуривать глаза, словно этим можно отгородиться от того ужаса, что мне довелось увидеть.

Как оказалось, слушать его рассказы — о смене облика, о его нематериальной природе, о нестабильности выбранного образа — это одно, а увидеть наяву всю эту жуткую мистику, все это колдовство за гранью реальности — это совсем, совсем другое. Я, наверное, не понимала до конца раньше, с кем связала меня жизнь, не осознавала. Теперь же...

Скрип открываемой двери, ступеньки вниз, зябкая прохлада каменного подвала, затхлый запах сырости и плесени, какие-то мешки, на которые меня сажают.

— Придется здесь, моя роза. Ходить в таком виде по городу мне не стоит.

— П-придется здесь что? — меня все еще колотит. Я отцепляюсь от него и судорожно вцепляюсь в мешки, на которых сижу. Осторожно приоткрываю глаза. Темно. Действительно, какой-то подвал, и узенькая полоска света, врывающаяся из маленького зарешеченного окошка под самым потолком, делает царящий здесь мрак чуть менее непроглядным — не более. Я вижу силуэты, контуры. И темное пятно, нависшее надо мной, — его.

— Успокаивать мою несчастную, насмерть перепуганную девочку, — он опускается передо мной на корточки, гладит мою судорожно сжатую ладонь. При этом его макушка оказывается гораздо ниже меня. И мне хватает света, чтобы видеть — она не черная, совсем. Яркие-красные волосы, по которым словно пробегают фиолетовые искры. Как же жутко! Да еще — в темном подвале, наедине. Хорошо хоть лица не вижу — он словно специально склонил голову, чтоб я любовалась только макушкой. — Разве я когда обижал тебя, розочка моя белая? Разве мучил? Разве причинял тебе боль?

Но даже его голос — такой привычный, такой знакомый, такой завораживающий: низкий, вибрирующий где-то внизу живота — не мог успокоить меня сейчас.

— Н-нет. П-пока. Н-но ты грозился.

— Когда, Роуз? — он изумился совершенно искренне.

— Вчера. На конюшне. Когда связал и обещал избить хлыстом.

— Но я же просто играл, Роззи, что ты? Мы вроде уже выяснили этот момент.

— А ты всегда... всегда играешь. И с ними тоже играл, а потом... в один момент... вдруг играть перестал, и все! А со мной... что мешает тебе однажды перестать играть со мной? Я что-то скажу, что-то сделаю... а ты вдруг разозлишься — и все... Копье... из воздуха... тьма в глазах и кровь... на ступенях. И тело падает... так медленно и жутко. И тишина...

— Разве я настолько сильно похож на безумца, Роуз? — спросил он печально. — Совершаю так много нелогичных и бессмысленных поступков? Мне казалось, нет. Этот идиот угрожал твоей жизни, а ведь я предупреждал, что это недопустимо. Заметь: заранее предупреждал. И сделал ровно то, что и обещал. Никакого «вдруг», никакого «внезапно».

— Тогда, — вздыхая судорожно, — предупреди и меня. Что будет стоить мне жизни? За что ты убьешь меня, внезапно прекратив свои игры?

— Нет такой вещи, Роззи. Играю ли я, или я серьезен — я всегда буду беречь тебя, всегда буду любить, — он чуть потянулся, чтоб коснуться губами моих коленей — прямо через грубую ткань. Затем потерся щекой и вовсе опустил на них голову, обхватывая меня руками за поясницу. — Ты — мое самое главное сокровище. Моя жизнь. Обряд связал нас навеки. Лишь благодаря тебе я живу. Лишь благодаря тебе я живой. И я жив, лишь пока жива ты, моя Роуз. Я жив лишь тобой...

— Но, когда меня не станет... ты разве умрешь — совсем? Ты же говорил, что ты дух, и ты существуешь... — я чуть дернулась под его тяжестью. Хотелось оттолкнуть, но... Он казался таким беспомощным с головой на моих коленях, таким не страшным...

— И я существую, — подхватил он мои слова. — Как бесплотная тень, как безликий туман. Питаюсь огрызками чужих страстей, что доносит ветер, да обрывками чужих видений. Это не жизнь, Роззи, это холодное прозябание.

— Ну и что же тебе мешает найти себе другую Роуз — новую, очередную? Разве мало отцов, готовых продать свою дочь незнакомцу в обмен на карточные долги? А по городским подворотням порыскать — так отдадут и за бутылку.

— Отдадут, — спокойно кивает он, — да некому будет взять. Договор, моя Роззи, — пояснил в ответ на мое недоумение. — Мой народ заключил некогда с Деусом договор. И, согласно ему, я могу связать свою жизнь с человеческой девой лишь раз в сто лет. Да и то, далеко не с каждой. Иногда проходят твои сто лет — и ты отправляешься в мир, и ищешь. А подходящей невесты нет... Я восемь лет ждал, когда ты вырастешь, Роуз.

— Ждал? Меня? Но... А если б отец отдал меня другому?

— Не герцогу Александру? — чуть усмехается мое личное чудовище. — Да какая мне разница, кто числится твоим мужем на этой земле? Он проспал бы свою свадьбу, я — нет... Хотя — с герцогом, конечно, идеально получилось, там такая кровь! И по папе и по маме! Даже у королевских деток она похуже...

— При чем здесь его кровь? — тут же пугаюсь я. В памяти вновь встает мертвое тело, беззвучно падающее на ступеньки, и кровь, что толчками вытекает наружу из раны. — Зачем тебе его кровь?

— Мне — незачем, Роззи, что ты? — он даже голову поднимает и рискует взглянуть на меня сквозь спутанные пряди непомерно отросшей челки. — Мне не нужна ни кровь, ни смерть, я питаюсь нематериальным: эмоции, фантазии, мечты, всепоглощающие страсти... Те три идиота в переулке были просто идеальным кормом: столько ненависти, столько жажды убить, растоптать, унижить! Еще б минут двадцать их подоить... Нет, надо было полезть с ножом к моей девочке! Бездарная смерть, от которой одни убытки! Их не доел,

тебя напугал, облик развеял... — он садится на пол подле меня, чуть отвернувшись и обхватив руками колени. Лицо все же прячет. Явно прячет.

— Ну и что же ты так... неаккуратно? — интересуюсь осторожно. Его рассуждения заставляют меня нервно вздрагивать. — Если ты прямо из воздуха... можно ж было сделать не копьё, а щит. И не убивать, а оттолкнуть...

— Разозлился, — покаянно признается создание с сиреневыми искрами в волосах. — Не совладал... Столько злости, ярости, ненависти... Я привык их просто тянуть, а тут — испытал сам... Или, может быть, испугался. Я так хорошо все продумал, а тут... Из-за какого-то жалкого человечка — и все потерять!.. — он в некоторой растерянности качает головой, словно и сам до конца не понимает — как же это он так?

— Меня, конечно же, радует, что ты защищал не меня, а исключительно свои планы...

— Роззи!

— А что? Зато честно. Ведь мог бы красиво соврать, что за восемь лет ожидания ты безумно в меня влюбился, но... планы, — чуть усмехаюсь и обхватываю себя руками. Зябко. — Так может, ты столь же честно расскажешь, что именно это за планы? Раз уж я в них... Куда мы едем, и едем ли мы еще куда? Где мы будем жить и будет ли у нас вообще свой дом — или ты так и будешь развлекаться: то конюхом, то плотником? Я как бы твое сокровище, и связана с тобой неким обрядом — но этим самым обрядом ты связал меня с герцогом, разве нет? Ты сказал, что ты — дух, не имеющий материальной формы, но вот человеческий облик ты утратил, а материальную форму — вовсе нет...

— Тише, Роззи, тише. Ты решила вывалить на меня все вопросы разом? Так я забуду первые прежде, чем дослушаю до последних, — знакомо смеется он. Пришел, видимо, в себя, после неожиданно испытанных сильных чувств. Вернулся к привычным несильным. — Едем мы в Аденские горы, — начинает спокойно объяснять, обернувшись ко мне. — Там, в одной из закрытых долин, живет мой народ. Там будем жить и мы. Едем не спеша, останавливаясь во всех встречных городках: я наслаждаюсь человеческой жизнью, ты прощаешься с ней.

Сглатываю, мгновенно бледнея:

— П-прощаюсь? Это как? Почему?

— Потому что мы не люди и живем в своей долине совсем иначе, — он лишь улыбается на мои страхи. — И ты постепенно станешь... Получишь способности, о которых и не мечтала, возможности, которые людям и не снились, свободу, человеческой деве попросту недоступную... Обряд соединил нас, и теперь мы словно сообщающиеся сосуды: ты получаешь мои возможности, я твои, и чем дальше — тем сильнее взаимопроникновение. И именно потому, что это взаимопроникновение уже началось, полностью потерять материальную форму я уже не могу. Я вновь становлюсь собой — тем, кем был до проклятия Богини.

— Какой еще богини?

— Старой. Мы потом ее свергли, примкнув к Деусу. Но бог оказался не так силен, как хотел казаться, и проклятия снять не смог, хотя обещал расплатиться именно этим. Обманул. Ну, значит, и сам будет однажды обманут... Не важно, Роззи. Пока ты жива, я вновь буду самим собой. Ну а мой человеческий облик — это пока, чтоб тебе привыкнуть, — резко оборвал он откровения. — И его надо восстановить, пока к нам не сбежались все святые отцы округи. Они мне без надобности, и пусть это будет взаимно. Ты ведь поможешь мне, Роззи?

— Как?

— Просто, милая, очень просто, — он поднялся с пола, потянувшись ко мне. — И даже приятно, — его рука легла мне на затылок, а губы оказались совсем близко. — Вот так.

Я нервно сглотнула. Я все понимала — и чего он хочет, и что он непременно это получит. И даже то, что с ним я уже целовалась — и мне это нравилось. Но... тогда он был человеком... он выглядел человеком... он казался... А сейчас...

Его лицо было так близко, что даже полумрак не спасал. Я видела тьму, клубящуюся в его глазницах. Да я только тьму там и видела! И отшатнулась, попытавшись вырваться из его рук, уклониться от его губ. Не пустил.

— Прости, Роззи, — шепнули мне губы, казавшиеся в сумраке кроваво-красными. И сомкнулись с моими — жестко, требовательно, сминая сопротивление и буквально выпивая дыхание.

Голова закружилась, но не от удовольствия от его сказочных колдовских ласк. От нехватки воздуха, от накотившей внезапно слабости, от ужаса. Если бы я не сидела, жестко зафиксированная в его объятиях, я бы, наверно, упала, а так — просто обвисла в его руках.

— Нет, так никуда не годится, Роззи, ну что ты? — он оторвался от моих губ, взглянул изучающе в мое безжизненное лицо. — Давно ты стала падать в обморок от моих поцелуев? Это же я, Роззи. Всегда — только я.

— Да... я понимаю... просто... Я не могу! Мне страшно! Я не могу сейчас! Мне нехорошо... — одна мысль о том, что, возможно, поцелуями он ограничиваться не собирается, вызывала едва ли не дурноту. Не сейчас. Я не настолько сильная. Мне надо хоть как-то привыкнуть... Не колдун, нет. И не безвредный бесплотный дух. Настоящий демон, пожирающий человеческие страсти! И сейчас собирающийся подзакусить мной!

— Что ж, — вздыхает мой демон. Не печально, нет. Коварно! С предвкушением! — Я вижу, первый урок не усвоен. Придется нам повторить, — он взмахивает рукой, и в ней оказывается плотная черная лента. — Не люблю повторяться, но ты просто не оставляешь мне выбора.

— Ох, нет...

— Да, Роззи. Ты знаешь, что да, — и лента оказывается у меня на глазах, на мои слабые попытки сопротивляться он просто не обращает внимания. — Ты моя. И ты будешь послушной девочкой. Очень послушной, — рывок, и я падаю на мешки животом, а он заводит руки мне за спину, и в одно мгновение сковывает наручниками. Этот характерный щелчок — едва ли я скоро смогу забыть. — Ну вот, уже значительно лучше, — удовлетворенно замечает этот гад, видимо, вдоволь налюбовавшись на свою работу. — Оковы освобождают, Роззи. От ненужных метаний, сомнений, страхов. От необходимости реагировать «правильно». Вставай, моя радость. Вот так, — он тянет меня на себя, заставляя подняться на ноги и сделать несколько шагов назад. — А теперь наклонись вперед. Сильнее, — и он тянет вверх мои скованные за спиной руки. Я вскрикиваю — это больно, плечи еще от его прошлых забав не отошли — но вынуждена подчиниться. Я склоняюсь все ниже, стремясь уменьшить боль в задираемых вверх руках, пока мое тело не оказывается параллельным полу.

— Я так упаду! — панически восклицаю, ощущая свою полную уязвимость и беспомощность.

— Куда, Роззи? Я уже закрепил веревку за крюк в потолке.

— К-какую веревку?

— Ты, что привязана к наручникам. Ты никуда не упадешь и никуда от меня не денешься. Ты моя. И здесь и сейчас ты отдашь мне то, в чем я остро нуждаюсь.

— Страх и боль?

— Так уж и боль, — смеется чудовище. — Так, небольшой дискомфорт. Страсть его смочет. А страх... Да, я обожаю твой страх. Тем более, что он тебя возбуждает. Особенно в состоянии безысходности, — его руки легли мне на бедра, заставляя сделать еще один маленький шагок назад и ощутить ягодицами его весьма материальную плоть, — когда ты понимаешь, что все будет, Роззи. И тебе никуда не сбежать...

— Ты маньяк!

— Я тоже хочу чувствовать, Роззи. Осязать, обонять, ощущать, — его руки скользнули по моему животу вверх к груди, сжали ее сквозь одежду, заставив меня резко вздохнуть. — И это единственный способ. И согласись — довольно приятный способ.

Он добрался до ворота рубахи и резко дернул, разрывая. Чтобы дальше скользить ладонями уже по обнаженной коже, мучить обнажившуюся грудь, то сжимая, то ласково поглаживая соски. И заставляя меня дышать все чаще, и все реже сдерживать стоны. Тьма, беспомощность, его низкий вибрирующий голос, его уверенные, властные ласки — все это сводило меня с ума, тело отзывалось, тело помнило, оно реагировало на звуки и прикосновения. И разум уже не удерживал картинку монстра, он сдавался, он видел мысленным взором Лиса, герцога, или просто тьму — бархатную, манящую тьму, ласкающую меня тонкой замшей перчаток. Разум уплывал, поглощенный ощущениями — слишком сильными, слишком будоражащими...

А уж когда его рука, задрав мне на спину юбки, пробралась между ног — сминая, кружа, надавливая — во мне не осталось ни страхов, ни сомнений, я даже дискомфорта от своей позы более не испытывала. Низ живота сводило от желания, я ждала его, я хотела...

И я получила. Он ворвался резко, глубоко, сразу заполняя меня без остатка, заставляя резко вскрикнуть — и самой не разобрать, от удовольствия или боли. И жаждать еще, еще, еще. Каждого нового его толчка, каждого нового мига ощущения этой бесконечной наполненности, этого скольжения, этого полета... Тьма перед моим взором переливалась ярчайшими искрами, искры жгли мне глаза, жги изнутри мое тело, заставляя желать, стремиться, жаждать... И взорваться самой миллионами искр, распасться на крохотные частицы и долго безвольно парить в воздухе, оседая на бrenную землю.

* * *

Очнулась я, почему то, уже в гостинице, причем совсем не в той, откуда уходила утром. Я лежала на кровати поверх покрывала, полностью одетая, хотя края разорванной рубахи разошлись в стороны, открывая грудь, а на жилетке не хватает пары пуговиц. Комната светла и просторна, окно распахнуто, в него мне виден кусочек леса. Только кусочек, поскольку у окна замер мужчина в щегольском темно-зеленом кафтане с золотым позументом на обшлагах и вороте. Он смотрел в окно, поэтому лица его я видеть не могла, лишь роскошные ярко-рыжие волосы, собранные в благородный аристократический хвост, украшенный бантом из широкой ленты. Мужчина был высок и широкоплеч, куда крупнее того, кого я привыкла именовать Лисом. Интересно, рыжие волосы — это те, которые больше не красные?

— Где мы? — произнесла негромко, приподнимаясь на кровати. Мужчина обернулся. Аристократическая бледность кожи, хищный нос с горбинкой, тонкие, словно едва прочерченные на лице, губы и изумрудная зелень глаз в окружении густых рыжих ресниц. Не красавец, но вот глаза... «Глаз не было, — тут же услужливо подсказала мне память. — Там... у него... тогда... глаз не было. Только тьма». Значит, создал. Что ж, красиво вышло.

— Постоялый двор в паре часов езды от города, — любезно просветил меня рыжеволосый до боли знакомым низким голосом. — Решил не возвращаться, раз уж все так вышло. Ни к прежнему облику, ни к прежним забавам. Да и милый городок как-то слишком резко опостылел... — он вздохнул, демонстрируя досаду, и неожиданно огорошил: — Мы едем на бал.

— Как? — я ушам своим не поверила. — Куда?

— На ежегодный Летний бал, который дает барон Даренгтон в своем имении в Холеншире в честь очередного дня рождения своей любимой дочурки, — любезно просветил меня этот... аристократ до мозга костей, судя по тому полному изящества жесту, которым он захватил, приближаясь ко мне, стул и поставил напротив кровати. Затем его рыжая светлость изволила не менее элегантно на этот стул опуститься и сложить на коленях руки в лайковый перчатках нежно бежевого цвета. В косых лучах заходящего солнца блеснули дорогие «фамильные» перстни.

Я попыталась сесть, почувствовав себя совершенно неловко, лежа в разорванной одежде перед этим щеголем. Но рука, на которую я пыталась опираться, задрожала и подломилась.

Он переместился почти мгновенно, еще прежде, чем я беспомощно опрокинулась на подушки. Пересел на кровать, подхватил меня за спину, не давая упасть.

— Тише, Роззи. Все хорошо, ты просто очень сильно устала. Я много взял, — его рука переместилась мне на грудь, бессовестно охватывая обнаженную плоть и слегка сжимая. — Но, если честно, я хотел бы взять больше, много больше, — его унизанные перстнями пальцы в дорогих, расшитых шелком перчатках, переместились к другой груди, бесстыже высвобождая ее из обрывков одежды. Чуть сжали, приподнимая, огладили, заинтересовались соском...

— Не надо, — я попыталась отстраниться. Хотя дыхание участилось, щеки запылали жгучим румянцем. Этот щеголь... это был все он же, я понимала... но он не был Лисом. Он был кем-то еще, незнакомцем...

— Что не так, моя Роззи? Почувствовала себя селяночкой в объятьях заезжего столичного ловеласа? — он не отпустил, но уложил меня обратно на подушки, нависая сверху. — Это интересные ощущения, и твой стыд... мы, пожалуй, его усилим, — оглянувшись назад, он резким движением задрал подол моей юбки, обнажая не только ноги, но и то место, которое было бы прикрыто трусами... если б они на мне еще оставались. — Так лучше, верно? — он отстранился, любуясь зрелищем. Перехватил мою руку, пытавшуюся прикрыться. — Я голоден, Роззи. Так голоден... Ты слишком быстро и надолго отключилась, я все потратил на новый облик, а хочется еще для души... Просто полежи так, я не буду трогать. Буду смотреть, — он вновь пересел на стул. — И представлять, как коварно мое сиятельство тебя соблазнило, грубо растоптало твою девичью честь и непременно бросит...

— Прекрати, — я нащупала край покрывала и завернулась в него. Стыд схлынул, как и возбуждение, осталась только усталость. Я чувствовала себя опустошенной, ничего не хотелось. Просто завернуться в покрывало и лежать. — Ты либо убиваешь, либо забавляешься... — я поморщилась, пытаюсь вспомнить, что он мне говорил до того, как

перешел к телесным забавам. Что-то любопытное... Бал! — Как мы попадем на этот бал? Нас разве пригласили?

— Еще нет, моя Роуз. Но уже за ужином непременно пригласят, — его рыжая светлость откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу, никак не реагируя на мое самоуправство. Видно почувствовал, что брать все равно больше нечего. — Пока ты отдыхала, я случайно столкнулся в общем зале с маркизом Робеллом, любимым дядюшкой хозяина бала. Встретив в этой глуши человека своего круга, тот был приятно удивлен, мы распили с ним на пару бутылочку вина, сыграли пару партий...

— Эти перстни, надеюсь, не с его пальцев?

— Ну что ты, Роззи, я не столь мелочен, — мягко улыбнулся мой собеседник. — Меня интересует его расположение и приглашение на бал для меня и моей супруги. А перстни я могу сделать и сам.

До ужина мне удалось еще немного подремать. А после из недр заветного сундука было извлечено платье, «достойное странствующей герцогини», а из недр местной гостиницы — горничная, способная меня с этим платьем достойно совместить, собрать мои волосы в подобающую случаю прическу и нанести на мое лицо положенную по статусу косметику. Накраситься я сумела бы и сама — в другой ситуации, не чувствуя столь явный упадок сил и не борясь с дрожью в руках. А так — приходилось просто поверить, что под строгим надзором рыжей светлости у Лиззи (как звали девушку) все вышло правильно.

Затем горничную выпроводили, а мне преподнесли роскошный гарнитур из изумрудов «чтоб было чем украсить декольте».

— Какая прелесть! — не смогла удержаться я от восторга. Все же я — весьма традиционно воспитанная девушка, и ценю изумруды гораздо выше шумяще-гремящих подвесок, купленных за пару медяков на рыночной площади. — Признайся честно, ты подбирал их под цвет своих новых глаз? Ах, нет, конечно: это цвет своих глаз ты подбирал под это колье! — промолчать о его новой внешности просто не получилось.

— Завидуешь моим возможностям? — он улыбнулся, ничуть не задетый. — Просто чуть-чуть потерпи: и у тебя со временем будут.

— Я смогу менять цвет своих глаз? Или выбирать из бесконечного количества драгоценностей?

— Ты сможешь их создавать, моя Роззи — глаза, драгоценности... Воплощать в реальность любую мечту. Идем, — поторопил мой сиятельный спутник. — Нас не то, чтобы ждут, но зачем опаздывать?

— Конечно, — я послушно поднялась, опираясь на предложенную им руку. Но тут же нахмурилась. — Еще один момент, ваше сиятельное сиятельство. Вы забыли сообщить мне, с кем, собственно, имею честь? И с кем будет иметь честь ужинать драгоценный маркиз Робелл, осыпающий всех встречный приглашениями в дом племянника?

— Я рад, что тебе уже лучше, Роуз, — рассмеялось в ответ его рыжее сиятельство. — И рад, что сам не ошибся: наряды и драгоценности способны подарить женщине целый водопад живительных эмоций. А уж предвкушение бала...

— Ну и что ты смеешься? — почти обиделась на него. — Я, между прочим, еще ни разу не выезжала, а с таким недомужем у меня и надежд на подобное не осталось. А ведь меня к этому с детства готовили, я росла в предвкушении первого бала, а ты мне... деревянный браслетик. И уличные бои...

— Виноват, принцесса, — он покаянно склонил свою рыжую голову. Почти искренне.

Почти раскаиваясь. — И даже готов искупить. Да, кстати, позвольте представиться: граф Герхард Эммануил фон Шрок, подданный его величества Эрика Альмарского. Давно и беззаветно влюблен в прекрасную Иглезию: в трактаты ее философов и поэзию ее трубадуров, в ее открытые всем ветрам вересковые пустоши и покрытые огромными замшелыми камнями суровые горы. В города, где вечно кипит жизнь и...

— В общих чертах поняла, спасибо, — не выдержала этого наплыва велеречивости.

— Вот злая ты, а я только начал, — вздохнул новоиспеченный граф Герхард. — Надеюсь, маркиза Робелл будет более благосклонна к моим хвалебным одам.

— Там есть еще и маркиза?

— О, да, конечно. Лично, правда, еще не видел, но с нетерпением предвкушаю. Кстати, можешь смело называться своим девичьим именем: слухи о твоём скоропалительном венчании едва ли успели широко разойтись. А если даже и разошлись — мы легко их опровергнем: венчалась, да, но не с герцогом (ну, о чем вы вообще?!), а с достойным альмарским графом.

Слухи не разошлись. По крайней мере, семья маркиза о моем замужестве ничего еще не слышала. А вот отца моего маркиз знал (ну да, перекинулись, небось, парой партий), причем знал как весьма достойного человека (то есть папенька ему еще и проиграл от души), и был просто счастлив продолжить знакомство с семьей его дочери (граф Герхард тоже умеет проигрывать — что в карты, что в кости, что на ринге — это я уже поняла).

Ужин прошел весьма мирно, ничем особенным не запомнился. Граф Герхард (он же конюх Лис, он же герцог Александр) вдохновенно вещал то о покорившей его сердце Иглезии и щедрых, гостеприимных иглезийцах, открывающих свои сердца усталому страннику, то про родную, милую до последнего камушка мостовых Альмарию, в которую, однако, он не спешит возвращаться, поскольку едет с супругой в доставшийся ей в приданое замок Альк... Да, про замок он вещал особенно долго и вдохновенно. И это, вместе с разрешением мне назваться подлинным именем, наводило на определенные мысли. Уж не свидание ли он там герцогу Александру назначает? В надежде, что точно передадут?

Однако, выяснить это здесь и сейчас возможности не было. Маркиза спрашивала то о родителях, то об общих знакомых, которых она с легкостью вычислила десяток. Приходилось отвечать, кивать, интересоваться самой... С одной стороны, это несколько напрягало, мне все казалось, что меня пытаются уличить во лжи. Но с другой — это был достойный и привычный вечер для дамы моего круга, и после простонародных забав и попытки примерить на себя жизнь «жены конюха», общество маркиза и маркизы весьма тешило мое самолюбие.

И потому к концу вечера, когда мы получили, разумеется, то приглашение на бал, на которое так рассчитывал Лис... эмм... граф Герхард, я чувствовала скорее душевный подъем, нежели упадок сил.

— Ты умница, — мы остались, наконец, одни, и рыжее его сиятельство нежно целовало меня в щеку. — Ты сама не представляешь, как быстро ты учишься!

— Я даже не очень представляю, чему именно я учусь.

— Восстанавливаться, Роззи. Я забрал у тебя так много эмоций, а ты мгновенно отыскала источники новых и сумела подпитаться ими. Кровь герцога, я полагаю, тоже не последнюю роль сыграла. Я ведь говорил, она диво, как хороша...

— Кровь герцога? — недоуменно хмурюсь в ответ. — Александра? Да причем здесь?.. Мы ведь даже не встречались...

— Вам и не надо встречаться, он твой муж, этого достаточно, — небрежно отмахнулся альмарский граф. — Или он полагал, что он будет числиться мужем моей женщины, и ему за это ничего не будет? Наивный юноша...

— Он, вроде, давно не юноша... Стоп, погоди. Что именно ему будет?

— Вечная головная боль, что же еще? Ввиду полной потери жены. Кстати, завтра поедем верхом, ты не против? Ты ведь еще не забыла, что у тебя есть свой собственный конь?

Если сиятельный граф хотел, чтобы я и думать забыла о всяких герцогах, у него получилось идеально: остаток вечера я думала только о моем вороном скакуне. Ну, еще немного о том, что у меня нет амазонки... А после уснула.

Одна, разумеется. Тот, кто не единожды наслаждался моей близостью, очередной раз отказался делить со мной не только ложе, но и гостиничный номер. Ушел. Ну и... что ж. В конце концов, я спала одна всю свою жизнь, так отчего бы и не продолжить?

Герцогу Александру нездоровилось. Непонятная слабость накатила с самого утра, вернее — он уже проснулся слабым и разбитым. Выжатым до последней капли. Вот только чем? Весь предыдущий день он провел в четырех стенах. В пыточную разве что спускался. Ну, так пройти со второго этажа до подzemелья — путь недалгий, усилий не требует. Его маленькая сельская прелестница... Да тоже не настолько хороша, чтоб подвигнуть его на подвиги и выжать до капли. Так, небольшая разрядка для тела, не более.

Но тогда что?

От своей ежедневной утренней тренировки отказываться герцог не стал, однако довел ее до конца с огромным трудом. Привычные упражнения не разогнали неведомую хворь, а напротив, вымотали его еще больше. Хотя казалось — куда уж?

Завтрак показался безвкусным, дело о пропавшей супруге (его супруге) и брачной звездочке на ладони (на его собственной ладони) мыслилось совершенно заурядным и безынтересным. Он лениво полистал книги, имевшиеся в его временных покоях, не заинтересовался. Затем столь же лениво и скорей машинально пролистал материалы по делу. Тоже тоска.

В королевский архив он своих подручных отправил, однако, разумеется, они еще не вернулись. Чтоб перетрясти все записи и отыскать нужные сведения потребуется не один день. Да и вычленят они всех членов проклятого рода, и что? Да, они смогут определить всех потенциальных невест (если он прав, конечно, и все пропавшие были только из этого рода). Установить за ними наблюдение. Запретить им браки без особого высочайшего разрешения. Возможно, со временем поймать очередного ложного жениха. Лет через пять. Или пятнадцать, как повезет. Но чем это поможет лично ему? И прямо сейчас?

Что-то еще он хотел... Ах, да, архив Храма. Архив Храма и замок Альк. Места, куда придется отправиться самому. Места, куда нужно отправиться самому, даже если б была возможность послать подручных. Двадцать процентов информации, как известно, неизбежно теряется при пересказе, а ведь это могут быть самые важные двадцать процентов.

Ехать не хотелось. Да что там, ехать просто не было сил. Зато была сила воли. Поэтому он призвал своих подчиненных, назначил одного из них «герцогом» на время своего отсутствия, сменил привычную одежду на неброский мундир лейтенанта и, завернувшись в плащ и надвинув на глаза шляпу, покинул гостеприимный замок в компании двух лучших своих бойцов. Остальные должны будут присоединиться к нему позже.

Архив Храма располагался, конечно же, в столице. В старой столице, Глезе, что была оставлена несколько веков назад, когда пересохли реки, питавшие водой плодородную долину, в центре которой она располагалась. Главный Храм, как, собственно, и королевский дворец возвели на новом месте, в центре нового города, назначенного столицей. А вот храмовый архив трогать не стали. Хранилище, созданное при участии самого Деуса, было, несомненно, надежней любого, которое могли бы построить люди. Да и при транспортировке иные реликвии могли погибнуть, а иные тайны попасть на глаза недостойных.

В заветную долину герцог добрался сильно после полудня. День был не только солнечный, но и жаркий. Нательная рубашка насквозь промокла от пота, дорога нещадно пылила. Пыль оседала на лице, першила в горле. Не замедляя движения, Александр снял с

пояса флягу и поднес к губам. Позволил себе небольшой глоток, сполоснул рот, изгоняя ощущение сухости и скип пыли на зубах. На глаз прикинул, что до храмовой твердыни осталось не более получаса резвым галопом.

И кулем повалился на дорогу, роняя так и не закрытую флягу и проливая последние остатки воды. Тьма накрыла герцога мгновенно. Боли от удара о землю он уже не ощутил.

* * *

Грудь жгло. Терпимо, но неприятно. Александр поморщился, повел рукой, стремясь стряхнуть с груди неведомую гадость. Однако чьи-то пальцы — куда более сильные и уверенные, чем у все еще ощущавшего слабость герцога — перехватили его запястье почти мгновенно.

— Не стоит, брат мой. Надо стерпеть, — раздался спокойный, но непреклонный голос.

И герцог заставил себя открыть глаза — просто, чтобы взглянуть, кто вздумал набиваться ему в брата. Брат у него был один — король, да и тот двоюродный. Прочих же надлежало ставить на место сразу.

Гладкие серые стены небольшой комнатенки, одно узкое стрельчатое окно, дающее не слишком много света и немолодой уже монах из братства Единого, устроившийся на табурете напротив его ложа. Что ж, не так и плохо. До храма, выходит, он все же добрался.

— Я благодарен, что вы приютили и оказали посильную помощь. Однако боюсь, этого слишком мало, чтоб я стал членом вашего братства.

— Не все выбирают узкий путь, — невозмутимо кивает монах. — Но все мы во власти Деуса.

— Что это за гадость у меня на груди? — теософские беседы герцога интересовали мало. — Она жжется.

— Гадость не на груди, путник, гадость у тебя в груди. Лярга, — охотно пояснил монах, встретив недоуменный взгляд. — Присосалась и пьет твои жизненные силы. Но ты не бойся, ты пришел в правильное место. Сила Деуса способна сокрушить эту дьявольскую сущность. Амулет защитит тебя от алчности твари, а обряд очищения полностью разрушит привязку.

— Что ж, похоже, я действительно пришел в правильное место, — герцог осторожно сел, придерживая рукой круг светлого металла диаметром чуть меньше его ладони, что вызвал у него изначально столь резкую неприязнь. Тут же заметил, что амулет крепится на цепочке, уже надетой ему на шею, а значит, не убежит. Руку убрал. — Так что это за тварь такая — лярга? Почему я прежде о ней не слышал? И с чего ты решил, что мои проблемы именно в ней? Жаркий день, дальняя дорога, слабое здоровье — есть и попроще причины для банального обморока.

Признавать, что свалился в «банальный обморок» было герцогу до крайности неприятно. Тем более, что слабым здоровьем он не отличался никогда. Но мистическая «лярга», выпившая его жизненные силы... Переложить на нее вину за собственную слабость было слишком заманчиво, чтоб он позволил себе поверить. Без доказательств он на веру вообще ничего не принимал, жизнь научила.

— Лярга... — неспешно протянул монах, словно решая, а стоит ли делиться подробностями. — Темная она сущность, путник, демонская. И вроде изгнаны они стараниями Пресветлого Деуса за вечную грань, но вот проникают все же. Помысль

нечистые дорогу им открывают, желания греховные...

— Интересно... — скептически протянул Александр. Проповеди он и в храме не слишком внимательно слушал. А тут, похоже, на краткий пересказ нарвался. — И какие ж мои желания... греховные этой «сущности» дорогу открыли?

— Так то тебе лучше знать, путник, какие мысли тебя по ночам покоя лишают, да сладостным искушением изводят. Тут уж кто смерть врага в деталях продумывает, кто желанной женщиной мысленно обладает. Лярге-то все равно, что пить, лишь бы наливали полнее. А уж она тебе для того ни красок не пожалеет, ни образов чувственных. Как наяву видеть будешь, да ночь от ночи все ярче...

— Да что-то не вижу пока, — оборвал герцог вдохновенные речи. Проблемы братии его уж точно не мучали. Это они сначала от женщин отказываются, потому как поставил Деус сих существ презренных, от века Черной богиней испорченных, значительно ниже мужчин. А после грезят ими ночи напролет, стирая ладошки до мозолей. А виноваты в мечтах их грешных какие-то «лярги», значит. Ну конечно, не сами ж. — Сплю крепко, без сновидений. Проблем с убийством врагов не имею. Из обладания женщиной тоже проблемы не делаю. Так что проводи меня лучше к Хранителю Архива. Разговор у меня к нему куда серьезней, чем о каких-то «ляргах».

— Хранитель не покидает Архива, путник. И лишь потомок Рыцарей Деуса может войти туда и задать...

— Ну, вот как потомок Рыцарей Деуса, я и желаю войти и задать. Проводи.

Монах взглянул на своего гостя слегка скептически, все же мундир лейтенанта для потомка Рыцарей несколько простоват. Но спорить не стал, да и доказательств не потребовал. Есть Арка портала, самим Деусом созданная, она разберется.

— Что ж, идем, — он направился к двери, и обернулся, поджидая гостя.

Тот встал на ноги, обулся, оправил одежду. Медальон, подумав, снимать не стал, просто убрал под рубаху. Вот поговорит с Хранителем, тогда и решит. С некоторых пор с ним явно какая-то мистическая гадость творится. А уж лярги тому виной или не лярги, и как от них защититься — будем разбираться, он за тем и приехал. Старательно застегнув мундир до последней пуговички, герцог направился за своим провожатым.

Из небольшого келейного корпуса, где пришел в себя герцог, монах вывел его во двор. Обычно внутренние дворики монастырей утопали в зелени, однако здесь, видно, сказался недостаток воды в долине — земля была голой, без единой, даже самой пожухлой травинки. А вместо деревьев стояли камни, огромные валуны, расколотые, либо покрытые трещинами от вершины до основания.

— Это что-либо значит? — поинтересовался Александр у монаха.

— Расколотые алтари. Напоминание о том, что враг не дремлет, и никакая победа не может быть окончательной. Незримый бой во славу Деуса мы все ведем в своем сердце каждый миг своего бытия. И если откажемся от этой битвы — еще не один алтарь покроется трещинами.

Герцог кивнул, соглашаясь. Он лучше других понимал, насколько сильно порой их бог нуждается в защите. Вот, например, сейчас, когда алтари Деуса стали лгать, выдавая подлог за истину.

Архив находился внутри скалы, охраняемый ее незыблемой мощью. Небольшой крытый портик перед входом позволял настроиться на нужный лад, омыть руки в каменной чаше в знак чистоты своих намерений. И остаться наедине со своим высоким предназначением —

только потомок Рыцарей мог находиться в портике в тот миг, когда открывался вход. Будь рядом хоть один посторонний — и даже самая чистая кровь не в силах будет провести внутрь.

Монах ожидаемо остановился у входа в портик, предоставив гостю возможность действовать самому. Герцог уверенно прошел внутрь, положил руки на знак Деуса на каменной двери, мысленно произнес на древнем наречии короткую клятву верности Истинного Рыцаря, что являлась паролем для входа. Дверь дрогнула и... не открылась.

Александр нахмурился. Оглядел портик — тот был совершенно пуст. Кинул взгляд на монаха — тот стоял в двух шагах от ступеней и демонстративно рассматривал расколотые камни. Прокрутил в уме клятву — он помнил ее прекрасно, ошибиться не мог. Пожав плечами, герцог вновь положил руки на знак Деуса и повторил процедуру. С тем же успехом. Дверь отчетливо дрогнула, словно собираясь открыться и впустить его. Но не открылась.

— И как я должен это понимать? — старательно сдерживая гнев, обратился он к монаху. Все же герцог привык, что двери перед ним открываются. Любые двери, даже те, что вроде как, не должны. Но право войти в эту дверь он имеет еще от рождения. И этим правом он пользовался неоднократно — и безусым юнцом во время торжественного посвящения, и будучи уже начальником Сыска — куда менее торжественно, но с куда большей пользой для дела. Теперь же...

— Возможно, родство господина с Рыцарями Деуса не так очевидно, как ему рассказывали об этом в детстве...

— Не возможно. Я уже бывал здесь прежде и намерен войти сюда вновь, — он чуть заметно поморщился: от резкого движения выданный монахами оберег сдвинулся и сильнее обжег кожу. Пронзенный внезапной догадкой, он резко расстегнул верхние пуговицы мундира и содрал с шеи сомнительную побрякушку. Отбросил прочь, под ноги монаха. И вновь попробовал открыть дверь. Стало хуже: теперь дверь даже не дрогнула.

— Дверь не откроется тому, кто сам открыт порождениям тьмы, — раздался новый голос от входа в портик. Герцог резко обернулся, не срывая раздражения. Однако гневные слова придержал. Подошедший был ему знаком. Настоятель монастыря встречал его лично при прошлых визитах. Встречи с ним герцог затребовал бы и теперь, если бы не стремился избежать излишней огласки. Впрочем, огласки уже не избежать. Но попытаться можно.

— Я лишь простой лейтенант, преподобный. И о порождениях тьмы мне известно не слишком много. Как раз хотел кое-что уточнить.

— Тогда, наверное, лучше пройти ко мне в кабинет, — понятиливо кивнул настоятель. — И вы напрасно избавились от амулета. Это не он не пускает вас внутрь, лейтенант, — он невозмутимо поднял и протянул герцогу отброшенный им предмет.

— Тогда что же? — амулет герцог принял и за настоятелем двинулся без возражений. Стоять у закрытой двери смысла не было.

— Лярга, — спокойно отозвался служитель храма. — Та, что выпила из вас все силы. Она суть порождение демоново, и способна не только иссушать вас, но и побуждать к угодным демону действиям и поступкам. Лярга не имеет плоти в этом мире, но все же она сущность. А значит, вас с ней — уже двое. Вы пытаетесь провести демонскую сущность в святой Архив, и удивляетесь, что вам не открывают?

— Да какая «лярга»? — не выдержал герцог. — Вы утверждаете, что она не имеет плоти, и, тем не менее, на глаз, сходу, ее у меня определили. Не слишком ли вы спешите с выводами, преподобный?

— Не стоит горячиться, — настоятель неторопливо прошел в кабинет, занял свое место и указал герцогу на стул напротив. — Извините, ваше высочество, особой роскоши предложить не могу. Мы вас... не ждали.

— Дошли слухи о моем нахождении совсем в другом месте? — понятиливо кивнул герцог. — Я был бы благодарен, если бы вы не стали их развеивать.

— Как будет угодно вашему высочеству. Так вот, возвращаясь к вашему вопросу. Разумеется, ни я, ни моя братия, не сможем определить ляргу «на глаз». Глазу она невидима. Но характер вашего недомогания, о котором мне доложили, активация амулета, помещенного вам на грудь, да и отказ Двери впустить вас — все один к одному указывает на присутствие у вас этой нечисти.

— Что ж... — герцог задумался. — Скажите, а призрак... видение давно умершей девушки... Это может быть как-то связано... с появлением у меня этой сущности? — в самом деле: все началось именно с нее — с Анабель. Стоило вспомнить — и Александру вновь почудился аромат фиалок.

— Призрак? Призраки суть неуспокоенные души. Они могут являться нам, пугать, просить... Но присосаться энергетически — нет, не слышал.

— А лярга? Я правильно понял, она не может стать видимой?

— Ну почему же, в ваших мечтах... фантазиях, которые она стимулирует — она может стать очень и очень реальной, принимая самые желанные для вас облики и совершая самые желаемые вами действия. Сны, посылаемые ей, столь красочны и столь реальны, что жертва уже и не хочет просыпаться. И даже просыпаясь — продолжает грезить наяву. Насколько это энергозатратно — вы и сами уже ощутили, ваше высочество, иначе не приехали бы к нам искать ответы. И вы абсолютно правы — если от лярги не избавиться, она пустит вашу жизнь под откос, вы не сможете нормально жить, не сможете ничем заниматься. Вы просто запретесь в собственной спальне, сутками предаваясь мечтам и медленно угасая.

Что-то тут не сходилось. Красочных и реалистичных снов, от которых не хотелось бы просыпаться, герцог припомнить не мог. Разве что Анабель — если допустить, что она не призрак, а его греза наяву... Но если говорить о желаниях — так он желал бы не просто побегать за ней по улицам. А она ушла. Заманила его в тот притон и просто ушла, и больше не возвращалась. Других снов и грез с тех пор не было. А сила утекала. И звездочка...

— Скажите, преподобный, а доводилось ли вам слышать о мужьях, утверждавших, что они никогда не вступали в брак, хотя звездочка на их ладони говорила обратное?

— Мир полон отступников и безумцев, — безразлично пожал плечами настоятель. — Или вы полагаете, что лярга могла заставить их забыть жену? — попытался понять он, к чему вопрос. — Лярга заставит забыть все, ваше высочество: и жену, и отца, и детей. Вот только тот, кто одержим ляргой, уже не станет никому ничего доказывать — ему попросту будет все безразлично.

— Что ж, понятно, — кивнул в ответ герцог. Ему точно надо в Архив. Настоятель знает слишком мало и из третьих рук. — Если я правильно понял, вы сможете провести обряд очищения и избавиться меня от этой нечисти?

— Да, разумеется. Надо все подготовить. Это недолго. Уже на закате мы сможем начать.

Герцог вновь кивнул и поднялся, завершая беседу. Оставалось надеяться, что обряд будет действенным и поможет ему, наконец, войти в Архив. Слишком уж неправильной, если верить словам преподобного, была его личная лярга.

Время до обряда герцог провел без всякой пользы, проще говоря — потерял. Какой-либо новой информации — ни о мифических ляргах, ни по делу о его исчезнувшей супруге — получить не удалось. Отдых и молитва, которые были ему рекомендованы, тоже толку не принесли. Он не чувствовал себя усталым, чувствовал обессиленным, и отдых эти силы не возвращал. Молить Деуса? О чем? Все, что с ним случилось, с попустительства Деуса и произошло, и коли Деус не смог избавить его от подобной участи изначально, не сможет и теперь. Напротив — это ему придется всех спасать: и себя, и репутацию Деуса, и покой государства.

— Как же ты дошел до такого? — вздохнул он с укором, глядя на огромный камень, темнеющий на возвышении. Косые лучи солнца, проникающие сквозь высокие окна в западной стене храма, чертили светлые полосы на холодном полу, но до алтарного камня уже не доставали. Близился закат, время бездействия, наконец, истекало.

Обряд был долгим, занудным и откровенно скучным. Монахи, кружащие вокруг герцога, поочередно зывали к Деусу, зачитывая различные древние статуты, словно пытаясь обосновать законодательно, почему именно бог должен помочь.

«Да, — хмыкал про себя герцог, — Деус — бог закона, все верно. Вот только моя «лярга» — она для него тоже законна. Неведомый Статут Премии, который использовали во время заочной женитьбы — это тоже статут. А значит — тоже закон для Деуса». Особых изменений он в своем самочувствии не замечал. И даже задремал бы от монотонности и однообразия происходящего, если бы ему дали хотя бы присесть. Не давали. Приходилось терпеть эту канитель стоя, а временами и совершая вместе с монахами какие-то глубокомысленные круги вокруг безмолвного алтаря.

Было, должно быть, уже глубоко за полночь, когда заунывное чтение божественных законов сменила музыка — резкая, дробная, заставившая все же умудрившегося задремать герцога резко вздрогнуть и с недоумением оглядеться. Одежды монахов сменились. Вместо привычного с детства небесного цвета их длиннополых одеяний — короткие алые туники с темными штанами и много белого металла, подобного тому, что, что висел у герцога на шее. У монахов же кроме дисков на шее имелись еще широкие браслеты на запястьях, предплечьях и щиколотках. А так же восьмигранные плоские шапочки на головах, полностью расшитые пластинами этого металла. В руках у большинства — странные металлические трещотки, чьи резкие звуки и заставили герцога сначала очнуться, а затем все сильнее морщиться от неприятного шума. Один шум бы он, впрочем, стерпел. Вот только жжение в груди стало невыносимым. Казалось, свет множества свечей, отразившись от начищенных до зеркального блеска дисков, хлынул ему в грудь — невыносимый, обжигающий. Нет, выжигающий ему внутренности — все, подчистую, от ребер до позвоночника. Больше не было сердца, не было легких — только нестерпимо пылающий свет, пульсирующий под ставшей прозрачной кожей.

Герцог закричал... Закричал бы, если бы у него еще оставался голос. Или горло, чтобы исторгнуть звуки. Но вместо звуков из него пролился лишь пылающий свет — брызнул во все стороны, разрывая хрупкую оболочку. И лишая, наконец, сознания.

* * *

Каменные плиты были холодными. И не слишком удобными для сна. Солнечные лучи

проникали в храм сквозь восточные окна, нежно оглаживали алтарный камень и тянулись к распростертому на полу человеку, словно пытаясь согреть и ободрить. Очень медленно и осторожно герцог приподнялся и сел, прислушиваясь к ощущениям. Боли не было, в груди больше не жгло. Он ощупал свое тело и не нашел ни малейших повреждений. Одежда, впрочем, тоже была цела. А ведь ночью ему показалось, что он просто сгорел.

Показалось. Долгий, изматывающий обряд после долгого, изматывающего дня. Оставалось надеяться, что прок от его мучений все-таки будет.

Александр встал, убедился, что голова не кружится, а ноги уверенно держат его тело, оправил волосы и одежду и твердой походкой направился к выходу из храма. Монах-сопровождающий ожидал его снаружи. Справился о самочувствии, предложил омовение и легкий завтрак. От омовений после столь бурной ночи герцог отказываться не стал, а вот с завтраком повременил. Он не был уверен, что сможет проглотить хоть что-то, пока не убедится, что обряд был проведен не напрасно.

Решительным шагом через сад расколотых алтарей герцог направился к заветной двери. Поднялся в portик, опустил на мгновение руки в каменную чашу, помянул со всем почтением Деуса и развернулся ко входу в архив. Ладони, еще мокрые после омовений, — на знак бога, клятва Рыцаря встает перед мысленным взором так четко, что он, кажется, просто читает ее с листа. И дверь открывается, не промедлив ни единой секунды — так, как и должна была сделать вчера, как всегда и везде открывались перед ним любые двери.

Чуть кивнув, словно принимая тот факт, что одна проблема решена, герцог, не раздумывая, проходит внутрь. За прошедшие сутки вопросов у него стало еще больше, а ответов ему по-прежнему никто не дал.

— Хранитель Даргос! — громко сообщает он сумраку открывшихся подземелий. — Я желаю говорить с вами!

* * *

Утро началось замечательно, утро началось с амазонки. Легкая, изящная, идеально севшая по фигуре — она просто не могла меня не радовать. Чуть мрачновата, правда — из черного шелка с темно-зеленой отделкой. Но зато прекрасно подходила к масти моего коня. И к новым глазкам моего спутника, чего уж там?

Сиятельного графа фон Шрок я, правда, еще не видела, но пришедшая помочь мне с утренним туалетом горничная, сообщила, что он ожидает меня к завтраку в общем зале.

И, спустившись в упомянутый зал четверть часа спустя (да, каюсь, спешила, но не ради графа, Робеллов или завтрака — хотелось скорее отправиться в путь), я действительно обнаружила своего суженого (ага, того самого, который ряженный) неторопливо потягивающим чай из довольно-таки изящной чашечки. Его кафтан цвета благородного тисского ореха выгодно оттенял ослепительную рыжину шевелюры и был распахнут ровно на две ладони, согласно самым строгим нормам придворного этикета. Меж красиво расходящимися на груди полами кафтана виднелся песочного цвета камзол, педантично застегнутый на все сорок восемь пуговиц и обтягивающий фигуру идеально, словно вторая кожа, не образуя ни малейшей складочки. Высоким ворот камзола пенным облаком окутывало тончайшее кружево сорочки, приколотая под горлом изящная опаловая брошь идеально гармонировала с опалами перстней на благородных пальцах (обтянутых

перчатками, разумеется)... Словом, рыжий граф был сама утонченность, изящество и великолепие. В жизни не догадаешься, что еще вчера его устраивала линялая заношенная рубаха с вьевшимся намертво запахом конского пота.

— Доброе утро, ваше сиятельство, — поприветствовала я своего почти-что-мужа, устраиваясь напротив. — Как наши планы на сегодня, не поменялись?

— Ни в коей мере, графиня, — светски улыбнулся мне тот, кто нынче решил притворяться графом, и неторопливо сделал еще один небольшой глоток. — Робеллы уже позавтракали и пошли собираться. Полагаю, минут через сорок мы сможем тронуться в путь. Вам хватит времени, чтобы позавтракать?

— Вполне. Я ведь поеду верхом? — да, амазонка, конечно, намекала на подобное развитие событий, но мне надо было убедиться.

— Конечно, Роззи, — теперь он улыбнулся тепло. Так, как улыбаются самым близким и дорогим на свете людям. — Ты поедешь верхом, я поеду верхом, маркиз обещал составить компанию на какое-то время. А вот маркиза предпочитает карету и компанию собственных горничных... Кстати, о горничных. Я сообщил маркизе, что твою девушку нам пришлось внезапно уволить «в связи с непредвиденными обстоятельствами», и она обещала решить эту проблему на время нашего пребывания в доме ее племянника.

— А не проще ли кого-то нанять? Или у графа недостаточно средств?

— Средства есть, моя Роззи, не волнуйся. Но нанять кого-то всего на несколько дней, чтоб увезти из родного города и тут же бросить... Мне кажется, это будет не слишком правильно.

— По-моему, ты просто не хочешь, чтоб кто-то узнал о твоих играх с собственной внешностью.

— Может быть и так, моя Роззи, может быть и так, — легко согласился он, не переставая улыбаться и ласкать меня взглядом.

Кое-кто, впрочем, о его играх с внешностью был наслышан ничуть не меньше меня. Например, его секретарь Гастон, который был представлен мне еще в первый день нашего путешествия, а потом бесследно исчез. Теперь он вновь появился, невозмутимый и деловой. Вместе с каретой, запряженной на этот раз четверкой гнедых, кучером и даже начальником личной охраны. Подчиненные Гаррета, правда, сменились, но сам он вел себя так, словно внешность его господина не играла для него совершенно никакой роли.

Отправились мы через час. Общие сборы оказались чуть более долгими и утомительными, чем ожидал мой спутник, но на моем настроении это никак не отразилось. День стоял солнечный и теплый, дорога живописно виляла меж холмов, мой конь, которого я решила назвать Громом, оказался спокойным, послушным и непугливым. Какое-то время мы ехали шагом. Подозреваю, мои более опытные спутники просто давали мне время освоиться в седле и вспомнить необходимые навыки. Затем тронули рысью. Еще через полчаса, убедившись, что ритм я выдерживаю и в карету проситься даже не собираюсь, мой рыжий граф на рыжем своем скакуне (в масть подбирал, не иначе), с криком: «Догоняй!» пустился в галоп, и луга и перелески замелькали перед глазами еще быстрее.

Обедали мы на природе, на берегу какой-то милой речушки. Порядком покрасневшая, растрепавшаяся, немного усталая, но очень-очень счастливая, я сидела на одеяле, благосклонно выслушивая комплименты маркиза и вдыхая тянущиеся к нам от огня ароматы умопомрачительно-вкусного варева. Хотелось есть, да. Но не просто набить себе опустевший живот, а наслаждаться едой — медленно, неторопливо. Как наслаждалась я

сейчас прикосновениями холодного ветерка к моим горячим щекам, пением птиц, журчанием воды в реке, видом широкого луга и далекой лесной опушки на том берегу.

— Окажите мне честь, графиня, — склонился над нами тот, кто отныне желал именовать себя Герхардом и настаивал на титуле «граф», — составьте компанию на небольшой прогулке. Здесь удивительно живописно, вы не находите?

— Да, разумеется, — я благосклонно подала ему руку, позволяя увлечь себя дальше под сень деревьев. — Что-то не так? — поинтересовалась, когда мы остались одни.

— Напротив, все замечательно, — улыбнулся мой спутник, разворачиваясь ко мне и мягко прижимая меня спиной к стволу мощного вяза, — просто захотелось немного побыть с тобой вдвоем. Путешествие в компании имеет свои недостатки, — и осторожно, почти невесомо, меня поцеловал. Чуть отстранился, ожидая реакции, и вновь прижался губами, уверенный, что здесь и сейчас у меня нет ни малейшего желания его отталкивать. Рыжий, как солнце, жаркий и нежный, как то же солнышко, он казался такой естественной частью этого мира, что целовать его казалось самым правильным действием на свете. Я любила сейчас весь мир, и ласку его губ, и шершавый древесный ствол за моей спиной. Глаза слепило солнце, а может быть — его кудри, а грудь горела от прикосновений его ладоней, обтянутых неизменной замшей тонких перчаток.

— Ну почему нельзя... в постели? — ворчала я между поцелуями, не слишком недовольная, впрочем, ощущая его руки у себя под юбкой, а свою ногу — уже у него на бедре. — Почему это никогда нельзя... Ау!.. в постели?

Он рассмеялся, на миг замерев и давая мне привыкнуть к тому, что он уже у меня внутри. А затем задвигался — размеренно и сильно, заставляя меня вскрикивать и елозить спиной по древесному стволу.

— Но ведь так интересней, верно? — хрипло выдохнул он мне в губы.

— Не знаю, — с трудом прошептала в ответ, пытаясь справиться с дыханием, — не сравнивала.

Он опять засмеялся, и смех его искрился на солнце, слепя глаза. Или это волосы его искрились — рыжие до безобразия, до невозможности, а его смех пузырился где-то внутри моего естества, задевая самые потаенные, самые чувствительные струны, чтобы взорваться в какой-то миг, превратив меня всю в водоворот кружащих на солнце искристых пылинок.

В имение барона Даренгтона мы прибыли часа через три. Хозяин был, разумеется, счастлив оказать гостеприимство друзьям своего дорогого родственника. Нам предоставили гостевые апартаменты (пусть во флигеле, но нас ведь не ждали), мне предоставили горничную, дабы вечером на балу я могла блистать — и я, разумеется, блистала.

Да, чуть нервничала, идя по выложенной розовой плиткой дорожке парка ко входу в дом, уже подсвеченному яркими огнями. И судорожно сжимала локоть своего спутника, хотя на него полагалось лишь невесомо опираться. Но это был мой первый в жизни бал, и пусть я входила на него не дебютанткой, которая просто обязана всем понравиться, дабы устроить свою будущую жизнь, а замужней дамой, чья жизнь от этого бала вообще никак не изменится, волнения сдержать не удавалось. Ведь это же бал. Бал! А меня всю жизнь учили танцевать — вот, собственно, для этого!

Мы влились в поток гостей, поприветствовали хозяина дома и отдали должное красоте и юности его дочери. Довольно быстро отыскивали в этой толпе маркиза с супругой, и те представили нас некоторому количеству своих знакомых. Все эти знакомые, надо сказать, сливались для меня (должно быть, от волнения) в одну сплошную многоликую массу. До тех

пор, пока нас не представили тетушке Луизе. Нет, тетушкой она мне, строго говоря, не была, но какой-то там родней моему папеньке приходилась. Это позволяло ей бывать у нас в имении достаточно часто, поучать нас всех (включая папеньку) в каждый свой приезд, и уж конечно лицо мое она знала прекрасно.

— Роуз! — вскричала сия почтенная дама. — Глазам не верю! Ты! Ты вышла замуж?! Графиня?! И когда только успела, я ж только в прошлом месяце видела твоего отца, он и словом не обмолвился. Что за срочность, что за таинственность?.. Оу, — она картинно изменилась в лице и взяла меня под ручку, отводя на два шага от прочих «для доверительной беседы», — я всегда говорила, матушка воспитывала тебя слишком вольно. И вот результат. Признавайся, согрешила ведь с графом-то альмарским, нагуляла ребеночка. Хорошо хоть, отец узнал вовремя, да твердость сумел проявить...

— Что?! — нет, с альмарским графом я, конечно, грешила еще в бытность его иглезским герцогом. Да и с конюхом безродным, помнится, всякое случалось. Но это было после того, как папенька твердо вышвырнул меня из дома под венец с проходимцем. Поэтому оскорбилась я сильно. И ручку тетушки Луизы от себя отбросила, словно это была покрытая слизью лягушка. — Да как вы подумать могли? Да как в ваш извращенный ум только... — да, не готова я оказалась к светским раутам. И слов правильных не находилось, и лицо удержать не получалось.

— Дорогая, — тут же галантно приобнял меня супруг, — я все же вынужден буду настаивать, чтоб от людей, подобных баронессе Сигойской ты держалась подальше. Наш бывший посол в Иглезии слишком уж часто рассказывал, напиваясь, как в молодости делил благосклонность баронессы не только с бароном Сигойским, к чему он был, понятно, готов. Но и с виконтом Дордиджем, чего он, разумеется, не ждал. А уж когда он узнал, что там еще и лакей барона Сигойского обласкан — почувствовал себя рогоносцем, не хуже законного супруга.

— Да как вы смеете?! — теперь уже тетушка Луиза безуспешно пыталась сохранить лицо. — Да будь жив барон, он прибил бы вас на месте за подобную клевету!

— В таком случае жаль, что он был в свое время прибит на месте известием о вашей неверности, — флегматично пожал плечами мой граф. — А вздумаете еще хоть раз опорочить имя моей жены своими фривольными домыслами — и виконт Дордидж не только подтвердит мои слова публично, но и мемуары опубликует.

— Виконт в отличие от вас — человек чести.

— Тем проще мне будет с ним договориться. Хорошего вечера, сударыня.

И, церемонно поклонившись, он увел меня прочь. Тем более, барон Даренгтон с дочерью вышли на центр паркета, дабы открыть свой ежегодный Летний бал торжественным полонезом. Пары чинно выстраивались за ними, и мы тоже заняли свое место среди танцующих.

— Неужели это правда? Про тетушку? — не спросить я не смогла.

— Откуда мне знать? Ее жизнь мне не интересна. До тех пор, пока она не лезет в мою.

— Она, вроде, лезла только в мою. Учитывая, что альмарского графа не существует.

— Я существую, Розззи, — невозмутимо отозвался мой спутник, сделав ударение на первом слове. — Графом ли, герцогом или просто духом — я есть. И я никому не позволю причинять тебе боль.

— Но... выходит, ты просто ее оклеветал?

— А она — тебя. Так что квиты. К тому же имена я позаимствовал из ее памяти — не

выдумывать же их было? Так что, может и есть о чем тому виконту мемуары писать, — он легкомысленно усмехнулся. И попросил, взглянув на мое хмурое лицо: — Забудь о ней, Роззи. Мы же здесь ради танцев, верно?

Да, конечно, верно. И мы движемся в размеренном и величественном ритме длинной колонной через весь зал. Расходимся, чтобы пройти полукруг и сойтись вновь. И снова шествуем, шествуем...

На мазурку меня пригласил маркиз, на вальс — представленный им граф, потом была кадрили с каким-то томным шевалье, потом... потом... Я танцевала, кружилась, флиртвала. И не оставалась без кавалеров ни на один танец. Граф фон Шрок, как и положено благоверному супругу, не баловал меня своим излишним вниманием, предоставив полную свободу веселиться и развлекаться. Сам он какое-то время побаловал местных дам своим галантным вниманием, покружил по залу одну, другую, третью. И переместился к карточным столам, баловать своим вниманием кавалеров.

Не могу сказать, что я отнеслась к этому спокойно, картежника в семье я, все-таки, уже проходила, от папенькиных пристрастий радости нам всем было мало. Но тут я попыталась себя убедить, что изменчивый мой граф достает из воздуха, похоже, не только смертельное оружие, но и драгоценности с деньгами. Да еще и мухлюет, небось, при этом так, что профессиональные шулеры шапку снимут. Развлекается он так, только лишь развлекается. За счет окружающих, не за наш с ним. И нервы треплет не себе, и не мне даже, а тем наивным людям, что решились с ним за один стол сесть. Он контролирует ситуацию, он же, все-таки не человек, он... кто-то иной. Ну и... сам разберется!

И я кокетливо махнула веером, посылая многообещающий взгляд какому-то красавцу, не потому, что мне был зачем-то нужен этот образчик мужского великолепия (хотя, почему нет, нужен, танцует он дивно, я заметила), но потому, что музыка пьянила, внимание окружающих кружило голову, и я порхала по паркету, словно по воздуху.

Потенциальный кавалер проникся, и даже нашел того, кто смог его мне представить — и вот он уже кружит меня в вальсе, прижимая чуть крепче, чем надо. Всего лишь чуть, на самой грани непозволительного, почти и не придраться. И я не придираюсь, лишь поблескиваю глазами, внимая его комплиентам — да, опасно, почти порочно, но так волнительно...

Внезапный шум от карточных столов заставил сбиться с такта не только нас. Мы, впрочем, выровняли движение, но безудержная легкость сменилась тревогой: одного только взгляда хватило, чтоб оценить, что в центре разгоревшегося скандала — рыжее мое несчастье графского достоинства. Едва дождалась окончания вальса, чтоб выяснить, в чем, собственно, дело.

— О, не волнуйся, Роззи, все просто чудно, — улыбаясь светло и открыто, заявил сиятельный Герхард. — Меня всего лишь вызвали на дуэль.

— Лис... — сердце ухнуло куда-то вниз. Сразу вспомнилось то копье, и труп на ступенях, и кровь, вытекающая бесконечно...

— Да все прекрасно, моя графиня, что ты? На диво удачно все получилось. Я, признаться, и сам подумывал с кем разругаться, а тут, представляешь, сынок того типа, что я объявил любовником твоей тетки. Решил оскорбиться. Так мило с его стороны...

— И теперь ты его убьешь? Это будет, по-твоему, мило? — стало горько. Бал мгновенно потерял свои краски. Мой муж — чудовище. Хотя, о чем я? Он мне даже не муж... Все ложь, он просто так развлекается: девочку — в жены, мальчика — на дуэль. А послезавтра он

перестанет быть графом, станет кучером... или мельником. И следов не найти...

— Роззи, ну что за мрачные мысли? Мы деремся до первой крови. Чтобы как следует отдохнуть, настоящим мужчинам танцев мало. Нужна более интенсивная нагрузка, элемент риска, опасности... Не переживай, не трону я малыша. Так, чуть-чуть помучаю только — ему даже понравится.

Что я могу ответить? Мне, конечно, хочется верить. В конце концов, тех типов он убил из-за меня. Сорвался, потому что мне угрожали. А теперь меня рядом не будет. Я вообще буду спать, дуэль же у них на рассвете.

И я ушла танцевать. Танцевать, и забыть обо всем — у меня, все-таки, первый бал. А дуэль — что ж поделать, Лис прав: мужчины во все века дрались. Да и сын виконта Дордиджа сам нарвался. Хотелось ему с моим мужем силой да ловкостью помериться — вот и пусть. Даже переживать не буду. За обоих.

До спальни добралась глубоко за полночь. Усталая, почти не чувствуя ног. Мой сиятельный супруг любезно сопровождал, но лечь со мной как всегда не стал. Я и не настаивала — хотелось упасть и уснуть. А останется его рыжее сиятельство — еще супружеский долг исполнять придется. Нет, теоретически я, конечно, за. Но не сегодня!

Уснула мгновенно. А проснулась от дикой боли. Казалось, кто-то запустил мне руку в живот и выдирает внутренности. Сердце застыло, не в силах биться, легкие замерли, не позволяя мне сделать ни вдоха, в глазах — пелена. Я забилась в судорогах, пытаюсь избавиться от этой боли, стараясь вновь научиться дышать.

— Лис... — прошептала отчаянно, ни на что не надеясь. — Лис... — почти прохрипела, — Лис...

Он не пришел и не отозвался. Не удивительно: рассвет. У него дуэль. А у меня...

Боль схлынула почти мгновенно, оставляя после себя лишь мучительную, сосущую пустоту. В глазах потемнело и я провалилась куда-то в небытие...

Нет, не в небытие. С ужасом ощутила, что проваливаюсь я буквально — сквозь собственную сорочку, сквозь постель и матрасы... Я заорала, забарахтавшись, попытавшись выбраться, сесть, удержать на себе одежду...

Морок сгинул. Я сижу на кровати (на кровати, а не в ее недрах), и сорочка на мне надета, а не просто прикрывает меня сверху. Глубоко вздохнув, я подвинулась к краю кровати и спустила ноги на пол. Схватила за столбик, что держал балдахин... И вновь заорала в ужасе, переходя на истошный визг, срывая голос: рука свободно прошла сквозь столбик. И снова... И еще...

Небо медленно розовело, даря миру все новые краски, цветы раскрывали свои сонные лепестки, одаривая вселенную ароматами, птицы искусно заполняли пространство звуком. Его сиятельство Герхард Эммануил фон Шрок, в иных обстоятельствах предпочитавший короткое и благозвучное «Лис», небрежно смахнул с рукава несуществующую пылинку, достал из кармана золотой брикет и задумчиво взглянул на стрелки часов. Увы, время еще было. Его противник не опаздывал, он просто был чуть более пунктуален и собирался явиться точно к сроку.

Лис, впрочем, тоже никуда не спешил. Просто нежными красками рассвета, да и пением птиц предпочитал наслаждаться в роще, а не в душных покоях. А то, что в эту симфонию природы вот-вот ворвется жаркий гейзер человеческих эмоций, делало ожидание еще более сладким. Он предвкушал. О, да. Он уже почти наслаждался.

Но вот, наконец, все в сборе. Правила оглашены, предложения об извинениях отвергнуты, оружие выбрано. Лис небрежно скидывает кафтан на руки своего слуги, и, оставшись лишь в сорочке и камзоле, неспешно движется в центр отведенной для дуэли поляны. Его противник, молодой виконт Дордижд пылает праведным негодованием невероятно красиво и аппетитно. Просто лапочка! Не волнуйся, малыш, первая кровь на этой дуэли прольется очень, очень не скоро...

Лис отсалютовал противнику, встал в позицию, сделал резкий выпад — разумеется, мимо. Тут же ушел в оборону, почти раскрылся очередным неудачным выпадом и «чудом» избежал удара... От виконта повеяло удовлетворением, его нервное напряжение чуть спало — видно, оценил, что противник ему вполне по силам, более того, что противник в определенных моментах откровенно слаб... Конечно, слаб. Вот, видишь, даже споткнулся и «чудом» на ногах устоял. И опять едва удар не пропустил... А вот теперь стремительная контратака, и «чудом» уцелел уже виконт, едва не лишившись при этом глаза...

Лис наслаждался. Он танцевал, его шпага пела, тело впитывало эмоции раззадоренного виконта, становясь все более сильным и настоящим с каждой выпитой каплей. Он чувствовал пот, стекающий по виску. И прилипшую к спине батистовую сорочку. Ощущал небольшие неровности стельки в правом сапоге. Нет, ему все это не мешало, ему просто нравилось ощущать. Уходя от очередного выпада противника, он даже позволил себе упасть — просто ради удовольствия перекатиться по жесткой земле, ощутив спиной все мелкие и крупные камни, бугорки и выбоины. И даже чихнуть от забившейся в ноздри пыли. Не изобразить чихание, нет — просто чихнуть...

Конечно, он вскочил быстрее, чем противник сумел воспользоваться своим преимуществом. Разумеется, вновь слегка припугнул его, опять чиркнув шпагой перед самым виконтовым носом. Даже позволил себе чуть-чуть пропороть ему левый рукав — самую малость, а то не дай Деус, у виконта там какая царапина, которую он поспешит выдать за первую кровь. Эту бурю эмоций, эту смертельную страсть к победе над мнимым врагом Лис хотел бы пить бесконечно. Ну, или хотя бы до тех пор, пока виконт будет в состоянии эту страсть испытывать, ведь усталость, увы, притупляет любые страсти...

Он вновь отступал, виртуозно разыгрывая суетливость и неуверенность и едва не облизываясь от того азарта, которым делился с ним его взвинченный до предела соперник... И вдруг задохнулся, ослеп, оглох — мгновенно и абсолютно. Дикая, совершенно

потусторонняя боль пронзила внутренности — и никакого отношения к удару шпагой эта боль не имела. Да и не почувствовал бы он сейчас любой удар... Он, собственно, и не почувствовал. Шпага виконта, не встретив сопротивления на своем пути, проткнула ему легкое за миг до того, как он безвольным кулем повалился на землю.

Очнулся он быстро, фактически сразу. Наваждение прошло, он вновь мог видеть, слышать, ощущать, дышать... Вот дышать было... больно, и кровь пенилась на губах, и какие-то люди склонялись над ним, закрывая небо. Что-то говорили наперебой, чего-то боялись и рвали пуговицы его любимого песочного камзола.

— Лежите, граф, лежите, врач сейчас будет...

— Не стоит... — Лис тяжело закашлялся. — Не страшно... У меня свой... — попытался, было, привстать, но голова закружилась, и пришлось вновь бессильно откинуться на землю. Все же у полного очеловечивания были свои недостатки. Рана его, разумеется, не убьет, исцелиться не сложно. Но ведь не при всех же, его методы исцеления слишком уж кардинальны для почтеннейшей публики. Сначала надо добраться до выделенных ему покоев.

— Гастон, — окликнул он слугу, — помоги.

С помощью верного секретаря почти удалось подняться (было бы значительно проще, если б не приходилось при этом отбиваться от множества рук, пытавшихся его удержать), но тут его сердце пронзил бесконечный ужас, а где-то в глубинах черепа завибрировал отчаянный женский крик.

— Роззи, — обреченно прошептал Лис, наконец осознавая произошедшее. И отчаянно рванулся к ней, позабыв про «смертельную рану» и «тяжелое состояние». К счастью — вместе с раненым телом, хотя это уже действительно — чудом.

* * *

— Роззи! — дверь распахнулась, и в спальню ворвался Лис. — Все вон! — рявкнул он на сбежавшихся на мой крик служанок. — Гастон, лошадей, карету — мы немедленно уезжаем!

Несколько шагов от двери и до кровати он проделал без свойственной ему плавности, рывками. И тяжело повалился возле меня на колени. Я в тот момент уже тоже сидела на полу — перепуганная, дрожащая — сцепив в замок неостановимо трясущиеся руки.

— Тише, Роззи, тише. Испугалась? — он улыбнулся так уверенно и спокойно, что я на миг поверила — все в порядке. А потом заметила кровь, запекшуюся на его губах и подбородке, пропоротый и залитый кровью камзол в районе правой груди, слипшиеся от пота и посеревшие от пыли волосы.

— Ты... Тебя ранили? — тут же снова пугаюсь я. — Ты что, умираешь? Это из-за этого я?..

— Ну что ты, Роззи, что ты? Я бессмертен. Я разве не говорил? — вновь спокойно улыбается он, и тонкая струйка крови вытекает из уголка его рта и спускается к подбородку. — А это просто дуэль, я ж рассказывал: мужчинам надо иногда подраться. Не обращай внимания, — он протянул руку в перепачканной перчатке и осторожно накрыл мои ладони.

— Не чувствую! — я в панике шевельнула руками. — Не чувствую тебя, видишь?! Не

соприкасаюсь! — я резко дернула руки вверх, и они легко прошли сквозь его ладонь, как прежде проходили сквозь прикроватный столбик — даже не почувствовав преграды на своем пути.

— Прости, моя роза, это моя вина, — чуть вздохнул мой раненый граф, не выказав ни малейшего удивления, — полез к благородной даме в грязных перчатках. Сейчас исправим, — и очень медленно и аккуратно он сдернул перчатку со своей правой руки.

Я ожидала... чего-то. Не знаю, но его маниакальное желание всегда и везде оставаться в перчатках, породило у меня стойкое подозрение, что там, под ними... Там была ладонь. Обыкновенная, человеческая, мужская ладонь: светлая кожа, проступающие сквозь нее синеватые вены, сеточка «линий судьбы»... Он протянул мне ее, и я мгновенно схватилась, ни на миг не задумавшись, как хватается за любую соломинку утопающий... нет, увязающий в жутком, нереальном болоте...

Рука была настоящей! Я держалась за нее, ее ощущала. Моя ладонь не проходила ее насквозь! Рука была теплой, надежной, крепкой. Не веря себе от счастья, я ухватилась за нее и другой рукой, я сжала его ладонь изо всех сил, я навалилась на нее едва ли не всем весом. Его ладонь лишь чуть дрогнула, качнувшись в воздухе, но удержала меня!

— Встаем, Роззи, — он осторожно потянул меня наверх. — Все хорошо, ты же видишь? Все в порядке.

Закусив губу и не отрывая напряженного взгляда от его лица, я очень медленно поднялась, держась за его руку, словно, словно за последнюю опору во вселенной. Ноги дрожали после пережитого кошмара, и я не доверяла ногам, я доверяла только его руке в моих руках.

Но тут он пошатнулся, бледнея еще сильнее, и мы оба едва не упали.

— Ой, прости, — я перестала давить на его руку, выровнялась и помогла устоять ему. — Прости, ты же ранен... Тебе, наверное, надо лечь. Все очень плохо?

— С раной? Нет, обойдется. Не вовремя просто. Идем, тебе надо одеться. Нам придется уехать отсюда. Немедленно, Роззи. Время терять не стоит.

Не выпуская моей руки, он подвел меня к сундуку с одеждой, что стоял возле одной из стен. Открыл крышку свободной рукой (той, с которой так и не снял перепачканную землей и кровью перчатку), достал оттуда широкий плащ, укутал меня в него, накинув на голову огромный капюшон, полностью скрывший мое лицо, и тут же потянул к выходу: — Идем!

— Погоди, а обувь? И ты сказал одеться, а я под плащом в одной сорочке.

— Все потом, моя Роззи, нам просто дойти до кареты.

— Но, Лис... — пытаюсь хоть немного затормозить его, я схватилась свободной рукой за дверной косяк. Попыталась схватиться — рука прошла его насквозь. И отступивший было кошмар вновь заставил меня зайти в истошном визге.

— Не трогай, Роззи, не надо, — попросил Лис спокойно и деловито, словно заботливый папа не в меру шепутного ребенка, давно привыкший к непоседливости своего сорванца. И, не замедляя движения, потащил меня к выходу из флигеля.

— Лис, я... — сообщила ему севшим от ужаса голосом, перестав визжать, — я, кажется, в пол проваливаюсь. Вязну в нем.

— Не вязнешь, Роззи, это просто твои страхи. Спокойнее, паркет не сможет тебе навредить.

— Но Лис...

— Не здесь, моя радость. Ты ведь понимаешь — не здесь.

Карету подогнали к крыльцу практически сразу. Спрыгнув с козел, Гастон и кучер ринулись мимо нас в дом, видимо, за вещами. Поэтому дверцу — свободной рукой, на которой перчатка все еще оставалась — открывал нам Лис:

— Прошу.

А я взглянула на тоненькие ступеньки, которые он, нагнувшись, расправил, на тонюсенький пол кареты — и отпрянула в ужасе:

— Я не смогу, Лис! Я провалюсь! Я пройду это все насквозь!

— Тихо, Роззи, тихо. Это моя карета. Она удержит. Я обещаю, — он легонько потянул меня вперед. — Давай, милая, шаг, другой...

Она удержала. И подножка, и сама карета. И даже сиденье показалось мне достаточно жестким и материальным. Я тут же ощупала его обеими руками, пользуясь тем, что Лис отпустил меня. Бархат нежно ласкал мои ладони, не пытаясь поглотить их. Под гладким шелком обивки стен я чувствовала твердое, абсолютно непроницаемое дерево. С облегчением выдохнула. Наверно, впервые за это утро.

— Вот видишь — все хорошо, — улыбнулся мне Лис, с трудом опускаясь напротив. — Осталось дождаться вещей — и можно ехать, — он устало откинулся на спинку и прикрыл глаза. Тут же закашлялся, и кровь вновь потекла по подбородку. Не открывая глаз, он стер ее тыльной стороной ладони. Благо, натянутая на эту ладонь перчатка была и без того перепачкана кровью. Сейчас, когда ужас из-за произошедшего со мной чуть отступил, я видела, что выглядит мой спутник просто ужасно. Черты лица его заострились, кожа словно пожелтела, под глазами залегли глубокие тени.

— Твоя рана, Лис, — нерешительно начала я. — Я могу чем-то?..

— Просто не визжи больше, ладно? — попросил он устало. — Слишком громко выходит. Мне кажется, у меня голова от этого визга взорвется.

— Попробую, — я опустила руки на колени и сцепила пальцы. Несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь изгнать панику из мыслей — она мне сейчас не поможет точно. — Только объясни мне, наконец, что происходит. Хотя бы в двух словах, если тебе тяжело говорить.

— В двух словах, — кивнул в ответ Лис. — Твой законный муж попытался расторгнуть ваш брак.

Я судорожно расцепила руки и взглянула на правую ладонь: звездочка была. Правда, она стала странной — не рисунком на ладошке, как было прежде, но сияющим из глубины ладони неярким светом. Будто она провалилась внутрь моей ладони, и я вижу ее сейчас сквозь кожу.

— Нет, у него не вышло, — даже не открывая глаз Лис, казалось, видел, чем я занята. — Привязка осталась, волю Дэуса не отменить колдовскими плясками. Но герцог закрылся. Не только я, даже ты не можешь более дотянуться до его жизненных сил, — он вновь закашлялся, достал из кармана камзола платок и поднес ко рту. — Это не смертельно, Роззи, — продолжил он, и я не сразу поняла, что он обо мне, а не о себе. — В наших планах практически ничего не меняет, просто чуть сокращает... ознакомительную часть, — он попытался ободряюще мне улыбнуться. Получилось не очень.

— Все готово, господин, можем трогать, — раздался снаружи голос Гастона.

— Трогай, — позволил Лис и вернулся к беседе. — Помнишь, я говорил, ты преобразишься? Получишь новые возможности, недоступные людям, станешь во многом подобной мне?

— Стану призраком? — уточнила холодеющими губами.

— Разве я призрак, Роззи, что ты? Я могу быть материальным, могу не быть им. У тебя тоже пробуждаются эти способности. Из-за выходки герцога — слишком быстро, ты не готова, — он вновь вынужден был прерваться. Его силы явно кончались, голова безвольно склонилась к самой груди. Лис попытался глубоко вздохнуть, тут же снова закашлялся. — Не успела привыкнуть ко мне, осознать, нагуляться, — упрямо продолжил он, вновь поднимая голову, но так и не открывая глаз. На его сомкнутых веках лежали тени, и оттого веки казались впавшими, словно под ними больше не было глазных яблок, только бездонные провалы. И мрачное темное пламя, пляшущее в этой бездне. — Но это не страшно, ты справишься. Я тебя научу. Мы едем сейчас ко мне... Ко мне домой, ко мне на родину... В мою долину. Там не надо будет притворяться человеком. Можно быть собой и учиться новому... Ты не бойся, там тоже бывают балы. И красивые платья. И влюбленные кавалеры... И никаких ограничений, условностей... Можно просто быть, — он вновь взял паузу, чтобы собраться с силами. — Ты попробуй сейчас отдохнуть. Уснуть, быть может. Я уйду... на какое-то время. Это тело... слишком сильно ранено, надо менять. Закрой глазки сейчас, хорошо?

— Хорошо, — согласно кивнула я, закрывая глаза. Расслабленно откинулась на спинку, демонстрируя послушание. Замерла на миг. И резко распахнула их снова.

Опоздала. На мгновение, но опоздала. Окровавленная перчатка еще только падала на пол, одежда сиятельного графа Герхарда безвольной кучкой тряпья оседала на скамейку, а вот самого его уже не было в карете, и лишь дрогнувшая шторка на окне могла бы подсказать мне, куда он делся.

Я бросилась к окну, отдергивая шторку и выглядывая наружу. Ничего. Никого. Нет, была дорога, по которой мы неслись с бешеной скоростью, были распаханные поля по ее сторонам, был лес вдалеке. Еще были горы, эти лесом покрытые, и дорога вела нас именно к ним.

А вот того, что могло бы быть... кто мог бы быть... Лисом, лишенным материальной оболочки (Дэус, неужели это я сейчас серьезно?), разглядеть, увы, не удалось. Он просто исчез, оставив меня одну, и дав на прощание самый нелепый совет, какой только возможно: поспать. Да я только проснулась, если вдруг он не в курсе. Я в шоке, я в ужасе, я перевозбуждена. Я не хочу проваливаться сквозь пол и проходить сквозь стены. Я не призрак, я живая! Я... я даже не умирала еще, за что мне так?!

Он вернулся не скоро, и я не заметила его возвращения. Не потому, что спала, прислушавшись к его совету. Просто сидела, сжавшись в комок в уголке кареты самым неаристократическим способом: задрав ноги на лавку и обхватив руками колени, и безумным взглядом рассматривала противоположную стенку.

— Вот и я, моя радость, — прозвучало негромко. Он, кажется, устроился рядом. Но я не спешила поворачивать голову, чтобы проверить это. Мало ли, что я там увижу.

— Твои волосы вновь отливают красным? — уточнила у него осторожно.

— В какой-то мере. Некоторые сказали бы, что фиолетовым. Кто-то умудряется разглядеть отдельно синий и сиреневый. Еще лиловый, фуксия, марон...

— Не надо. Это... Это нормально? Для вас, для всех? И я тоже теперь буду?.. — немного нервно вытянула свою прядь, придирчиво оглядела — нет, вроде, каштановая. Только тут сообразила, что волосы не только не уложены — они не причесаны даже, и начала судорожно прятать их обратно под капюшон.

— Ро-оззи, — мягко протянул мой спутник своим чудовищно низким, вибрирующим голосом. — Не надо так волноваться. Цвет не изменится, пока не захочешь, это не проблема.

— А в чем проблема? — по-прежнему упрямо глядя в противоположную стену, я обхватила себя руками за плечи. Холодно. А мне казалось, что духи не чувствуют. Значит, я еще не совсем дух?

— Проблема в том, что ты боишься меня. И себя. Давай исправлять, — его рука осторожно легла мне на плечи. Она была теплой, почти горячей. Вторая неторопливо потянулась к завязкам плаща. Распутала их, несмотря на мою трусливую попытку от нее отбиться. — Не надо, Роззи. Тебе станет лучше, вот увидишь. Иди ко мне, — скинув с моих плеч тяжелый плащ, он потянул меня к себе на колени, вынуждая устроиться на нем верхом, лицом к лицу.

Он был почти полностью обнажен, лишь какие-то легкие, почти воздушные штаны обтягивали бедра. Его красивый рельефный торс (в общем, вполне знакомый мне торс) мог бы вызвать разве что острый приступ желания. Если бы этот торс не венчала настолько жуткая голова. Нет, само лицо его некрасивым, и уж тем более жутким, не было. Она было, скорее, совершенным в своей безликости: ни мимических морщин, ни примет времени, ни каких-то характерных, одному ему присущих особенностей. Просто лицо. Если бы не темные провалы глазниц, в которых не было глаз. И лишь жгучее темное пламя металось где-то в глуби. Если бы не яркие, как рубины, пряди волос, в которых вспыхивали то и дело фиолетовые искры.

— Не нравится видеть меня таким? — его горячие руки осторожно ласкали мне спину.

— Очень страшно, — честно призналась в ответ. — Я, знаешь, обычная, очень приземленная девушка. Меня всю жизнь учили Дэуса чтить. А он, в общем-то, очень против всей этой несусветной мистики.

— Да тот еще подлец твой Дэус, это я в курсе, — недобро хмыкнуло мое чудовище, не прекращая нежно меня поглаживать. И эти поглаживания... они успокаивали, да. Я даже осмелилась положить руки ему на плечи.

— А ты не мог бы... — меньше всего я хотела бы сейчас его обидеть, но смотреть в его огненные очи сил не было. — Не мог бы вернуть себе нормальное... привычное мне лицо?

— Увы, моя радость, но тратить силы на воссоздание полностью материального облика сейчас неразумно. Твой деятельный супруг крайне ограничил мой резерв, так что силу лучше поэкономить. У нас с твоим герцогом еще встреча назначена. Важная. Я должен на ней быть при полном параде.

— Что за встреча?

— Потом, моя фея, все это потом. Сейчас главное — сохранить тебя, мое хрупкое маленькое сокровище. Закрывай-ка глазки. Помнишь, я говорил: самого главного глазами не увидеть. Глаза легко обманут. Ощущения — никогда...

Я трусливо подчинилась, и тут же почувствовала, как его рука мягко легла мне на затылок, а его горячие губы нежно коснулись моих. Он не давил, он ни на чем не настаивал, он словно спрашивал разрешения, завлекал и манил. И я согласилась — завлечься, увлечься, отдаться этой тягучей, пьянящей страсти. Чтобы забыть обо всем, чтобы чувствовать только его нежность. И мои руки сомкнулись на его затылке, запутавшись в его волосах: какая разница, какого они цвета, если их владелец умеет быть настолько нежным? И стало неважно, что вместо глаз у него только пламя — ведь они никогда не мешало ему видеть меня, любоваться мной. Да мне в собственном доме никогда не было так тепло, как в

объятиях этого демона.

И, словно в подтверждение моих мыслей, я ощутила это тепло очень явно, отчетливо. Оно втекало в меня через рот, будто демон дарил мне свое дыхание, и горячей волной растекалось по телу, согревая каждую клеточку. По мне словно разливалась его сила. И его нежность. И его уверенность, что все обязательно будет хорошо.

В какой-то момент стало жарко, и Лис отпустил меня.

— Вот видишь, — улыбнулся мой демон, позволяя прижаться к его груди. — Твои страхи напрасны. Я все тот же, каким и был. Ты все та же, какой и была. Остальное — внешнее.

— Что ты сделал?

— Согрел. Поделился силой, которой тебе не хватало. Заполнил ту пустоту, которая образовалась, когда герцог закрылся.

— То есть ты... — попыталась я сообразить. — Ты можешь не только тянуть чью-то силу, но и питать своей?

— Тебя — да, могу. Я, собственно, это всегда и делал. Просто вливал немного, вот ты и не ощущала так явно. В основном ты восполняла свои силы от герцога.

— Но почему — немного? Зачем было вмешивать в это еще и его?

— Моя сила нематериальна, Роззи. Она тебя изменяет. Он был твой якорь, удерживающий в тебе человеческое.

— А теперь? — тут же вновь испугалась я.

— И теперь, моя Роззи. Ты все еще человек. Грань не пройдена. И мы не будем пока спешить.

— Человек? Но я... — снова вспомнился кошмар моего сегодняшнего пробуждения. Люди так... С людьми так не бывает!

— Немного, Роззи, немного. Некоторые способности пробуждаются, — успокаивающе погладил он меня по волосам. — В определенные моменты даже удобно. К примеру — не надо больше тратить время на то, чтоб тебя раздеть, — коварно усмехнулся демон, а я только тут сообразила, что сорочки на мне больше нет. И штанов на нем, собственно, тоже.

Одежда обнаружилась на сиденье, прямо под нами. Абсолютно неповрежденная, она словно прошла наши тела насквозь, упав на скамью.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Но мы... — озадачилась я. Что-то было неправильно. — Наша одежда. Она упала, потому что для нее мы стали духами, да? Нематериальными? Для нее нас нет?

— Можно сказать и так, — спокойно кивнул на это Лис.

— Но я не чувствую себя... или тебя бесплотным духом. Ты твердый, горячий...

— О да, моя радость, — с готовностью расплылся он в предвкушающей улыбке.

— погоди, я не об этом, — уперев руку ему в грудь, я попыталась чуть от него отодвинуться, чтоб не ощущать, насколько он... твердый и горячий, особенно в некоторых местах. — Мое тело... да и твое — оно не деформируется от порывов ветра, рука, к примеру, она не истончается и не вытягивается змеей... Я все такая же... обычная... как и была. Просто вещи вокруг стали... неосязаемы.

— Рооз-зи, — мягко протянул он своим чарующе низким голосом. — Маленькая моя паникерша. Я же объясняю тебе: ты человек. И ты все еще жива. Ты просто переходишь... в другую реальность. На другой пласт бытия. Он осязаем, он материален, но — только для тех, кто находится на нем. Для привычного тебе человеческого мира призраки мы, а для нас —

они. Это их и предметы их мира мы будем ощущать теперь нематериальными и неосвязаемыми. Не себя.

— А карета? — тут же поспешила я уточнить. — Она предмет какого мира? Просто что-то одно должно было пройти это сиденье насквозь: либо мы, либо наша одежда.

— Карета, моя Роззи — это создание двух миров. Или даже — это две кареты, соединенные вместе особыми скрепами. Своего рода тайное убежище для меня и моей суженой.

— Но ты можешь стать нематериальным даже для нее. Исчезнуть... раствориться... совсем.

— Я — могу, — спокойно согласился он. — Но я и не человек.

— А кто ты, Лис? На самом деле?

— Я? — он чуть вздохнул и притянул меня вновь к своей груди, заставив положить голову ему на плечо. — Я — разум, Роззи. Бесплотный разум, приговоренный жить вечно и помнить о своем утраченном физическом теле. И жаждать его воссоздать, — он снова вздохнул, и тихонько погладил меня по спине. И я ощутила, что ничего он сейчас особо не жаждет. Порыв страсти прошел, осталась лишь горечь давних раздумий. — Но нам оставили только этот загон... Только эту нишу... Только этот способ питания...

— И ты уговариваешь меня, что все хорошо, когда сам так тоскуешь обо всем человеческом?

— Ну, Роззи, я — не образец. Я, между прочим, самый несносный из моих братьев, и вечно тоскую о том, чего не имею, тогда как они наслаждаются тем, что есть, — Лис усмехнулся, мысленно встряхиваясь. — Да и я, если уж вспомнить, первые сто лет был просто без ума от открывшихся нам новых возможностей. Так что, даже если характером ты в меня — у тебя еще чуть больше человеческой жизни, чтобы просто получать удовольствие, — жизнерадостно заключил мой демон и мягко поцеловал в висок. — Да и, — добавил он, помолчав, — я все еще не проиграл. Да, нам не дали хорошенько развлечься, но это мы сможем сделать и после. Твой дражайший супруг может обвешаться всеми амулетами Белого Бога, но в Черном Замке они ему не помогут. А Черного Замка кузнец короля не минует. Он не трус, и привык во всем идти до конца. А уж направление ему подскажут.

— Мы нашли их, ваше высочество, — немолодой черноволосый мужчина почтительно склонил голову в коротком поклоне, а затем вновь взглянул в лицо своему начальству.

— Нашли кого? — невозмутимо уточнил герцог, знаком отказывая трактирщику, жаждущему осчастливить его еще одним кувшином вина. Не того качества это вино, чтоб можно было пить его вечно. Да и голова нужна ему ясной.

— Карету, запряженную шестеркой вороных. Женщину по имени Роуз Ривербел, выдающую себя за герцогиню Раенскую. И мужчину, выдающего себя за вас. Наши люди утверждают, что сходство действительно весьма...

— Догадываюсь, — мрачно кивнул на это герцог, припоминая древние свитки. Там утверждалось, что твари, способные легко принимать любой облик, действительно существуют. Сыттары, многоликие демоны порока и грязных помыслов. Могущественны, неуловимы и неуязвимы. Почти. Дэус все же сумел обуздать их, поймав в сети божественной сделки. Пред ликом Дэуса не одному сыттару фальшивого лица не удержать. Потому и скрывают они их под маской. — И где же все эти личности? Уже арестованы?

— Никак нет, ваше высочество. Их видели несколько дней назад в городке Тэйхем, это к северо-западу отсюда. Там произошла какая-то странная история, ходят слухи, что герцогиня... женщина, выдающая себя за герцогиню, сбежала от своего... якобы супруга. По словам очевидцев, он был в страшном гневе, двое охранников, которые должны были присматривать за ней и не уследили... Никто не знает, что он с ними сделал, но они сошли с ума. Их задержали, ваше высочество, но рассказать они ничего не в состоянии — просто слюнявые мычащие идиоты...

— А остальные? Известно, что стало с ними дальше?

— Увы, ваше высочество. Так называемый герцог в тот же день покинул город...

— Не озадачившись поисками «жены»?

— По всему выходит, что так. Он уехал через западные ворота, и больше его не видели.

— А Роуз?

— По ней тоже больше никакой информации.

— Что ж... Скажи, если двигаться от Сторина — родной деревни этой девчонки — в сторону Аденских гор, этот самый Тэйхем по дороге?

— Да, ваше высочество, если двигаться по Торсунскому тракту... Вот, взгляните, — сдвинув миски с едой, на столе расстелили карту.

— А мы сейчас, выходит, южнее... Ехать в Тэйхем смысла нет, — заключил герцог, изучив подробности. — Самозванец явно направляется в горы. Либо сюда, — Александр указал на небольшую деревеньку в северной части гор. — Либо куда-то сюда, — и он обвел на карте участок гор значительно южнее.

— Но что там, ваше высочество? Вернее — что ему может быть там надо?

— Здесь, на юге, спрятан вход в заповедную долину, где Дэус запер отступников. Точное его расположение свитки, к сожалению, не указывают. Но если негодяй доберется туда — нам его не достать, — герцог задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. — А вот здесь, чуть повыше этой деревни, расположен тот самый замок Альк, что девица получила в приданое.

— Не так уж близко к долине, — заметил его офицер.

— Не близко, — согласился с ним герцог. — Значит, едем сюда, попробуем перехватить его у развилки.

— А сбежавшая девица Ривербелл?

— Сомневаюсь, что она и в самом деле сбежала. Уж слишком легко он ее отпустил. Но — на всякий случай пошлите вестника нашим людям в графство Хатор. Если девицы появится там — пусть ее арестуют, — распорядился начальник Сыска. — Она не опасна, справятся и без нас. Меня сейчас куда сильнее интересует сыттар.

— Кто?

— Наш самозванец. Вот этого отловить будет совсем непросто. Но, если он сунется в замок — у нас будет шанс.

* * *

— Вот и все, Роуз, тут мы выходим.

Я, видимо, задремала. Сидя на коленях у своего демона и положив голову ему на плечо. Потому что, когда его негромкий голос заставил меня открыть глаза, за окнами были сумерки. Мы ехали целый день. И целый день он держал меня на руках, бережно обнимал, чуть поглаживал по спине, утешал, рассказывая что-то невероятное про то, как все будет здорово и... все. Мы были полностью обнажены, мы были заперты в тесном пространстве кареты, мы были наедине — но сладострастный мой демон даже и не подумал о том, чтоб прельститься моею близостью.

— Ты больше меня не хочешь? — спросила его печально, не отводя взгляда от длинных теней за окошком. — У меня больше нет... того, что так привлекало тебя? Я потеряла свою... как это правильно? Человечность? Телесность? Жизнь?

— Ты мучаешь себя глупостями, моя Роза, — мягко отозвался мой демон. — Ничего ты не потеряла — ни привлекательности, ни телесности, ни жизни. Стал бы я часами держать на коленях ту, что больше мне не нужна? Ты ведь знаешь, Роззи, я не люблю кареты, я мог бы и долететь, — он нежно провел рукой по моим встрепанным волосам. — Но я предпочел быть с тобой. Мне нравится быть с тобой. Помнишь, ты мне говорила, что хотела бы спать со мной, а не только гореть от страсти?

Не помнила, чтоб говорила именно так, но недоумение высказывала, было дело.

— Вот, считай, я исполнил твою мечту. Позволил выспаться на своем плече. А страсть... Тебе нельзя сейчас, хрупкая моя девочка. Я выпью тебя до дна, если пригублю. Но там, куда нам обязательно нужно поскорее добраться, у тебя будет все — и страсть моя, и любовь.

— Разве демоны любят?

— А кто сказал, будто мы ущербны? Мы другие — и только, — он ответил все так же мягко, но мне все равно почудилась обида в его словах. — Пересаживайся на сиденье, Роуз. Буду придумывать тебе одежду. Вряд ли ты согласишься выходить из кареты так.

Пересела. И замороженно смотрела, как он сложил вместе ладони, и между ними начал расти искрящийся синий шарик, раздвигая его ладони все сильнее, сильнее... Внезапно Лис резко кинул свой шарик в меня. Я ойкнула, ожидая ожога... или просто удара. Но шар развернулся в тончайшую паутинку и осел на моей фигуре, превращаясь в легкое платье. Невесомое, местами похожее на клубящийся синий туман, оно ласково облегло мне грудь и

талию и облаком окутало ноги.

Пока я разглядывала себя, Лис тоже преобразился. Торс укрыла белая сорочка, с контурами нечеткими, словно края у облака. На ногах оказались бриджи в цвет грозового неба, и я не знала ни одной ткани, которая могла бы выглядеть так. И высокие сапоги его тоже были теперь не из кожи. Все иллюзия, дым, туман. Но — красиво. В таком виде хотелось летать.

— Полетаем, — улыбнулся на это Лис. — Но — чуть позже. Пока нас ждут наши кони.

— Но кони...

— У-уу, — загадочно протянул на это мой демон. — Думаешь, я дарил тебе коня просто так?

Он открыл дверцу, приглашая меня наружу, и я вышла за ним следом, ощущая непривычную легкость во всем теле. Я больше не проваливалась, напротив, я словно парила над землей. Ставила босую ступню на дорогу, ожидая, что острые камни непременно вопьются — и едва ощущала их прикосновение. Словно бы и дорога, и камни на ней — просто мягкие сгустки тумана, а мое тело столь невесомо, что не может его продавить.

— Нам надо наверх, моя Роза, — привлек мое внимание Лис. — Во-он туда, видишь, где белеет широкий снежник? Там перевал, а дальше — земля, которой нет ни на одной карте. Мой дом.

— Но туда... — расстояние показалось огромным.

— Карета не пройдет, ты права. Поэтому мы поедem верхом.

— Но, Лис, темнеет. В горы ночью — безумие.

— Не для нас, моя Роззи. И не для наших коней, — качнул головой красноволосый демон. — Безумие — оставаться дальше среди людей. Ты меняешься, Роуз. И тебе нужна помощь.

Невозмутимый Гаррет подвел мне коня, и я послушно вспорхнула в седло, удивившись мимолетно, что и стальное стремя моя босая нога ощутила как мягкий упругий туман. Но упор он давал, да и ногу я точно об него не собою. Если, конечно, нормальная чувствительность не вернется.

— А почему ты себе сапоги создал, а мне нет?

— Тебе надо привыкнуть к новым ощущениям, прежде, чем множить иллюзии, Роуз, — ответил он без улыбки. — Иначе будешь терять попеременно то стремя, то сапоги. А следить надо будет за дорогой, — он тоже вскочил в седло, и махнул рукой, повелевая карете и сопровождению трогаться. Уехали все. Мы с демоном остались одни. — Не бойся, Роззи. Эти кони прекрасно видят в ночи. Да и ты теперь тоже. Просто не отставай.

Он тронул коня, заставив того сойти с дороги, и направил в сторону гор. Мне осталось только двигаться следом.

По высокой некошенной траве, высушенной летним солнцем; по каменистому руслу небольшого ручья, стекающего с далеких вершин; под кронами могучих сосен, по привычке пригибаясь от низкорастущих веток... Дальше были поросшие крупными цветами луга, и было так странно различать в сгущающихся сумерках каждый цветок на огромном лугу. Краски уже стерлись, и я могла лишь догадываться, как красиво и многоцветно здесь бывает при солнечном свете. Почуввав простор, лошади неслись вперед размеренной рысью, словно не замечая, что уже который час скачут исключительно вверх.

Луговые цветы сменил низкорослый кустарник. Мелкий, нашим коням едва ли по колено, он неожиданно заполнил собой все окрестности, насколько хватало взгляда, и

продираться по бездорожью сквозь его бесконечные заросли оказалось не так-то просто. Но миновали и его. Остались лишь мхи да покрытые лишайником камни, и ветер, что завывал вокруг, и облака, наползающие на нас, словно туман, и уходящие дальше — вниз, в долину. И вот уже облака закрывают землю под нами, оставляя нам лишь вершины гор и звездное небо над головами.

— Почти добрались, моя Роза, — оборачивается ко мне Лис, и его волосы искрятся звездами, а мне больше не кажется это страшным. Красиво, да. Бесконечно красиво — звезды над головой и звезды в его волосах. И где-то в провалах его нечеловеческих глаз тоже искрятся звезды.

— Ты разве живешь на вершине горы?

— Увы, Роуз. Мы близко, но не настолько. С вершины придется все же спуститься, — привычно рассмеялся он. — Но мы почти добрались до перевала. А сразу за ним — моя страна.

На перевале мы были уже на рассвете. Это было так странно — ехать всю ночь и совсем не ощущать усталости. И даже времени — всех этих многих часов, что скользили мимо, пока я, следом за Лисом, стремилась к вершине — я совершенно не ощутила. Звезды гасли, уступая место краскам нового дня, вокруг нас были лишь безжизненные серые камни, покрытые местами слоем слежавшегося старого снега, гулял ветер, завывая в щелях между валунами. Но холодно не было. Неуютно — тоже. Может быть, потому, что в лучах восходящего солнца пятна снежников казались розовыми? Или это сияние волос моего спутника бросало на них такой отсвет?

— Здесь холодно? — поинтересовалась у Лиса.

— Не знаю, Роззи. Никогда не был здесь человеком. Не довелось.

— И где же твой дом? Волшебная страна, что прекраснее всех на свете? — сколько я не смотрела по сторонам, ничего примечательного разглядеть не удавалось. Каменистый спуск, поросший местами лишь мхом да ягелем, бесконечные облака, затянувшие все, что ниже.

— Надо открыть вход. Вот здесь, — Лис помог мне спешиться и подвел к небольшой пирамидке из белых камней, сложенной посередине ровной площадки. — Мне нужна капля твоей крови, Роуз. Чтобы стражи границ распробовали в ней мою силу и впустили тебя.

— Кровь? — как-то не спешила я протягивать ему свою руку. — Мне кажется, у меня ее уже и нет, со всеми этими превращениями.

— Не фантазируй. Ты у меня самая что ни на есть живая девушка. Возможно, именно эта капля, что придется пожертвовать стражам, и убедит тебя в этом лучше моих слов. Ну же, — он требовательно протянул ладонь.

Я вздохнула, и вложила в нее свою. Порез он нанес мне мгновенно, и я даже не успела разглядеть, чем. Но вскрикнула от того, что боль я все же почувствовала, и с изумлением смотрела, как медленно тяжелая алая капля набухает и падает вниз — на белый блестящий камень. И впитывается. И исчезает бесследно.

— А вот теперь — смотри. Долина открыта для тебя, Роуз.

Я оглянулась. Облака исчезли, и теперь я могла в подробностях рассмотреть то место, куда нам с Лисом предстояло спуститься. Замерев от восторга, я любовалась на белоснежные вершины далеких гор, и розовые ручьи, сбегаящие в долину. На бирюзовую гладь озер и белую пену бурных рек. На темную зелень лесов и яркое многоцветье светлого луга. И на сказочный дворец с многочисленными ажурными башенками и открытыми арочными галереями, расположившийся в самом центре этой долины.

— Нам туда, да? — кивнула я на строение. — Далеко. Мы, наверное, доберемся только к закату... А ведь я уже сутки не ела, — с удивлением сообразила, наконец. — И не хочется. Это нормально?

— Пока ты можешь наслаждаться тем, что видишь — вполне, Роззи, — успокоил меня мой демон. — И, кстати, ты не права: я тебя кормил.

— Когда? — недоуменно нахмурилась я в ответ.

— Когда целовал, разумеется, — рассмеялся он. — Привыкай. Здесь в ходу очень легкая пища. Невесомая, как ты и я.

— Мы разве невесомы?

— Конечно. Ты хотела летать, помнишь? Вот теперь действительно можно. Давай руку. Ну же!

Дала. Хотя было немного жутко. Когда тебе предлагают чуть-чуть полетать, стоя на вершине горы, как-то это... не слишком-то сильно хочется.

— А как же наши кони?

— Они найдут дорогу домой и сами. И ты угадала, доберутся как раз к закату. Мы же так долго тянуть не станем... Так что, поцеловать для храбрости?

Наверное, это не слишком правильно — выпрашивать поцелуй у того, кто даже не считает себя моим мужем, но я была уже действительно слишком далеко от людей со всеми их правилами.

— Желательно, — выдохнула я в ответ и сама прижалась к нему губами. И тут же пропала — в его объятьях, в его ласке, в его страсти. Крепко зажмурившись и запутавшись пальцами в невозможных его волосах, я пила нектар его податливых губ и все никак не могла напиться. А дыхание все не кончалось и поцелуй все длился... Пока он, наконец, не отстранился мягко и не прошептал мне в ушко:

— Открывай глазки, моя Роза. Поздно уже бояться.

Открыла. Чтобы тут же вцепиться в него еще крепче с испуганным вскриком. Мы летели. Вернее, нет, мы просто парили в воздухе, поднявшись над перевалом с его жертвенной белой пирамидкой, розоватыми языками снежников, нашими конями, что все еще стояли там, где мы их оставили, отдыхая после долгого пути.

— Отпускай меня, Роззи. Это не я держу тебя в воздухе, ты паришь в нем сама.

Пусть не сразу, но я все же поверила. Нашла в себе силы отцепиться от демона, даже сделала самостоятельно пару небольших кругов вокруг него.

— Ну а теперь — домой, — и, схватив меня за руку, он устремился вниз, и разноцветные ажурные башенки стали стремительно приближаться.

Слишком стремительно. И потому поначалу я не ощущала ничего, кроме ветра, свистящего в ушах, и была не в силах разглядеть что-либо, кроме ярких цветовых пятен приближающегося дворца. Но постепенно скорость стала восприниматься естественно, и в потоках воздуха, бурлящих вокруг, я начала улавливать чьи-то неясные тени, словно он был наполнен множеством прозрачных созданий, схожих со сгустками тумана, принявшего вдруг человекоподобную форму. А в шуме ветра явственно услышала голоса, повторявшие на все лады:

— Герлис-с-стэн... Герлис-с-стэн... Вернулс-с-ся... Он вернулс-с-ся...

— Что это? — спросила у своего спутника, стремясь перекричать ветер.

— Это не «что», Роззи, это «кто», — привычно рассмеялся он в ответ. — Привыкай, Роззи, это — подданные Долины. Духи воздуха, прелестные сильфы.

— Сильфы? Так ты тоже сильф?

Мне показалось, что воздух вокруг наполнился смехом.

— Что ты, Роззи, как можно? Я — сыттар, один из восьми повелителей Закатной Долины.

— Повелитель? — звучало внушительно. Вот только... — А восемь повелителей — это не слишком много для одной долины?

— Мы повелеваем не Долиной, Роззи, мы повелеваем всем миром, — без тени улыбки отозвался мой демон, и прозвучало это так внушительно и громогласно, что даже эхо подхватило его слова.

А мы, между тем, приземлились, мягко опустившись на мозаичные плиты одного из внутренних дворишков замка. В его центре журчал фонтан, справа легкая ажурная колоннада отделяла дворик от цветущего сада. Слева над нами возвышалась глухая стена высокой белокаменной башни. А прямо напротив нас ждали гостеприимно распахнутые двери, куда Лис жестом и предложил мне последовать.

Войти, однако, мы не успели.

— Ты, в самом деле, вернулся? — голос, раздавшийся у нас за спиной, был не менее глубоким и завораживающим, чем у Лиса. Вот только привычной мне теплоты и мягкости в нем не ощущалось. Скорее, стало немного зябко, будто я оказалась на пути холодного северного ветра. — Неожиданно рано. Мы полагали, ты будешь гулять до последнего.

— Обязательно буду, Ландалиан, — Лис неторопливо развернулся, и я с ним вместе. — Ты ведь не думаешь, что я закончил?

Существо, что стояло перед нами (я, конечно, сказала бы «человек», но ведь это точно не так), казалось вполне материальным. Он не был прозрачен или бесцветен, как те, которых Лис назвал сильфами. Был облачен в сложную многослойную одежду — длиннополую, с откидными верхними рукавами, прорезными средними и ажурными нижними. Имел длинные снежно-белые волосы, отдающие в синеву и вспыхивающие знакомыми искрами. Мягкий тканевый валик, кольцом охватывающий его голову, смотрелся настолько странно, что поневоле вызывал улыбку. Однако темное пламя, пляшущее в глубине лишенных глаз глазниц, веселью не способствовало. Сколько бы я ни думала, что привыкла видеть подобное в глазах Лиса, при взгляде на лицо незнакомца стало настолько жутко, что я даже не смогла бы сказать, были ли черты его лица приятны или отталкивающи. Не сомневалась я лишь в одном — перед нами сыттар, соплеменник Лиса. А возможно и один из его соправителей.

— Я вообще не слишком задумываюсь о твоих гулянках, — чуть пренебрежительно подергивает плечом Ландалиан. — Хотя сильфочка твоя новая — вполне. Мила, не спорю. Только вот где моя? Ты одалживал у меня, припоминаешь? Блекленькая такая, совсем не в твоём вкусе... Однако мне она была дорога, так что неплохо было б вернуть.

— А она не вернулась? — мимолетно удивился Лис. — Странно. Я давно ее отпустил. Ну, посвисти, возможно, девочка заплутала. А мы пойдем, если не возражаешь, путь был долгий.

— Хорошего дня, Герлистэн, — учтиво кивает снежно-синий.

— И тебе, — возвратив любезность, Лис тянет меня прочь.

Иду, с трудом перебирая ногами. Не представил, не познакомил, вел себя так, словно меня с ним и вовсе нет... «Его новая сильфочка»... Как-то не слишком любезно.

Внезапно за спиной раздается протяжный переливистый свист. Резко обернувшись, вижу Ландалиана, дующего в странного вида свистульку, висящую на ремешке у него на шее.

— Что он делает? — недоуменно интересуюсь у Лиса, забыв на миг о своей обиде.

— Зовет домой свою сильфу, — спокойно поясняет мне демон. — Мир велик, а ветра сильны. Могут порой унести в слишком уж дальние дали. И тогда поможет лишь Зов.

* * *

— Не засиживайтесь. Выступаем на рассвете, — покончив с трапезой, герцог Раенский резко поднялся из-за стола и отправился наверх, в приготовленную для него комнату. Лучшую в этом заведении, как ему обещали. Впрочем, какое заведение, такие и комнаты. Особых удобств он не ждал, после целого дня скачки ему требовалось просто место, где можно поспать.

Конечно, не будь он вынужден скрывать свое имя, он остановился бы в городском особняке барона Даренгтона, и его комнаты действительно были бы лучшими. Во всем этом городе, разумеется, а не в данной невзрачной дыре.

Но все это мелочи, на войне он привык и не к такому. Главное — он был на верном пути, его агенты в городе подтвердили это. Роуз Ривербел видели на Летнем балу у местного барона. Бал был, понятно, не в городе — на природе, кого ж заставишь летом глотать городскую пыль? Но слухи до города дошли. Роуз на балу была настоящая, не самозванка — ее узнала тетка. А вот ее спутник и, как он представился, «муж» — личность весьма сомнительная. Герхард фон Шрок, граф альмарский... Насколько герцог Александр мог помнить (а помнить подобное входило в его обязанности), графа фон Шрок звали Эрик, как и альмарского короля. Конечно, он мог умереть, а титул перейти... Но жениться на девице Ривербел он все равно не мог, поскольку та давно не девица, а законная супруга одного иглезийского герцога... Сыттар, без сомнения. Сменил личину и развлекается! Безобразный скандал, нарочито спровоцированная дуэль — умело разведенное болото грязи для питания подобной низменной сущности... Вот только странно, что на дуэли пострадал он сам. Все, что герцог узнал о сыттаргах в архиве храма, заставляло предположить иной исход событий... Что же не так? Почему эта злобная сущность позволила себя ранить? И почему так быстро сбежала из места, где могла бы неделю неплохо кормиться?..

Храмовый амулет на шее герцога предупреждающе звякнул. Герцог брезгливо дернулся, отступая. Опять? Нет, он, конечно, не ждал, что темные сущности оставят его в покое. Но неужели они полагали, что он хоть днем, хоть ночью снимет защиту? Он сунул руку во внутренний карман своего мундира и достал монокль с темно-синим стеклом. О, нет, эта вещь совсем не для бала! Поднеся монокль к правому глазу и прикрыв левый, герцог медленно огляделся.

Так и есть. Темный сгусток неразличимой обычным зрением субстанции медленно пятился от него прочь в сторону небольшого окна.

— Сбегаешь, мерзость? — усмехнулся Александр. — И на что ж ты надеялась, можно узнать? Разве тебе не видно, что ко мне уже не присосаться?

Ответа, понятно, не ждал, какой может быть ответ от сгустка незримого? Однако услышал печальный вздох. Тихий, едва различимый. А сгусток остановился, перестав пятиться, и даже колыхнулся... словно бы покачав головой.

— Даже так? — герцог неспеша прошелся по комнате, присел на колченогий табурет с таким видом, будто опустил на трон. — Хочешь поболтать? Ну что же, давай поговорим.

Покажи себя. Ты ведь можешь, я знаю.

Призрачная субстанция вновь заколыхалась, отрицая. Затем метнулась к столу, медленно закружила вокруг стоящего там кувшина с водой.

— Воды? — не понял герцог. — Пить? Но пьешь ты не воду... Хочешь сказать, мерзость, ты слишком проголодалась? Настолько, что у тебя нет сил воплотиться?

Снова тихий, едва различимый вздох.

— Но ко мне тебе ни присосаться. А к другим что же?

Снова вздох. Александр задумался.

— Ну хорошо. А если я дам... немного, ты сможешь со мной поговорить?

Колыхание сущности можно было принять за согласие.

— И я тебя увижу?

Снова нечто, похожее на кивок.

— То есть, ждешь, что я это сниму? — он указал на свой амулет. — Пожалую тебя?

В ответ — вновь колыхание. И едва различимый смех. Скорее скорбный, нежели веселый.

— В мою жалость не веришь? Тоже верно, — кивнул герцог, не отрывая взгляда от необычного собеседника. — На что же надеешься? На любопытство?

Да, было похоже на то. Что ж, можно попробовать сыграть в любопытство. Александр неторопливо встал и подошел к кровати, куда еще перед ужином закинул свою дорожную сумку. Расстегнул пряжки, проверил содержимое.

— Ну, давай подкормлю, — обернулся к сущности, все так же мнущейся у стола. — Что мне для этого, снять амулет?

Нечто кивнуло. Впрочем, герцог и не сомневался. Идти на поводу у создания тьмы было рискованно. Но иногда бывает необходимо рискнуть. Очень медленно Александр снял с груди амулет.

Сгусток неведомого двинулся к нему. Медленно. Настолько медленно, что герцог не выдержал:

— Ну, что же ты? Давай!

И оно подлетело стремительно, будто решившись. Коснулось не груди, как ожидал Александр, губ. Он вздрогнул от отвращения и неожиданности, однако, уже в следующий миг его рука выхватила из сумки «ловчую сеть» и набросила на потерявшего осторожность врага.

И ничего не случилось. Сеть прошла насквозь, ударив по самому герцогу. А призрачный сгусток чуть отстранился от неудачливого ловца и рассмеялся. Значительно громче, чем смеялся прежде.

— Не выйдет, герцог, — послышался голос. Негромкий, мелодичный, девичий. — Я не твоя. Меня тебе не поймать.

— Разве? — не растерявшись, герцог немедленно вернул амулет на место. — Я пока не ловлю, я лишь не позволяю тебе выпить лишнего.

Сеть пришлось убрать с самым невозмутимым видом. Обидно. Ему обещали, что она поможет.

— Мы ведь собирались поговорить, нечисть, верно? — продолжил он, не выпуская неведомое из вида. — Так давай, проявись. Голос вон, я смотрю, уже прорезался. Давай и облик показывай. Познакомимся.

— Мы знакомы, — прошелестело в ответ, и призрак отстранился еще на пару шагов. —

Немного.

Неведомая субстанция загустела, обретая формы и расцветаясь хоть призрачными, но все же красками. И перед напряженно ожидающим герцогом появилась дева. Совсем не та, увидеть которую он рассчитывал.

— Не смей! — с плохо сдерживаемой ненавистью прошипел Александр, а рука сама метнулась обратно за ловчей сетью. Пусть не поймать, но хотя бы хлестнуть! — Желаешь поговорить — так не претворяйся той, кем ты не являешься! Принимай свой собственный облик, Роуз, и возможно, мы сумеем договориться.

— Но я не Роуз, — чуть качнула красавица белыми локонами. — Я — Анабель.

— Ложь! — все так же возмущенно ответил герцог. — Анабель мертва, и уже давно.

— Конечно, — легко согласилась призрачная дева. — Именно поэтому ты и не смог поймать меня своей сетью. Роуз ты бы ей поймал. Она еще жива, я — нет.

— Прекрати морочить мне голову! Да, один раз тебе удалось меня задурить. Но неужели ты думаешь, что я вновь куплюсь на твое хорошенькое личико? Тем более, что оно — не твое!

— Мое, — упрямо качнула головой дева. — Я сильфа, нам не дано принимать чужой облик, — она отлетела еще чуть дальше и устроилась на широком подоконнике. Луна серебрила ее и без того нечеткую фигуру, делая ее еще более монохромной и будто сияющей. — Вот только разве ты купился — на личико?

— Ты не сильфа, — герцог только поморщился. — И ты не Анабель. Хотя, я готов поверить, что и не Роуз, — про то, что сильфы, действительно не способны принимать чужой облик, он, к стыду своему, вспомнил только сейчас. Слишком уж много совершенно новой для него информации вывалили на него в храме. И слишком уж неожиданным было увидеть Ее... Хотя — мог бы уже и понять, кто и во что с ним играет. — Ты — сыттар, да? Покопался в моем сознании, вытащил оттуда... самое дорогое и светлое, — он не признался бы в подобном никому, но какой смысл пытаться скрыть это от того, кто и так видит его насквозь? — И теперь терзаешь меня этим обликом, выжимаешь эмоции, сбиваешь с мыслей...

Было мерзко. Да, он уже знал, что сыттары — эти мерзкие демонские отродья — способны копаться в душе человека, как в своей шкатулке, вытягивая оттуда то, что пробьет человека на самые сильные, самые искренние эмоции. Но себя он считал неуязвимым. Бесстрастным. Человеком долга. Закостенелым, циничным. И потрошить его юношеские мечты — это было подло и грязно. Впрочем, подлость — их суть.

— Сыттар действительно считал тебя, — кивнула меж тем его непрошенная гостья. — И нашел твою слабость. Вот только потом он не стал притворяться ею. Зачем? Он просто прислал меня. Разве кто-то может быть Анабель лучше самой Анабель?

— Ты не Анабель, — упрямо повторил Александр, глядя, как ее тонкие прозрачные пальцы нежно расправляют прозрачные ленты на букете фиалок. — Ты — ложь! Весь твой облик ложь, начиная с проклятого букета! Почему ты с ними? Ты что, так любишь эти цветы? Так любила их в жизни, что таскала их в руках дни напролет, никогда не расставаясь?

— Нет, — качнула головой та, что упорно именовала себя Анабель. — Я даже не помню их в жизни. Не помню, рвала ли их, был ли у меня когда такой букет...

— Вот видишь.

— Но меня с ним нарисовали. И один юноша... он полюбил меня именно такой, как я

была на портрете.

— Я не любил тебя, не обольщайся. И не люблю. Ты — нечисть. Зло, даже если когда-то ты и была...

— А знаешь, меня никогда не любили, — она продолжила, словно бы не услышав. — Мы жили уединенно и небогато. А я была слишком тихой, излишне скромной... Даже у моей служанки был ухажер, а я... Меня словно не замечали... Потом внезапная свадьба и Он... сыттар, да. А они не умеют любить. Они холодные и пустые. Способные только тянуть чужое, ведь ничего своего у них нет. И когда он вытянул все до последнего вздоха... Впрочем, дальше неинтересно, — Анабель чуть вздохнула. — А потом... потом мне показали тебя. Да, нарочно, специально, у Герлистэна был план...

— Герлистэн? — даже любуясь ее лунными локонами, главного он не упускал. — Твой сыттар?

— Не мой. Моему я давно не нужна. А Герлистэн коварен, ты его опасайся.

— Ну, пока твой коварный только бежит от меня, сверкая пятками... Так в чем был план?

— Если сыттар проигрывает, это не значит, что ты его побеждаешь. Это значит, ему захотелось выпить эмоций победителя, и только.

— В чем план, Анабель? — он и не заметил, что подошел к ней почти вплотную.

— Я не знаю, — очень осторожно она положила руки ему на плечи. — Но, если ты видишь его следы — он не бежит, он заманивает.

— Как заманила меня ты? — он тоже попытался ее коснуться. Ничего не почувствовал — руки свободно скользили сквозь ее видимый облик.

— Как я, — кивнул она, не отводя взгляда.

— Это было подло.

— Я знаю.

— И куда ты манишь меня сейчас? — ее он схватить не мог, пришлось схватиться за подоконник.

— Никуда. Просто греюсь, — ее глаза были слишком близко, голубые, бездонные. В самом деле бездонные, он видел сквозь них кроны деревьев, окаймлявших дорогу.

— Разве сильфы чувствуют холод?

— Они чувствуют нежность. И тепло, идущее из души.

— Во мне давно нет нежности, сильфа, — он качнул головой, но так и не отстранился.

— Может быть, но тот мальчик меня любил.

— Не тебя, образ.

— А я, по-твоему, что-то иное? Меня никто никогда не любил, только ты.

— Я не... — вновь попытался он воспротивиться.

— Я сильфа. Я тоже читаю в душах.

Ее губы шевелились так близко, что он не выдержал, качнулся вперед чуть сильнее. Звон амулета, ее болезненный вскрик, он дергается назад, она вылетает в окно.

— Ты это нарочно, — герцог нервно проводит рукой по короткому ежику своих волос. — Надеешься, я сниму амулет. Не сниму, не надейся.

— Не снимай, — она вернулась в комнату, легко пройдя сквозь стену. — Иначе он почувствует, и его лярга вновь присосется к тебе. Это опасно.

— А ты благородно не присосешься? — он усмехнулся, отворачиваясь. Смотреть ей в глаза было непозволительной глупостью, он едва не потонул в них, забыв обо всем на свете.

— Я — нет, — вздохнула она. И пояснила: — Я не могу, ты — его добыча. И ваша связь не разорвана, просто... затруднена.

— А что же ты делала только что? — не выдержал, повернулся к ней вновь. — С чего мы начали нашу беседу?

— Ну, — Анабель смутилась. Или талантливо изобразила смущение. — Я просто тебя поцеловала. Ведь по-другому ты бы не дал.

И прежде, чем он нашелся с ответом, упорхнула прочь. Сквозь стену, даже ее не заметив. Он подождал какое-то время. Вновь воспользовался храмовым моноклем и внимательно осмотрелся. Нет, не вернулась.

Герцог долго рылся в своих вещах, перебирал уникальные артефакты, полученные в хранилище Храма. Так ничего и не выбрал. Достал пухлую папку с изъятыми из Архива документами. Их изучение требовало времени, а сидеть в Храме вечно он не мог. Пришлось напоминать зарвавшимся служителям Деуса, что кузен короля и второй человек в государстве имеет достаточно полномочий, чтоб решить любой спор в свою пользу.

Пододвинул колченогий табурет к грубо сколоченному столу, зажег побольше свечей и углубился в изучение материалов. Прежде он акцентировался на сытарах. Теперь пытался понять, что такое сильфа. Нет, в общих чертах он знал. Но остается ли в них что-то от человека, когда они перестают быть людьми? И реально ли вновь вдохнуть жизнь в ту, от которой остался лишь облик? И если для ответа на первый вопрос фактов все еще не хватало, то на второй ответ выходил отрицательным: по всему выходило, что нет. С Анабель он опоздал лет на восемнадцать. Она даже не призрак, она — «дыхание сытара», его щупальце, выброшенное во внешний мир, его пищевод. Все, что она берет у людей, она берет не себе, ему. А сама существует лишь за счет его силы.

Ее возвращения он не почувствовал. Просто понял в какой-то миг, что опять не один.

— Тебе велено следить за мной? — поинтересовался, не оборачиваясь.

— Нет, — скрывается она не стала. — В этом нет нужды, ты не настолько ему интересен.

— Почему же ты здесь?

— Потому что ты интересен мне.

— У сильф бывают собственные интересы? — он недоверчиво хмыкнул.

— Порой, — очень плавно она подлетела и уселась на край стола. Или сделала вид, что уселась. — Если им хоть немножечко повезет, и о них забудут.

— О тебе, выходит, забыли?

— Выходит. Ландалиан полагает, что я все еще с Герлистэном, Герлистэн — что я вернулась к Ландалиану.

— А ты, значит, не вернулась... — не слишком вникая в собственные слова, Александр судорожно листал свои бумаги. Где ж это было? А, вот: — Ландалиан — это Северный Ветер, верно? А Герлистэн, получается, Южный?

— Людям известно даже это?

— Не всем людям. Что это значит? Почему они Ветры?

— Не знаю. Просто имена, отражающие сущность: они — лишь потоки воздуха, там внутри — ничего нет.

— А почему Северный, Южный?

— Их восемь. Надо ж им как-то различаться.

— Хорошо, тогда сравни их меж собой. Они похожи?

— У них нет внешности, кроме той, что они себе выдумали.

— Меня больше интересует характер. Привычки. Интересы.

— Ландалиан холоден. Вымораживающе равнодушен, непреклонно прямолинеен... Его пища — тоска, отчаянье, безысходность.

— А Герлистэн? Я так понимаю, ему я обязан, — герцог раздраженно потер звездочку на ладони, — вниманием к своей персоне.

— Ему, — она кивнула, и ее белые локоны чуть качнулись в такт. — Южный Ветер, что жар пустыни — горяч, неугомнен, любопытен. Братья его не любят — он редко способен остановиться в своих желаниях. Вечно недоволен тем, что имеет, а посему — склонен к интригам и коварству. Его пища — страсти, и они будоражат его, не давая покоя.

— Страсти — в смысле «похоть»?

— Ну почему, любые страсти. Все, что горячит кровь и возбуждает чувства. Все, что вызывает азарт и заставляет умолкнуть разум.

— Зачем ему Черный замок? Раньше сыттары не брали приданого.

— Я не знаю, — она равнодушно пожимает изящными плечиками. — Прежде, в самом деле, не брали.

— А что ты знаешь? — смотрит он пристально. Бесплотный призрак с пристрастием не допросишь. Чуть надавишь — улетит или развеется. А информатор ценный.

— Не слишком много, — свою ценность она демонстрировать не спешит.

— Дорогу в долину?

— Ты не сможешь туда войти, — сильфа спокойна, но категорична.

— Вот как? А моя «жена»? Сможет?

— Конечно, — и вновь ни капли сомнений. — Я же когда-то вошла, — сильфа изящно встает. На воздух, он видит это четко. Пола она не касается. — Но лучше бы тебе догнать ее прежде, — сорвавшись с места, Анабель облетает вокруг настороженно замершего герцога — медленно, словно разглядывая со всех сторон. — Твоя защита не идеальна. Он найдет, как ее обойти. И ты умрешь.

— Разве «мужья» умирали? — сильфа остановилась за спиной, и Александру приходится развернуться. Не настолько он этому духу верит. Да и смотреть он при разговоре привык в глаза. Пусть они и призрачные. — Данные архивов свидетельствуют о другом.

— И кто же из них стал известен? Чего-то добился? Где-то служил, быть может? — теперь сильфа оказывается слишком близко. И еще подается вперед. Почти вплотную, не отводя от него своих полупрозрачных глаз. И лишь амулет между ними. Несколько сантиметров, которые она легко преодолела бы, не обзаведись он в свое время данной игрушкой. — «Мужья» — доноры силы, из них качают — они лишь отдают. Вялость, слабость, апатия. Жизнь, бесцельно прожитая в кресле, а то и в постели.

— И чем мне, в таком случае, поможет встреча с «женой»? Почему мне нельзя позволить ей уйти в долину? — лишь когда край стола впивается ему в спину, герцог понимает, что пытается не позволить ей коснуться предупреждающе вибрирующего амулета. Ей было больно прошлый раз, он помнит. Еще развеется.

— Там он сделает ее сильфой, и она станет неуязвимой, — Анабель чуть подается назад и, склонив голову на бок, с легким удивлением улыбается герцогу. Словно прочла его мысли, поняла мотивы. Лучше него самого поняла. — Здесь же твоя «жена» смертна. А смерть рвет все связи.

— Вот как? То есть, если я стану свободен от нее, я смогу достаться тебе? В этом твой

интерес?

Она лишь смеется:

— Глупый. Со мной тебя тоже ждет смерть. А я хочу, чтоб ты жил.

— Почему?

— Так. Считаю, мой каприз, — передернув прозрачными плечиками, она легко отлетела к окну и привычно устроилась на подоконнике. — Ты вовсе не собираешься ложиться? Сам говорил: подъем будет ранний, а день долгий... Или я тебя настолько смущаю?

— А я тебя, значит, не смущаю, — он закрыл свою папку и убрал в дорожную сумку. — Совсем?

Она снова весело рассмеялась.

— Конечно, совсем. Я сильфа, мне нет дела до человеческих глупостей.

Ему тем более не было дела до призрака давно не существующей девицы. Поэтому, неспешно поднявшись, он спокойно расстегнул и сбросил сорочку, дав возможность приставучей нечисти полюбоваться своим мощным торсом. Тренированное тело воина, рельефные мышцы, подтянутый живот с кубиками пресса — ему было чем гордиться не только перед умертвиями. Столь же неторопливо он стянул сапоги, снял чулки и штаны, встал, потянувшись во весь рост и давая возможность любопытной сильфе разглядеть себя.

Она и не думала отворачиваться или таять в воздухе. Смотрела. С интересом, но без удивления или излишнего любопытства. И ему пришлось дать себе мысленного пинка, что не девица она. Давно. Совсем. И с чего он вообще решил перед ней красоваться? Досадую, он упал на кровать и, закрыв глаза, дал себе команду погрузиться в сон. Столь полезному навыку жизнь давно научила.

А проснулся от резкого пронзительного звука рога. Далекого, но так отчетливо слышимого.

— Вот и все, — прошептала сильфа, встретившись с ним глазами. — Прощай.

Она вскинула руки, словно безвольная пленница, пойманная арканом, и, на глазах теряя человеческий облик, спиной вперед вылетела в окно. И лишь на грубом дощатом полу еще несколько секунд красовался оброненный ей букетик фиалок. Затем без следа растворился и он.

— Идем, Роззи, идем, все потом, успеешь еще насмотреться, — мой демон неумолимо тянул меня за руку сквозь бесконечную анфиладу воздушных залов с огромными, открытыми всем ветрам окнами. В эти окна то и дело залетали и вылетали те, кого здесь именовали сильфами — призрачные создания различной степени проявленности: кто-то был просто бледной белесой тенью, кто-то имел узнаваемые человеческие очертания, кому-то были не чужды краски в облике и одежде. В основном это были девушки. Нет, не так — те, кого я могла разглядеть, были девушками, молодыми, прекрасными и любопытными. Они кружили вокруг нас, беззастенчиво разглядывая меня, неизменно задевая краями своих одежд Лиса, и все напевали:

— Герлистэн, Герлистэн, ты вернулся, ты пришел... Познакомь, познакомь... Красивая... Милая... Живая!.. Она живая, живая, теплая...

— Брысь, — непочтительно отмахивался он, — Все потом.

И я то бежала за ним, то летела, не успевая переставлять ногами.

Наконец, он свернул на узкую лестницу куда-то вниз, под землю, и сильфы оставили нас, словно наткнувшись на невидимую преграду.

— Герлистэн, Герлистэн... — шелестело нам вслед. — Он повел ее туда, туда-а...

— К-куда «туда»? — как-то мне все это не слишком нравилось. — Лис? Или мне тоже теперь следует называть тебя Герлистэном.

— Хоть герцогом Александром, Роззи. Сейчас один из тех моментов, когда мне вообще без разницы.

В конце лестницы даже обнаружилась дверь. Тяжелая такая, дубовая, кованым железом обитая. И с большим навесным замком.

— В этом мире призраков кого-то останавливают запертые двери? — удивилась я.

— Да нет, просто красиво, — не останавливаясь, он легко прошел дверь насквозь и утянул меня следом прежде, чем я успела испугаться.

И мы оказались... в купальне?

Да, наверное, это помещение следовало назвать так. Огромным сводчатый грот с круглым бассейном в центре. Светящиеся каменные колонны, похожие на сросшиеся сталактиты со сталагмитами. Ниши в рост человека по периметру стен с дымящимися курильницами в каждой. И бурлящая вода в самом бассейне, от которой шел пар, похожий на дым от курильниц. Было довольно жарко, от ароматов незнакомых благовоний чуть кружилась голова.

— Идем, моя Роза. Не бойся, это хорошее место.

Он прыгнул в воду как был, не раздеваясь. И лишь вынужденно падая в бассейн за ним следом, я вспомнила, что одежд на нем нет, все лишь иллюзия, разноцветный туман. Как и на мне, впрочем.

Вода доходила мне до груди. И обжигала. И при этом вовсе не была водой. Или ею не ощущалась. Казалось, будто мы стоим в клубах горячего тумана, хотя мне и сложно смириться с мыслью, что туман может быть горячим.

— Жжется? — пылливо вопрошает мой демон. Киваю. — Это хорошо. Было б хуже, если бы ты почувствовала лишь холод.

Отпустив, наконец, мою руку, он сложил свои ладони ковшиком и, зачерпнув этой

сомнительной субстанции, осторожно вылил мне на голову.

Я вскрикнула.

— Тише, моя прекрасная роза. Надо просто привыкнуть. Еще немного, — он вновь набрал полные ладони жаркой жижи.

— Н-не надо, — я отшатнулась. — Погоди, я сама, сейчас... Что мне надо этим? Умыться? Политься?

— Ну, желательно — насладиться, — знакомо завибрировал у меня в животе отзвук его невообразимо низкого голоса.

— Боюсь, это... слишком обжигающее для меня наслаждение, — возразила я, отступая от него на шаг. — Что это вообще? И зачем мне так срочно здесь купаться? Это превратит меня в сильфу?

— Что ты, Роуз, разумеется, нет. Разве я не сказал? — удивился Лис. — Прости, моя роза, замотался. Твой дорогой герцог несколько выбил меня из колеи... Это — Источник Жизни, сердце нашей Долины. Он дает силу, укрепляет здоровье, изгоняет болезни. Усиливает биение жизни в любом существе, что к нему приникнет. Источник бессмертия и власти сыттаров, предмет бесконечной зависти сильф... И способ пополнить жизненные силы одной безмерно истерзанной духами герцогини. Способ сохранить тебе жизнь, Роззи, — уточнил он в ответ на мое недоумение. — Не дать тебе потерять себя, прежде времени обратившись в сильфу.

— И чем так плохо быть сильфой? — уточняю подозрительно. — Ты всю дорогу рассказывал, что это прямо-таки замечательно.

— А разве нет? Быть свободной, летать, парить над землей со всеми ее проблемами и условностями?

— Тогда что я делаю здесь?

— Набираешься сил для поездки в прославленный Черный Замок.

— Куда?

— В замок Альк, что достался тебе от матери. Без хозяйки он не откроет свои секреты. Без живой хозяйки. А хозяйка его — ты.

— Ну вот, — стало горько, и я отвернулась и пошла бродить в горячем тумане. Впрочем, особо горячим он уже не ощущался. Приятно согревающим, скорее. — А я надеялась, ты беспокоишься обо мне. Хочешь сохранить мою жизнь просто потому, что она дорога тебе. Я — дорога...

— Роззи, — он тут же догнал и обнял за плечи. — Ты мне дорога, моя нежная, ты бесконечно мне дорога. Но пойми — твою жизнь мы не сохраним. Даже этим. При всем желании. Я сыттар, и каждый мой поцелуй приближает твое перерождение. Да, ты не будешь живой, но в своей не-жизни сохранишь и разум, и память, и чувства. И вечную молодость, и неувядающую красоту. И мой внимание и заботу.

— Но больше всего тебе нужен этот проклятый замок, — я развернулась и взглянула прямо в бездонные провалы его глазниц. — Для чего?

— Чтоб попытаться выиграть приз, моя роза. Чтоб попытаться выиграть приз, — и он поцеловал меня, прекращая все разговоры. Слишком нежный, чтоб я захотела отстраниться, слишком волнующий... привычный... любимый...

Я дернулась, когда он неожиданно погрузил меня в горячую субстанцию с головой, и все же вырвалась из его сладких, но лживых объятий.

— Что ты?.. Ты же говорил... твои поцелуи... забирают жизнь? — я и перепугалась, и

все никак не могла отдышаться.

— Не здесь, Роззи, — он обезоруживающе улыбнулся. — Это единственное место, где они на тебя не влияют. Не тянут из тебя твою жизненную силу, не вливают мою. Просто дарят нежность, — он сделал маленький шаг ко мне, — наслаждение, — еще один шаг, — избавление от тревог. Единственное место, где я могу просто любить тебя, моя ненаглядная.

И он вновь заключил меня в объятия, а я больше не нашла причины, чтобы вырваться. Он целовал, и я отвечала, и целовала его сама, растворяясь в его нежности, уходя с головой в пьянящую страсть, словно в море этого странного горячего тумана. Несет он мне жизнь?.. Или смерть?.. Сохраняет человеком?.. Превращает в сильфу?.. Я не знала, я не могла определить это, понять, почувствовать, и я просто сбегала. Хотелось верить ему, хотелось любить... И забыться в этой любви, в жарком танце невозможных прикосновений.

Наши тела сплетались — истончаясь, уплотняясь, меня очертания, уже не удерживая формы. Мы были двумя языками пламени, свивающимися, проникающими друг в друга, сливающимися в одно и вновь распадающимися на два отдельных создания... Чтоб вновь прильнуть и вновь раствориться друг в друге. Это было безумно, волшебно, пьяняще... Он был бесконечной силой — могучей, подчиняющей, повелевающей моей слабостью. И он овладевал мною — жадно и жарко, пронзая до самых глубин естества, становясь моим внутренним стержнем — во всех смыслах — в этом пугающем море аморфной мягкости, тягучести и изменчивости, в мире бесконечных переливов света, цвета и формы, в бурлящем источнике неведомой мне формы жизни.

В этом странном месте, где форма перестала быть неизменной, все ощущения и эмоции обострились до необычайности, я казалась себе одним оголенным нервом, легчайшее прикосновение доводило до исступления, я теряла сознание, не выдерживая всплесков страсти. Но, стоило мне очнуться, и мы продолжали — Лис продолжал, и я вновь тонула в водовороте сладострастия, не желающая и неспособная остановиться...

— Спи, — помнится, сказал он мне когда-то потом, когда буря эмоций миновала. Когда все эмоции миновали, осталась лишь бесконечная усталость, да сладостная, томная удовлетворенность. — Теперь я за тебя спокоен. Мы вычерпали источник почти до дна, ты знаешь?

Я не знала, глаза закрывались, я уже едва осознавала, где я и что я, хотелось лишь покоя, тишины, темноты. А впрочем, последнее было не важно, я уже спала...

Проснулась одна. В роскошной спальне, так похожей на человеческую: с четкими очертаниями стен, мебели и предметов и еще более четкими ощущениями от них. Постельное белье скользило под пальцами холодным шелком, прикроватные столбики были теплым и твердым деревом, преобразованным искусной рукой резчика. Плитки пола были нагреты солнцем, глядящим сквозь огромные окна.

Или это не комната, это я стала вновь настоящей? Шлепая босыми ступнями по плиткам (и с наслаждением вслушиваясь в звуки собственных шагов) я поспешила к огромному зеркалу... Эммм... Чуть смутилась и резко рванула на себя дверцы стоящего рядом шкафа (его ребристые ручки при этом болезненно врезались мне в ладони, и я почувствовала почти восторг). Одежда в шкафу имелась. Далекая от привычной мне моды — что-то западное, струящееся, полупрозрачное, но при этом многослойное, то есть отнюдь не столь откровенное, как мне показалось сначала. Облачилась, наслаждаясь прикосновениями ткани к коже. Вновь с улыбкой вернулась к зеркалу, покрутилась, любуясь собой, попыталась уложить волосы в простую прическу, имеющихся в наличии шпилек на что-то

серьезное мне бы не хватило.

Непрестанно улыбалась. Лис (даже будучи Герлистэном) не солгал: его источник и впрямь не отобрал у меня жизнь, но вернул ускользающие от меня жизненные силы. Да, конечно, он сказал, что ему просто нужно, чтоб я оставалась живой ради какого-то, одному ему ведомого приза, но все-таки... Ну а что он должен был мне сказать? Высокопарно в любви признаться? Так все равно бы не поверила. Слова — ничто, дела...

— Красиво, — услышался мелодичный голосок от окна.

Обернулась. На широком подоконнике лишнего, как и во всем дворце, рам и стекол окна, сидела белокурая сильфа. Достаточно яркая, ее лицо и одежда еще хранили первозданные краски, однако воздушная и прозрачная, как и все призрачные девы.

— Свет жизни в твоих глазах, — пояснила она в ответ на мой удивленный взгляд. — Флер живого тепла, струящийся вокруг... Здесь давно не было живых.

— А ты? — не удержалась я от вопроса. — Ты была когда-то живой?

Она рассмеялась.

— Конечно. Мы все были. Живыми, любимыми, единственными... Твой господин уже сказал тебе, что ты — Единственная, Избранная, Особенная, Не-Такая-Как-Все-Прочие-Что-Были-Прежде?

— Нет, — я озадачилась. — А что, должен был?

— Ну, обычно они это говорят, когда берут из мира новую жертву.

— Жертву?

— А ты себя кем вообразила, королевной? Так могу разочаровать: ты такая же, как и все мы. Жертва, что приносит Дэус восемь раз за каждое столетье во исполнение древнего договора, чтобы и дальше единолично править этим миром.

Звучало мрачно, но...

— Но я не ощущаю себя жертвой. Скорее — молодой женой. Герлистэн добр и внимателен. Да, у него есть свои... странности, и этот мир — не совсем то, что я ожидала обрести в браке, но ведь я счастлива с ним. Так что мне за дело до Дэуса и его жертвоприношений?

— Возможно, и никакого, — согласно кивнула головкой моя собеседница. — Тогда тебе, наверно, не будет слишком скучно, пока твой «муж» станет общаться с другими своими «женами».

— Другими? — мой голос чуть дрогнул. Я никогда не думала про других.

— Ну да. Ведь он «женится» каждые сто лет вот уже... даже и не помню сколько, — дева легкомысленно пожала плечиками.

— Но сто лет — это больше, чем человеку дано прожить, и...

— И людей здесь нет. А сильфы бессмертны. И сто лет спустя ты будешь бессильно смотреть, как твой Герлистэн приведет другую. Следующую. Очередную, поименованную Единственной. А потом минет еще сто лет, и еще... Ты будешь бледнеть, растворяясь в воздухе, он позабудет твое лицо и имя, но все так же будет менять своих жен, выпивая их досуха и заменяя следующими жертвами Дэуса...

— Зачем ты говоришь мне все это? — улыбаться уже не хотелось. — Ты — его бывшая «жена»?

— Бывших здесь не бывает. Все — действующие, — усмехнулась сильфа. — Ты ведь уже видела их, бесконечным облаком вьющихся над долиной? Сыттаров — восемь, вот и считай. Одна восьмая всех, кого ты видела — «жены» твоего любезного Герлистэна. И каждую из

них он «любил», каждой расточал комплименты, каждой обещал... Что он тебе обещал? Вот то же самое... Но про меня не тревожься, я — не его.

— А чья?

— Разве это важно?

— Не знаю, но... Надо же как-то знакомиться. Как у вас тут принято представляться?

— Да какая разница, что тут принято?! — она так возмутилась, что даже взлетела над подоконником. — Тебя что, все устраивает? Ты так любишь этого монстра, что готова отдать ему свою жизнь и душу, раствориться в толпе его безликих «жен»?

— Но... разве у меня есть выбор?

— Да ты что, совсем глупая?! У тебя есть жизнь! Ты живая еще, ты настоящая! Так не дожидайся, пока станет слишком поздно! Беги! Возвращайся назад, к людям, проси о помощи.

— Но куда мне бежать? Я его жена. Отец лично отвел меня к алтарю, он не примет меня назад, а больше...

— Чья ты жена, девочка? Разве сытара Герлистэна? Разве ему отдал тебя отец?

— Нет... Вернее, да... Отец отдал меня Гэрлистэну, просто он не знал этого, — я совсем запугалась.

— А настоящий твой муж — тот, что пред Дэусом и людьми? Кто носит твою брачную звездочку?

— Настоящий... — я лишь горько вздохнула. — Какой же он «настоящий»? Он меня в жены не брал, он со мной не знаком даже... Как я к нему заявлюсь, что скажу? Да он же мне не поверит — ни единому слову! И хорошо, если просто с крыльца спустит, а не на костер, как ведьму, отправит...

— Ты ему, кстати, жизнь сломала, ты знаешь? — с деланным равнодушием пропела сильфочка.

— Кому? — оторопело уставилась на нее я.

— Мужу своему, — пожалала она изящными плечиками. — Не думала об этом? У него планы были, карьера... Он жениться, между прочим, собирался. А его в храме изменником огласили и двоеженцем. Как полагаешь, какого это?

— Полагаю, неприятно, — согласно кивнула я, вглядываясь в свою гостью внимательней. — Вот только разве это моя вина? Разве я все это устроила? Разве я выбирала его в мужа? Разве от меня вообще хоть что-то зависело? — с каждым новым вопросом я подходила к окну все ближе, и под конец просто уперлась в подоконник, с которого она предусмотрительно слетела прочь, и теперь висела в воздухе метрах в двух от меня. — Так почему же ты обвиняешь в его сломанной жизни меня? Даже ты — хотя утверждаешь, что попала сюда совершенно так же, как я — обвиняешь во всем меня! Так с чего мне ждать, что герцог сочтет иначе? И откуда ты, кстати, знаешь, кто мой муж и чем он занят?

— Следила, — недовольно буркнула она, растеряв былой напор.

— За кем, за нами?

— За герцогом Александром. Что ты на меня так смотришь? Герлистэн твой приказал, вот я и следила.

— Почему это он тебе приказал? — что-то не сходилось. — Ты сама мне сказала, что ты — «не его». А «его» здесь — сотни душ летает. Так с чего бы ему приказывать чужой сильфе?

— Его, не его — какая разница? — раздраженно отозвалась моя собеседница. — Мой

господин твоему что-то задолжал, вот и расплатился моими услугами. А зачем да почему — не дело сильфы вникать в интриги сыттаров. Ты интересуешься совершенно не тем! И думаешь не о том!

— И о чем же я, по-твоему, должна думать? — раз уж она освободила мне подоконник, я решила на нем устроиться. Было высокогато — я, оказывается, была в башне, на одном из верхних ее этажей. Но высота меня не страшила, а вид из окна открывался воистину великолепный.

— О своем муже, — наставительно поведала сильфа. — О своем настоящем муже, который вот уже сколько дней без отдыха ищет тебя по всем дорогам королевства. Разве тебя не учили быть верной женой? Разве ты не знаешь, в чем твое женское предназначение? Ты должна облегчать жизнь своего мужа, а не усложнять ее. Наполнять ее комфортом и уютом, а не проблемами и неустроенностью.

— Но я жена Герлистэна, — отчаянно пыталась я сопротивляться правде ее слов. — Меня ему отдали, мою ладонь отец в его ладонь вкладывал. Я Герлистэну должна быть верна и в делах и в мыслях. Герцог мне не муж, это только фикция! — герцога я боялась. Безмерно, до дрожи в коленях. Одно то, что он глава Тайного Сыска, делало его в моих глазах просто чудовищем. А уж если у него из-за меня и свадьба расстроилась...

— Да не нужна ты сыттару! — убеждала меня неугомонная сильфа. — И не жена ты ему! Собственность! Инструмент для манипуляций! Так хочешь превратиться в ничто? В колыхание воздуха, в дуновение ветра?.. А герцог тебя спасет! У него есть доступ в архивы Храма, он знает уже все о сыттарях, он избавит тебя от участи сильфы!

— Разве это еще возможно?

— Конечно! — с готовностью кивнула она. — Пока ты жива — все возможно. Но живой ты останешься здесь недолго. Потому — спеш! Спеш! — резко вспорхнув в сторону, она метнулась в толпу пролетающих мимо сильф и исчезла из виду.

В ту же минуту дверь за моей спиной распахнулась, и вошел сыттар. Мой сыттар. Герлистэн. Одет он был в такие же длиннополые, многослойные одежды, как и у того сыттара, что встречал нас. И даже нелепый тканый валик на голове имелся.

— Любуешься видами? — подойдя, Лис мягко обнял, целуя в шею.

— Думаю, — отозвалась, стараясь не реагировать на его нежность. — Если я сейчас спрыгну — я упаду или полечу?

— Упадешь, хоть и не разобьешься. Но ударишься больно. Человеческого в тебе сейчас достаточно много, твоя воздушная часть сумеет лишь чуть замедлить падение. Поэтому лучше не пробуй, ладно?

— Да я не хотела, просто... На всякий случай.

— Я понял, — он тоже взобрался на подоконник и уселся рядом, свесив наружу ноги. — Знаешь, мне многое не нравится в этой долине, но я никогда не уставал любоваться ее красотой, — поделился Лис, осторожно беря меня за руку и переплетая свои пальцы с моими. — Она впечатляет, верно? И в тысячный раз, как в первый.

— Наверное. Я пока не знаю, впечатлит ли меня этот вид, когда я увижу его в тысячный раз, но сейчас... Да, красиво. И мне, наверное, даже не жаль, что я сюда попала и все это увидела. Вот только... Скажи, в мне обязательно становится сильфой? Просто... Может, есть какой-либо способ, чтобы мне остаться человеком?

— Увы, моя роза. Если только...

Я взглянула с надеждой.

— ...Заставить богов изменить их божественные законы, — продолжил он с невеселой усмешкой. — Как думаешь, сумеем?

— Смеешься, — я попыталась скрыть разочарование, но, наверно, не вышло. А я ведь так надеялась, что он мне не врет. Что он подтвердит слова той сильфы. Возможно, я бы даже... Нет, глупости. Он сыттар, у него свои планы, свои интриги. Я ему — инструмент.

— А ты помнишь по именам своих прежних «жен»?

Он взглянул с удивлением:

— Конечно. С каждой из них я прожил сто лет. Думаешь, это мало? Полагаешь, это можно забыть? — он несогласно покачал головой. — Это больше, чем прожил в браке любой человек. Это больше, чем люди вообще живут... И где-то к концу этого срока личность стирается, видно не выдерживает больше, чем заложено природой. Даже с учетом перерождения — не выдерживает... — он казался задумчивым и печальным.

— Это потому они такие прозрачные и бесцветные?

— Да, моя Роззи. Чем старше, тем меньше индивидуальных черт они сохраняют... Не ты учти, это возраст, который измеряется столетиями. Тот, что за сроком человеческой жизни, — он нежно обнял меня за плечи, притянул к себе. — А первые сто лет жизни сильфы — это столетие молодости, красоты, энергии, силы. Ты не только многое можешь из того, что людям недоступно, но и многое хочешь. Тебе сейчас не понять, но это важно — хотеть. Пока ты желаешь — ты существуешь. Ты настоящая, даже если отныне ты легче воздуха. Желай, моя Роззи! А я буду с тобой. Все эти сто лет я твой, моя маленькая герцогиня, тебе не стоит во мне сомневаться, — Лис мягко поцеловал меня в висок, ласково провел рукой по волосам и вновь обнял, бережно прижимая к своему телу. — Ты ведь слышишь, как они зовут меня, Роззи? — продолжил с невеселой улыбкой, кивнув на мелькающих в отдалении сильф. — Видишь, как вьются вокруг? Они уже мало осознают себя, еще меньше способны помнить, их разум почти угас... Но если бы я обижал их, Роуз, если бы предавал, причиняя боль, разве сохранили бы они в своем почти небытии столь искреннюю симпатию ко мне?.. Нет, белая моя роза, это было бы невозможно. Чем древнее сильфа, тем менее свойственно ей притворство. Они бесхитростны, словно порывы ветра, а в их душах царят отзвуки тех эмоций, что владели ими когда-то. Самых искренних, самых сильных...

— Но я говорила с одной из них. Прекрасно она себя помнит. И вовсе не лучится любовью к сыттарам. И благодарности за свою новую жизнь отнюдь не испытывает.

— Уже говорила? — удивился Лис. — И когда успела только? На минутку, вроде, оставил... Как ее имя, она сказала?

— Не захотела. Зато рассказала, что ты посылал ее шпионить за герцогом Александром.

— Анабель, — спокойно кивнул Герлистэн. — Которую братец Ландалиан давеча разыскивал. Выходит, уже вернулась. Ну вот, а он тревожился... Да, посылал, моя роза, — подтвердил он ее слова. — Но не совсем шпионить, скорее заинтриговать... Впрочем, неважно. Анабель очень юная сильфа, ей лет двадцать где-то... Прошло с тех пор, как она стала сильфой, я имею в виду, — пояснил сыттар. — Человеческий возраст мы не считаем. И — да, она прекрасный пример того, что я рассказывал: первые сто лет сильфа — личность. Практически человек, но с нечеловеческими способностями. А что до ее нелюбви к сыттарам, так она не моя, а за всех сыттаров я не в ответе. Тут как с замужеством, Роуз. Кому-то везет, кому-то нет.

— С замужеством... — задумчиво кивнула я, вспоминая слова той сильфы. — Скажи, а

по закону... по божественному закону, в глазах Дэуса... я все-таки жена герцога? Или твоя?

— В глазах Дэуса? Разумеется, герцога. Это ж Дэус. Он чтит букву... Но ты ведь помнится, решила жить не по букве, а по духу. А с этим не к Дэусу, с этим — к Дэе. Вот в глазах богини ты была бы моей.

— В глазах Черной богини? Нашел, чем обрадовать. Она же проклята, она несла абсолютное зло!

— Так уж и несла? — он лишь посмеялся. — Ну и рассказывают же нынче сказки о временах ушедших!.. Ладно, не будем спорить о богах, моя прекрасная роза. Идем, я лучше покажу тебе твой новый дом, познакомлю со всеми. А то с утра я был непростительно невежлив, — и он утянул меня обратно в комнату, чтобы вывести через дверь и показать дорогу в другие помещения дворца.

Как объяснил мне Лис, башня, где я очнулась — его личные покои. Здесь восемь сыттаров — и восемь башен, по одной на каждого. В башню сыттара можно проникнуть лишь по его личному приглашению. А вот соединяющие башни залы, галереи и сады считаются общими, они доступны для всех обитателей долины.

— А все твои сильфы — они, как и я, живут в твоей башне? Или... в башню ты селишь только последнюю, а когда берешь новую — предыдущую выгоняешь прочь, в общие залы?

— Я никого не выгоняю, Роззи, что за страхи? — он нежно обнял меня, поцеловал в висок. — Мой дом — их дом. Твой дом. Всегда... Другое дело, что с годами... десятилетиями... столетиями... человеческие привычки уходят, человеческие потребности забываются. Все эти лестницы, двери, столы, кровати уже не кажутся ни нужными, ни удобными. Кажется приятнее спать в облаках, нежиться на ветру, искриться в каплях дождя... И выделенные некогда сильфе покои пустеют... А потом обзаводятся новой хозяйкой.

— Как это жутко, — я почувствовала, что меня колотит озноб. — Ты словно привел меня в место для умирающих. В такую больницу, откуда выход лишь на тот свет. А теперь рассказываешь, как именно я буду здесь умирать. Как все они здесь умирали.

— Роззи, милая, да о чем ты? Я говорю не о смерти, я говорю о перерождении. О вечной жизни, новых возможностях...

— Но я не хочу такой жизни, Лис! — воскликнула отчаянно, сжимая его пальцы. — И даже новых возможностей. Потому что я не хочу терять память, разум, становиться просто порывом ветра! Безликим, безымянным, безумным...

— Через сто лет, Роуз. Это случится только через сто лет, — попытался он меня успокоить. — Осталась бы ты человеком — ты бы столько даже не прожила. Состарилась бы, умерла от болезней. А что потом, Роззи? Полное небытие уже лет через шестьдесят в лучшем случае. Разве это лучше?

— Не знаю, — я зябко поежилась. — Я, наверное, очень приземленная девушка. Мне всегда очень простых вещей хотелось. Мужа, которым я могла бы гордиться. Детей. Достаток в доме...

— В моем доме ты никогда и ни в чем не будешь нуждаться.

— Потому что с каждым днем мне будет нужно все меньше? — усмехнулась невесело. — Это не совсем то же самое... А еще я всегда хотела, чтоб мой муж был только моим. Чтоб я была его единственной женой, а не очередной... даже не женой — временной любовницей, до тех пор, пока не выйдет мой срок, и в моих покоях не поселится новая жертва, выдержанная, как и я, из привычного ей мира.

— Да ты ненасытна, моя маленькая Роззи, — он лишь улыбнулся. — Ста лет моей любви тебе мало, ты хочешь вечность.

— Я согласна и на шестьдесят. Лишь бы только знать, чувствовать, что это действительно любовь. Что за твоими улыбками, масками, превращениями есть что-то настоящее, незыблемое. Что все это не игра ради приза из Черного замка...

— Тебя пугает видимая изменчивость? Я уже говорил — не смотри глазами, — он остановился и обнял меня, притянув к своей широкой груди. — Закрывай глазки, Роззи, вот так... Постарайся не думать, просто чувствовать... Тебе ведь тепло со мной? Спокойно? Тебе уютно, когда я тебя обнимаю?

— Сладкая смерть, — прошептала, не открывая глаз и не размыкая объятий. — Вот что ты такое, Лис: сладкая смерть...

— Что-то ты совсем у меня расклеилась, — он нежно поцеловал меня в лобик и отпустил. — Идем, познакомлю с девочками. Самые юные в это время обычно кружат вокруг бассейна.

Мой сыттар подхватил меня на руки и понес — еще по коридорам, но уже оторвавшись от земли и не перебирая ногами. Свернул в арку, вылетел в сад, перелетел кусты, стриженные, будто изгородь. И опустился на широкой зеленой лужайке, в центре которой действительно был бассейн.

Вода плескалась и пенилась, воздух наполнился голосами и смехом, сильфы резвились. Трое или четверо были в воде, еще несколько — на берегу: кто сидел на краю бассейна, покачивая ножкой, кто кружил над водою в воздухе. А в самом центре бассейна стоял сыттар с волосами сине-зелеными, словно вода, из одежды на котором я смогла разглядеть лишь плотную повязку на глазах. Разводя в стороны руки, он пытался поймать хоть одну из кружащих вокруг прелестниц. Тоже, кстати, не слишком сильно одетых. Временами ему это удавалось, но красавица тут же растворялась туманом, чтобы со смехом возникнуть уже в отдалении, оставив в руках сыттара лишь какую-то часть своих одежд: кто поясок, кто веночек, кто ленту, кто бюстик — у кого что осталось. Сыттар невозмутимо откидывал добытый предмет на бортик бассейна, где возвышалась уже значительная кучка добытых им трофеев, и вновь приступал к охоте на веселящихся бесстыдниц.

— Привет, красавицы! — привлек их внимание Лис, дав мне какое-то время полюбоваться действием. — И тебе, красавец, хорошего дня!

— А у меня он уже хороший, — воспользовавшись тем, что все отвлеклись на Лиса, сыттар в бассейне резко метнулся в сторону и поймал зазевавшуюся сильфу. Судя по ее смеху, она не слишком сильно расстроилась. И совсем не смутилась, когда его ладони накрыли ее обнаженную грудь прямо на глазах у всех присутствующих. Присутствующих, впрочем, тоже ничего не смущало. — Смотрю, ты привел нам новую подружку? Присоединяйся, малышка, с нами весело! — словно в подтверждение его слов пойманная им девица взвизгнула и со смехом исчезла, оставив в его руках собственные волосы — ничего более на ней попросту не было.

— Нечестно! — тут же возмутился сыттар.

— А это был парик, — заявила прелестница, появляясь в воздухе в двух шагах от него, по-прежнему с волосами — но уже не черными, а рыжими.

— Парик, парик, — согласно захихикали остальные. — Ты должен ловить еще!

— Ведь жульничаете же! — покачал головой сыттар, снимая повязку и прожигая меня провалами своих бездонных глаз.

— Мы? Никогда! — сильфы вновь весело расхохотались, и даже сомнений не осталось — жутьничают. Всегда. И сытгара это устраивает.

— Знакомься, Роззи, мой брат Редириан, любимец сильф и русалок, — Лис, наконец-то нас познакомил.

— Очень приятно, — вежливо кивнула зеленоволосому. — А здесь есть и русалки? — заинтересованно обернулась к Лису.

— Увы, нет, — делано печально вздохнул мой господин и повелитель. — Но если бы были — обязательно бы влюбились.

По лужайке вновь прокатился залиvistый смех. Редириан бросил в братца свою мокрую повязку. Тот поймал, покрутил в руках.

— Что, предлагаешь мне занять твое место?

— Да, да, Герлистэн! — тут же обрадовались сильфы. — Поиграй с нами, поиграй!

— Не-не-не, этак ты у меня всю их любовь отнимешь! — немедленно воспротивился Редириан. — И вообще, тебя еще братец Касавьен с отчетом ждет. А ждать он, ты же знаешь, не любит... Иди-иди, а я уж за девушкой пригляжу, — тут он выбрался из бассейна нам навстречу, заставив меня жутко покраснеть — одежды на нем действительно не оказалось совсем. — О, прошу прощения, моя нимфа, нравы здесь вольные, а гости из внешнего мира бывают так редко, — выхватив из рук Лиса свою тряпку, он небрежно повязал ее вокруг бедер. — Так лучше?

— Немного, — руку Лиса я отпускать не спешила. — И насколько вольные нравы? Я что... я обязана с каждым твоим братом тут так... резвиться? — попробовала выяснить у своего недомужа.

— Ну откуда обязанности, Роуз, это просто отдых, — мягко улыбнулся мне Герлистэн. — А одежды — в мире воздуха это так несущественно. Здесь даже тела порой несущественны, ты же видишь. Так что это скорее игра в телесность, чем телесные игры. Хочешь — играй, не хочешь — лети куда-то еще...

— Играй, — зазвенело вокруг. — Играй, играй, играй! — сильфы (тоже уже прикрывшиеся видимостью одежд) окружили нас, настаивая на более близком знакомстве.

— В самом деле, Роззи, не стоит так сразу пугаться. Остаься с девочками, пообщаетесь, — поддержал их Лис. — А братца я заберу. Ему тоже не помешает послушать то, что я собираюсь сказать Касавьену. Не целыми ж днями хвост в бассейне отращивать.

И они ушли, бросив меня среди сильф, а я несколько оторопело смотрела им вслед, отмечая, как фигура Редириана на ходу обрастает приличествующей сытгару длиннополой многослойной одеждой, и даже валик вокруг головы появляется.

- Марго.
- Диана.
- Ребекка.
- Адель.
- Мари...

Они кружили вокруг — любопытные и веселые, развевая ветром мои одежды, норовя прикоснуться, погладить, засыпая вопросами. Кто я, откуда, о моей семье, о людях, которых я знала и не знала, о местах, в которых была и в которых никогда не бывала... Как-то незаметно одежды на мне осталось немного и они все же увлекли меня в бассейн. Правда, теперь, когда мужчины ушли, я не слишком-то сильно сопротивлялась. Это было нескромно, но в целом весьма приятно.

Я, разумеется, тоже спрашивала. О том, на что хватало фантазии. Сильф Лиса среди них не было. Самой старшей из присутствующих было где-то за восемьдесят (считать годы она давно перестала). Жизнью своей они были вполне довольны (правда, старшая уже не помнила, где и как жила до того, как попала в долину). О прошлом не слишком сучали (хотя — сучали ведь, иначе откуда вопросы). О сыгтарах говорили немного. Я узнала, что Ридириан — веселый, Ландалиан — строгий, Касавьен — серьезный, Герлистэн — насмешливый. С последним спорить было бы трудно, так что пришлось и остальное принять на веру.

Вообще, вопросы им задавать было сложно. Вот веселиться, дурачиться — это да. Они легко и естественно приняли меня в свой круг и вели себя так, будто всю жизнь меня знали. А вот нить беседы... возникало чувство, что они просто не могут долго удерживать внимание на чем-то одном, оно порхало у них, словно бабочка, от предмета к предмету. Для них было естественно задать вопрос и потерять интерес к ответу. Видимо, это усиливалось с возрастом, но я пока не очень разобралась, кто здесь кого старше, их было слишком много, они мелькали — кто-то неожиданно покидал нас, растворяясь в воздухе или уносясь куда-то ввысь, кто-то столь же неожиданно появлялся и включался в веселье. Не здороваясь, не прощаясь, они кружили по долине, легкомысленные и беззаботные, словно дети. Будто став сильфами они не только перестали взрослеть, но действительно откатились назад, в некое подобие счастливого детства, правда, судя по тому, что я видела — обильно сдобренного эротикой.

Из бассейна они утянули меня в воздух. Летать самой было мне в новинку, и потому немного страшно. Все же летала я в своей жизни только однажды, причем — крепко держа Лиса за руку. Но новые подружки, смеясь и весело щебеча, дали мне несколько уроков, а затем устроили веселую игру в догонялки. И у меня просто времени не осталось переживать о том, чего я не могу, боюсь и не умею. Надо было убегать, а потом, наоборот, ловить, совершая вслед за сильфами, умопомрачительные виражи и кульбиты.

Через какое-то время, полностью выдохшись, я сидела у края бассейна и уже просто наблюдала за их беззаботными играми. И тогда появилась она. Та самая сильфа, Анабель.

— Развлекаешься, значит? Решила меня не слушать? — укорила тихо, опустившись рядом. — Променяешь жизнь на лживые речи и воздушные крылышки?

И так не вязалась ее серьезность с всеобщей веселостью.

— Даже если и так — что тебе с того за печаль?

— Мне? Мне нет печали, я сильфа, — она опустила в воду изящную ножку в полупрозрачной шелковой туфельке и резко качнула ей, поднимая фонтанчик брызг. — Свою первую жертву я убила уже давно, а последнюю убью еще не скоро. Впрочем, можно и не убивать, а просто тянуть у них жизненные силы — долго-долго-долго... Правда, в конце они все равно умирают. Но с этим что уж поделаться, верно? — она вновь качнула ножкой, устроив всплеск, и улыбнулась мне светло и безмятежно.

— погоди, какие убийства, какие жертвы? — мгновенно напряглась я. О подобном речи не шло и близко. — Разве сильфы... убийцы? — на этом слове горло перехватило. Вновь вспомнился Лис с ледяным копьём в руке, и тело, грузно падающее на ступени...

— Сильфы... — протянула она, скривившись. — Это просто так говорится. Сыттарам нравится так называть нас в память о тех временах, когда они были свободны. Тогда их и впрямь окружали сильфы — прекрасные и беззаботные дети воздуха, спутники Вольных Ветров... — она мечтательно улыбнулась, задумавшись на миг, но тут же резко ударила мыском ноги по воде, словно сердясь на себя за эту задумчивость. — Мы — не они, мы их подобия, пародия, — поведала она мне с горечью. — Мы — лярги, темные злые твари, тянущие жизненные силы у своих жертв. Присосавшись к ним, мы пьем, и не можем насытиться, потому что пьем не в себя — все уходит сыттару. Накормишь его хорошо — в благодарность получишь кусок его силы, что поддержит силы в тебе. Не накормишь... а как не накормишь? Он прикажет — и ты повинешься, — резко закончив баловаться с водой, она развернулась и взглянула на меня с мрачной усмешкой. — Все еще хочешь стать «сильфой»? Давай, это, в общем-то, просто: сначала ты убьешь герцога. Да-да, того самого, герцога Александра, своего мужа, чьей верной женой ты у алтаря обещала стать. Делать тебе ничего не надо, тут вообще главное — ничего не делать: привязка работает, силы тянутся. Ты даже и не заметишь, как он умрет. заметишь ты другое: в тот же миг ты станешь сильфой. Полноценной — как я, как они. И уже не живой.

Я нервно сглотнула. Как-то это... совсем не то, что рассказывал Лис. умереть самой, перевоплотившись в воздушную фею — ну, ладно, возможно, это не очень страшно. Они же так существуют... веселятся даже. И Лис... и мои с ним сто лет... Но убивать... убивать людей ради того, чтоб бездумно порхать здесь в воздухе...

— А вот дальше станет сложнее, — мрачно продолжала Анабель, не сводя с меня взгляда. — Дальше жертву надо будет искать, привязку к ней создавать, и жертву регулярно и осознанно «доить» — само оно не пойдет. Конечно, первое время жертвы тебе будет указывать сыттар. И помогать... советом и предложением. Но входить в сны своих жертв ты будешь сама. И соблазнять их, распаяя чувственными ласками, ты тоже будешь сама, и доводить до изнеможения порочной страстью ты тоже будешь...

— Но я не буду! — воскликнула я, перебивая. — Я ничего этого не буду, я не желаю!..

— Бу-удешь, — протянула она с неприятной улыбкой. — Ты просто еще не знаешь, что значит голод. Настоящий, безграничный, скручивающий... И приказ господина. И его обещание кусочка силы... И ты пойдешь, побежишь, полетишь — и будешь! Все, что потребуется, так, как угодно... Измотаешь и убьешь одного — перейдешь к следующему — потом еще, снова... Это как сон — его сон, твой сон, он потом забывается, память удерживает лишь обрывки — но ведь сон повторяется, повторяется... в общих чертах ты все же запомнишь. Правда, тебе станет уже не важно — ну, подумаешь, сдох очередной сладострастный извращенец. Смешной — он молил тебя о любви! Разве лярги могут

любить? Только брать, ведь люди для того лишь и созданы, чтоб доить их...

— Нет! Нет-нет, так не будет, ты врешь мне! И Лис не станет, он никогда...

— Но ведь он так питается. Он так делал с тобой, и ты для него будешь делать так же с другими. А ты что же, думала, он любил? Нет, малышка, он ел, — любезно пояснила мне моя собеседница. — А сюда он тебя привел — для того, чтобы просто познакомиться с другими? Или для того, чтобы они научили тебя плясать без одежд? — озадачила она меня новым вопросом. — Чему они станут учить тебя, когда с первым этапом освоишься, рассказать? Или сама попробуешь догадаться?

— Прекрати! Хватит! Хватит! — я не выдержала, вскочила на ноги, бросилась прочь. Куда-то убежала, забила в угол, долго рыдала, не в силах прийти в себя от подобных известий. Потом пыталась успокоиться и все обдумать. Сравнить слова Анабель с намеками и недомолвками Герлистэна. И вновь рыдала, от того, что сходилось.

— Тяжело? — разумеется, он нашел меня. Закончил беседы с братьями — и нашел. Поднял с пола и нежно обнял. Все такой же — ласковый... Ласково убьет меня и столь же ласково научит убивать других...

— Это правда? Скажи мне, это правда? Герцог умрет?

— Едва ли он планировал жить вечно.

— Не смейся сейчас! Не переводы разговор, я прошу! Он умирает? Я убиваю его?

— Я убиваю его, моя Роззи, — Герлистэн отозвался непривычно жестко. — И я убью. Намеренно и осознанно. И его, и еще многих из тех, кто именуется себя Рыцарями Дэуса. Убил бы и Дэуса — вот за все вот это. Но, увы, он бог, до него мне не дотянуться.

— Какой кошмар! Это все из мести? Ты зол на Дэуса и за это убиваешь его верных?

— Не вникай в это, Роуз, не стоит. Разборки высших не для испуганных юных девочек. Что тебе тот герцог? Вы даже с ним не знакомы. Он пройдет свой путь, ты — свой.

— Но я не хочу так, Лис! Я так не хочу! Чтобы он умирал от того, что я тяну его силы! Чтобы другие умирали! Чтобы я...

— Ну, все, успокойся, не надо, — он мягко погладил по волосам, поцеловал в лобик. — Слишком много впечатлений для первого дня, слишком много ненужных знаний... Зря они тебе рассказали. Рано. Идем, — он чуть отстранился и протянул мне руку. — Займемся лучше тем, что точно тебя порадует.

— Я уже не уверена, что такие вещи остались.

— Остались, Роззи. Хорошее всегда остается. Надо только уметь его видеть.

И он повел меня — переходами, галереями, дворами, садами... Там было красиво. Наверно, там было красиво. Там везде красиво. Только я уже не смотрела. Не любовалась. Не могла любоваться. В глазах стояла пелена слез, в душе клубился непроглядный мрак, сердце сжималось от отчаянья и безысходности. Сказочно-прекрасная долина, беззаботные воздушные феи, вечная молодость, красота... А ценой всему — смерть, смерть, смерть. Я — чудовище. Я приговорена стать чудовищем. Только разве я на такое согласна?..

— Смотри, кто у нас здесь... Роз-зи! — Лис отчаянно пытался привлечь мое внимание.

— Что? А, да, очень красиво... — за очередным окном открывался очередной головокружительно-прекрасный вид, но едва ли это было тем, что могло бы меня сейчас обрадовать.

— Красиво? Роззи, да ты не смотришь совсем! А кто утверждал, что лошадок любит? Кто переживал, что мало в детстве катался? Кто верхом стремился весь свет объехать? Ну-ка, смотри, кто у нас там пасется?

— Кони... — я, наконец, разглядела. — Кони...

Лис что-то еще говорил мне, я кивала, не слишком вникая в смысл его слов. Кони... Я вспоминала, как мы скакали во весь опор — на перевал, а дальше... А дальше мы летели: я — сильфа. Та, что проходит сквозь стены. И, наверное, сквозь людей... Призрак, морок, не больше... Я для людей теперь — не реальна...

— Держи, моя Роззи, — Лис протянул мне пару дамских перчаток, отвлекая от невеселых раздумий. — Это тебе.

— Перчатки? — удивилась я, принимая. Белая лайка была прохладной и гладкой на ощупь. И какой-то удивительно настоящей — более плотной, что ли, чем все то, что окружало меня в долине.

— Ты ведь уже знаешь, зачем они?

— Догадываюсь... — вспомнились его руки — неизменно в перчатках, даже когда на теле одежд не оставалось. И как он эти перчатки снимал: одну — чтоб удержать бестелесную меня, но остаться материальным, и две — чтоб улететь бесплотным духом. То есть, если их одеть... — Ты хочешь сказать, что я вновь?.. Что я стану?.. Что я смогу?.. — заволновалась я, сжимая в руках его подарок. — И ты вот так просто мне их отдаешь?

— Да, моя белая роза. Ведь это и есть сейчас твое самое главное желание, верно? Хоть ненадолго вновь стать человеком? — улыбнулся Лис на мои восторги. — Становись. Но помни — это продлится недолго. Дня три-четыре. Может быть, пять. Пока не растратишь силу источника. А потом не помогут даже перчатки...

— И?.. Что случится потом?

— Станешь вновь бестелесной сильфом. Воздушной и свободной. И снова сможешь летать, — он все улыбался, глядя на меня, так привычно лаская взглядом. А вот я... Я улыбнуться ему в ответ уже не могла. Я думала только о том, сколько времени потребуется мне, чтобы доскакать до перевала. Конечно, быстрее долететь. А перчатки надеть потом. Но одежда! Надев перчатки, я окажусь абсолютно голой, а не надев — не смогу даже в руки взять человеческую одежду.

— Надевай, моя Роззи, не стоит раздумывать, — подбодрил меня Лис. — Время идет, силы тают. Так давай заберем от жизни все, что можно, и не станем тратить ее на слезы и раздумья!

— Лучше сожалеть о том, что сделал, ты полагаешь? Чем о том, на что так и не решился? — попыталась я улыбнуться ему в ответ. И надела перчатки — одну, а затем и другую.

И мир вокруг оказался лишь разноцветным туманом — зыбким, нечетким, и я провалилась в него, с головокружительной скоростью полетев вниз, сквозь все призрачные этажи этой призрачной башни. Растерялась, закричала от ужаса. И конечно же, он меня поймал. Мягко подхватил на руки почти у самой земли и поставил на землю.

Не Герлистан. Лис. Мой бессовестный конюх в пропахшей лошадьми линялой рубаше и затертых до дыр дешевых штанах.

— Кажется, герцогиня вновь не позаботилась о наряде? — знакомые синие глаза глядели из-под спутанных черных прядей с позабытым уже нахальством. А улыбка, с которой он осмотрел мое обнаженное, как и ожидалось, тело, была откровенно вызывающей.

Полагаю, ему хотелось меня взбодрить. А я почувствовала, что у меня вновь катятся слезы. Лис... Мой конюх, похитивший герцогиню... И ведь я была согласна идти за тобой... за конюхом. Но вот за сыттаром... Я не убийца, Лис, я не согласна. Даже за сто лет твоих

улыбок...

— Ну, не стоит так расстраиваться, ваше высочество. Специально для упавших мне с неба герцогинь я всегда храню под рукой вот это, — и он широким жестом указал на стоящий чуть в стороне от нас знакомый сундук. Так вот он где, оказывается! Просто стоит на земле... в одном из помещений нижнего этажа, я полагаю. Поскольку наверх его никак не поднять. — Полагаю, здесь найдется, во что вас приодеть.

Ну, еще бы! Волшебный сундук, в нем всегда все находится. Я выбрала амазонку. Ту самую, в масть коня и под цвет глаз графа Герхарда — черную с зеленой отделкой.

— Именно ее? — удивился Лис. — Там есть и другие. Разве достойно герцогини надевать дважды одно платье? Подумают, я плохо тебя содержу.

— На кого подумают, Лис? На графа Герхарда? Или на герцога Александра? — возразила с усмешкой, натягивая белье. — В любом случае, не на тебя. Так о чем печаль? — не объяснять же ему, что именно в этом платье я последний раз была живой, настоящей, счастливой, преисполненной надежд! Он либо и сам понимает это прекрасно, либо и с объяснениями не поймет.

— Черный несколько мрачен, — пожал Лис плечами, отступаясь.

— Если только для бала, а я не туда. Застегнешь? — надев амазонку, я повернулась к нему спиной.

— Как прикажете, моя герцогиня.

Застегнул. И неожиданно крепко обнял.

— Ты чего? — не расположена была к объятиям, но замерла в кольце его рук, опасаясь вздохнуть, шевельнуться. Мой герцог, мой граф, мой конюх. Мой Лис... Как же жаль... — А кто мне поседлает коня? — отбросив ненужные сожаления, я вновь настроилась на поездку.

— У тебя есть личный конюх, а ты еще спрашиваешь? — отпустив меня, он снял со стойки седло, бросил сверху потник и попону, прихватил уздечку.

— «У вас», — поправила я его, прикалывая к волосам изящную шляпку. — Я, все-таки, твоя герцогиня.

— У вас, — легко согласился он, включаясь в игру. — Прошу вас, ваше высочество. Следуйте за мной.

А потом я стояла посреди луга и держала коня за уздечку, пока он затягивал подпруги. Или наоборот — держалась за уздечку, поскольку конь никуда не рвался. А мне вновь хотелось расплакаться.

— Ты поедешь со мной? — спросила у Лиса.

— Может быть, в другой раз, — отозвался он, расправляя стремяна. — Сейчас я немного занят. Слишком много вопросов накопилось за время моего отсутствия. Давай посажу, — он легко подкинул меня в седло. — Сегодня не уезжай далеко, хорошо? Просто погуляй, осмотри окрестности, вспомни ощущения. А уж завтра мы с тобой в дальнюю дорогу отправимся.

— В Черный замок?

— Да, моя Роззи, в Черный замок, — он взглянул непривычно серьезно. — Без тебя — без живой тебя — он своих секретов не откроет. Ни мне, ни кому другому.

— И что же там за секреты?

— Это можно узнать только внутри, — он чуть легкомысленно пожал плечами. — Ну, все, удачной прогулки! А то меня братья развеют по ветру, ежели не вернусь немедленно.

— Надеюсь, что не развеют, — отозвалась, тихонько трогая коня. — Ты мне дорог

живым, если это слово к тебе применимо, конечно.

— Остановимся на слове «дорог», — он ожидаемо улыбнулся. — И, Роззи, — окликнул, когда я отъехала уже на десяток шагов.

— Да?

— Если что-то случится — упадешь, собьешься с пути, встретишь лихих людей — просто сними перчатки. Как можно быстрее. И лети. Хорошо?

— Да, конечно... Да ты не волнуйся — я недалеко.

— Я знаю, Роззи, — он развернулся и отправился назад — туда, где неясным туманным маревом возвышалась громада сыттарского замка. А я сорвалась в галоп. Прочь, не оглядываясь и как можно быстрее. Вновь появились слезы. Это было больно — нестись вот так, прочь от него, понимая, что обратно мне уже не вернуться. Что я сделаю для этого все. Что при следующей встрече мы, возможно, будем врагами. Или не будет уже этой встречи. Но иначе я не могла.

Я могу согласиться на многое, меня хорошо воспитали. Я могу выйти замуж за незнакомца, ибо такова воля отца. Могу отдать ему самое сокровенное через час после знакомства... да что там, еще прежде знакомства, и не сокрушаться об этом — ведь он мой муж, подчиняться ему самим Дэусом заповедано. Могу принять в качестве мужа многоликого духа, могу согласиться идти с ним его дорогой, позабыв о своей — ибо в природе женщины повиноваться мужчине, следовать безоглядно за мужем своим, кем бы он ни оказался. Даже жизнь потерять... преобразить... преобразиться — как угодно, пожалуйста. Жене жизнь положить за мужа и по малейшей прихоти его со смирением должно... Но убивать... стать чудовищем, монстром... Я не могу, это немыслимо!

Где перевал, я помнила смутно. Вот та седловина. Кажется. Или за ней. Оставалось надеяться только, что конь меня вынесет. Он же умный. Ну, про коней так всегда говорят — что они умные, и способны сами находить дорогу. Ага-ага, а еще знают, куда поставить ногу и не спотыкаются никогда... Сказки! Ну какие же сказки!

Гром нашел дорогу в такие заросли!.. А потом еще так навернулся, выбираясь из очередного ручья!.. Нет, не упал, но поскользнулся знатно и на попу присел. Ничего, удержались. Вот только дорогу потом пришлось выбирать уже мне, хватило на сегодня «конячьей интуиции». Не, не конской. Конячьей. Хваленая конская нас бы уже к перевалу вывезла. А так блуждали. У меня с интуитивным поиском дороги дела не намного лучше, чем у Грома, как выясняется. То поедем по гребню, а дальше обрыв, то поедем низом — а там отвесные скалы со всех сторон... Вновь и вновь возвращаюсь, ищу, кружу — нет выхода из кольца этих гор, нет пути к перевалу!

И когда я совсем уж отчаялась, решив вернуться обратно к Лису, а о побеге думать потом, когда он повезет меня в свой вождеденный Черный замок, вновь появилась Анабель. Все такая же прекрасная, изящная, невесомая — настоящая фея воздуха, какой я и представляла их в детстве, читая сказки. Вот только не знала в счастливом детстве, что они воплощение наших желаний лишь оттого, что их цель — заставить желать еще безоглядней, еще неистовей. До края бездны, а то и дальше — до темного дна преисподней. И что коварный сыттар уже выбрал меня для пополнения их рядов.

Впрочем, сейчас цель у Анабель была более чем благородной: она пыталась помочь мне сбежать. Видно, жалея о том, что в свое время ей никто не помог, не подсказал, не направил. А выход есть, она уверяла: он есть!

— Твой настоящий супруг — Рыцарь Дэуса, — объясняла она, летя рядом со мной и

указывая дорогу к перевалу. — Ему доступны Архивы Храма, ему доступны сильнейшие артефакты, созданные в начале времен. Он уже разгадал загадку, он знает, как освободить вас обоих от власти сытгара. Но чтобы отменить совершенный сытгаром обряд, ему нужна ты, без тебя ничего не получится. Беги к нему, скорее! Пока ты еще человек, пока изменения еще обратимы!

— Но куда бежать, Анабель? Как мне его разыскать, где? Да меня к нему даже близко не пустят! Он сиятельный герцог, а я? Ведьма и самозванка?

— Не выдумывай! Ты дочь графа и законная его жена! И потом — тебе же не во дворец. Он сам тебя ищет, полстраны проскакал, с ног сбился. В имении барона Даренгтона его люди уже были, про твое бегство с Летнего бала ему сообщили. Если дальше он сможет двигаться по твоим следам, они приведут его ко входу в долину. Если следов не найдет — отправится в Черный замок по Арранскому тракту. Передвигается он инкогнито, представляется лейтенантом Кимвелом. С ним трое людей, как и он — в мундирах Дайронского полка. Капитан и два рядовых, так что формально — герцог там даже не самый главный. Но в лицо его ты узнаешь, — инструктировала она меня. — Его лицо ты ведь видела?

— Да, меня просветили, — мрачно кивнула, вспомнив первый день своего «замужества». Наш с Лисом первый день. Сказочный, как и любой день, проведенный с ним. Он умел превращать мои дни в сказку. Почему же теперь я бегу прочь? Почему мне нельзя остаться с тем, кто дорог?.. Нельзя, увы, нельзя! Ради призрачной мечты нельзя становиться нечестью! Нельзя брать на душу грех убийства! Я не чудовище, Лис! И я им не стану!

— Значит, найдешь, — продолжала инструктировать меня сильфа. — Чаще спрашивай. Чаще говори, что ты жена герцога Александра. Его люди кружат по округе, собирают слухи и новости. На него работает куча шпионов в каждом городке и поселке. Позволь им услышать о тебе — и он найдет тебя сам быстрее, чем ты его.

К перевалу она вывела меня быстро. Даже удивительно, как я так долго не могла сюда попасть. Сверху дорога обратно в долину казалась прямой и понятной. Да и в другую сторону... Я видела цель — маленький городок почти на горизонте. Мы не доехали до него по дороге сюда, свернули в горы раньше. Что ж, значит, дорога где-то ближе. Но она идет вдоль горной гряды, значит, не промахнусь.

— Прощай, — махнула мне Анабель, не в силах перейти незримой границы. Я же свободно миновала каменную пирамидку, впитавшую некогда капли моей крови, и поспешила вниз, к людям. Сгущались сумерки, ехать предстояло всю ночь, но опыт у меня уже был. На дорогу я выбралась на рассвете, а где-то к полудню достигла заветного городка.

Там решила воспользоваться советом Анабель и позволить герцогу себя отыскать. Да, я боялась его до дрожи, но больше спасения мне ждать было не от кого. Родители мне не помогут, даже если (вдруг) и обрадуются моему визиту.

А потому я заявила в самую роскошную гостиницу в центре города, сняла комнату, назвавшись герцогиней Раенской, и пообещала серебряную монету тому, кто найдет лейтенанта Дайронского полка, путешествующего в компании трех однополчан, и проводи его ко мне. Монеты — целый кошель — по счастью, отыскались в седельной сумке. И я бы, наверное, стала благодарить судьбу, что все так удачно вышло, если бы не нашла среди монет свою подвеску — ту самую, что украл у меня когда-то один синеглазый конюх. Потом вернул, а потом... со всеми этими превращениями в сильфу я, должно быть, опять ее потеряла. А он сохранил. И отдал.

И ни кошелек, ни перчатки, ни вовремя поданная лошадь не были счастливым совпадением для удачливой беглянки. Он меня отпустил. Он понял — и отпустил. Дал мне мой шанс все отыграть и вернуть. Получится, нет — я не знаю, но он мне позволил... Я снова плакала, когда поняла это.

Лейтенант Кимвел меня не нашел. А вот капитан Дайронского полка с двумя подчиненными явился ко мне в номер всего сутки спустя, и тоном, не допускающим возражений, пригласил «госпожу герцогиню» следовать за ним. Причин отказываться у меня не было.

Закрытая карета ждала меня у выхода.

— Я бы хотела забрать коня, — объявила своим провожатым.

— Едва ли он вам понадобится, — невозмутимо «обрадовали» меня.

— Еще меньше он понадобится владельцу гостиницы. Конь — моя собственность. Вернее — собственность моего мужа. Едва ли его высочество простит вам небрежное к ней отношение.

— Вам лучше просто сесть в карету, — с нажимом проговорил капитан, недовольно поджимая губы. Его спутники «невзначай» опустили руки на эфесы шпаг.

— Да разве я возражаю? — постаравшись не выдать испуга, пожала плечами и села в карету. Компанию мне не составили, а вот дверцу защелкнули на задвижку.

— Эрни, захвати коня этой самозванки, — донеслось до меня снаружи.

Что ж... Я ведь не ждала, что все будет просто. Но, по крайней мере, Гром не пропадет, а я встречу с герцогом в самое ближайшее время. Правда, в качестве арестованной по его приказу самозванки... Но ведь не может же он быть заранее уверен, что я именно та, что навязана ему в жены. Впрочем, подобное легко проверяется в храме. А для этого, опять же, нужна личная встреча. Так что не все так плохо!

Так я себя всю дорогу и убеждала, не давая страху превратиться в панику. Мне ведь нужна эта встреча. Ну вот и... Все правильно пока идет, ничего ужасного и непредвиденного.

Приехали мы уже в сумерках. К какому-то темному загородному особняку. Не слишком большому, не особо роскошному. Для кузена короля — мелковато. Даже наш дом выглядел несколько величественнее. Видимо — не его. Ну и правильно — даже кузен короля не может иметь собственность в каждом уголке страны. Зато может позаимствовать ее на время, чтобы расположиться с комфортом. Особенно, если он, вдобавок, еще и начальник Тайного Сыска.

Вот о последнем вспомнила зря — вновь стало очень страшно. Но в дом послушно вошла. Впрочем, какие у меня были варианты?

Герцог ожидал меня в гостиной, небольшой, но довольно уютной комнате в темно-синих тонах. Света было немного — свечей еще не зажгли, однако лицо своего супруга я разглядела прекрасно. И невольно улыбнулась, словно старому знакомому — ну, еще бы, мужчину с этим лицом я знала и даже л... Впрочем, обойдемся без громких признаний. Тем более, герцог заговорил, и улыбка моя тот час же погасла — другой голос. Тембр, интонации, выражения — все!

— Итак, меня почтила визитом сама герцогиня Раенская, — бросил он, не поднимаясь с кресла. — Польщен, не скрою. Чем обязан?

Интересный вопрос, учитывая конвоирующих меня гвардейцев. Впрочем, я действительно разыскивала его, и разыскивала громогласно.

— Добрый вечер, ваше высочество. Рада, наконец, познакомиться с вами. Вы мне позволите сесть? — проговорила максимально ровно, очень надеясь на ответную любезность. Напрасно.

— Разумеется, — нет, в просьбе не отказал. Вот только, повинувшись его знаку, один из гвардейцев взял от стены простенький жесткий стул и установил его посредине комнаты. — Прошу вас.

Я бы предпочла диван. Или второе кресло, парное к тому, в котором сидел герцог. А так это все слишком сильно напоминало допрос арестованной. Нервировало. Но — села, куда велели, решив, что покорностью я сумею расположить его к себе больше, нежели беспричинной строптивостью.

— Зажгите свет, — коротко распорядился мой вроде-как-супруг. — Хотелось бы видеть нашу гостью максимально отчетливо. Или это уже невозможно? — его пронзительный и жесткий взгляд вновь вернулся к моему лицу. Не сказать, чтоб это было приятно. Лис смотрел... даже глазами герцога Лис смотрел теплее.

— Нет, почему же? — немного растерянно отозвалась я, нервничая под этим взглядом и судорожно пытаюсь сообразить, нет ли в моем нынешнем облике изъянов, выдающих мою... двойственную теперь природу. Но нет, я материальна, я полностью материальна.

— Итак, представьтесь, — повелел герцог, когда все свечи зажгли, и гостиная озарилась ярким, словно в праздник, светом.

— Роуз Элизабет Ривербел, дочь Чарльза Николаса Ривербела, графа Хатора, и Клариссы Катарины Ривербел, графини Хатор, в девичестве Доринсвор, — с готовностью сообщила его высочеству. В самом деле, он ведь может и сомневаться, что я — это действительно я. Ему ведь мой облик едва ли кто показывал. Хотя — пара моих миниатюрных портретов дома была, мог уже и заполучить. — После обряда, проведенного в храме Сторина двадцать шестого числа прошлого месяца, в глазах Дэуса являюсь вашей супругой. Последнее, впрочем, вы уже знаете, как мне сказали.

— Да, у меня была возможность это выяснить, — кивнул герцог, внимательно меня разглядывая. — Очень, знаете, интересная возможность. Запоминающаяся.

— Меня моя свадьба тоже весьма впечатлила, — поддержала я этот обмен воспоминаниями. Если он решил выставить себя единственной пострадавшей стороной — то напрасно. Подставляла его не я. И планы его ломала не я. Моя жизнь, вообще-то, тоже немного сломана. — Тем более что моего согласия на брак никто не спрашивал.

— Юных девиц о таких вещах и не спрашивают, тут к вам вопросов нет, — спокойно согласился герцог. — Не их ума это дело — женихов себе выбирать.

По мне — так недурно бы было порой и спросить, меньше б потом проблем возникало. Но кто я, чтобы спорить с его высочеством? Да и не за тем я к нему приехала. Промолчала.

— Расскажите мне подробнее о вашей свадьбе, — попросил... нет, скорее, потребовал у меня герцог. На просьбу это отданное холодным тоном распоряжение все же не потянуло.

— Свадьба была короткой, — чуть пожала в ответ плечами. — Вошли в церковь, совершили обряд, вышли из церкви. Затем сразу уехали. Ни празднования, ни гостей, ни друзей. О свадьбе мы с матушкой узнали лишь накануне, никого пригласить попросту не успели. Впрочем, кто-то в церкви все-таки был. Но, судя по тому, что с поздравлениями не подходили — случайные люди.

— Судя по тому? — нахмурился герцог. — А в лицо вы что, знакомых от незнакомых не отличаете?

— Мой жених запретил мне видеть свадьбу, это было его обязательное условие.

— То есть, вы что же, зажмурились? — недоуменно (а может, и недоверчиво) нахмурился высокородный сыскарь.

— У меня были завязаны глаза, — ответить постаралась спокойно, хотя признаваться в этом факте было не слишком приятно.

— Никто из свидетелей почему-то не упоминал подобной детали.

— Не упоминал или отрицал? — его недоверие раздражало. — К тому же, на моем лице была густая вуаль. О том, что я ничего не вижу, было известно лишь отцу с матерью. Вы можете уточнить у них.

— Уточню, — спокойно кивнул мой-как-бы-муж. — И что, как ваш... ну, будем называть «жених», объяснил вам необходимость ношения повязки? Когда вы ее сняли, кстати?

— В карете, — вопрос смутил. Конечно, едва ли герцог подозревал, но я-то помнила: все, что было в карете, все, что было на конюшне, и потом, и еще, и снова... — А объяснил, — заставила себя вынырнуть из потока ненужных воспоминаний, — да уже не помню, своей прихотью, вроде. Для него это все — шутка, игра, забава. Ему нравится играть роли, менять маски, создавать различные игровые ситуации... Конечно, для него игровые, — чуть вздрогнула, припомнив тех бандитов, убитых Лисом в переулке. И как он с ними играл. И как это все перестало быть игрой — в миг.

— А для вас?

— Я все-таки живу в первый раз. Первый и единственный... и мне очень сложно воспринимать свою жизнь как игру.

— Не очень люблю, когда мне отвечают такими общими фразами. Хотелось бы больше конкретных примеров.

— А мне бы хотелось освежиться с дороги. И чтобы вы пригласили меня отужинать с вами, — решила наглеть, поскольку терпеть становилось уже сложновато. О моем комфорте здесь рвутся заботиться явно не больше, чем во время утомительной дороги до герцогского дома. — А вот за ужином я готова вам все рассказать. А то я сегодня даже пообедать не успела — ваши люди меня забрали, и все везли, везли...

— В самом деле? Не думал, что вам еще требуются все эти бытовые мелочи, — герцог лишь удобнее откинулся на спинку кресла и, видимо устав любоваться на меня невооруженным взглядом, решил полюбоваться через лорнет. Матушка говорила в свое время, что взгляд сквозь лорнет может являться элементом флирта. Но здесь был другой случай. Тот, когда «может и не являться».

— Я человек, и как любому человеку... — начала я несколько обиженно.

— В самом деле? — не дослушал герцог. — А впрочем, давайте поужинаем, будет любопытно. Ланс, покажи нашей гостье ее покои. Освежайтесь, — царственно кивнул мне напоследок его высочество, даже и не думая подниматься с кресла, — ужин подадут через полчаса.

Покои были весьма скромны, а решетки на окнах так и вовсе делали их похожими на тюремную камеру. Но я убеждала себя, что дом не его, а потому — «чем богаты», что до решеток — так меня при необходимости даже стены не остановят.

Увы, сменить наряд к ужину, как то, несомненно, полагалось бы герцогине, я не могла, хоть и понимала, что амазонка для данного мероприятия несколько не подходит. Но это Лис мог создавать из воздуха наряды и украшения... А еще копьё для убийства, одернула я себя.

Хватит уже мечтать о Лисе! Он чудовище и убийца, пожирающий чужие жизни. И только герцог может меня от него спасти. Должен спасти!

За ужином изменилось не многое. Любезнее мой богом-признанный-супруг не стал, а поглощение пищи под его изучающим взглядом невольно пробуждало в памяти выражение «следственный эксперимент». Есть при столь пристальном внимании было сложно, аппетит почти сразу пропал. Но отказаться от еды — это все равно, что подтвердить его сомнения в моей человеческой природе, а мне казалось важным доказать ему, что я не сильфа, на уровне бытовых моих потребностей в том числе. Поэтому я продолжала трапезу, попутно пытаюсь отвечать на вопросы.

Интересовала герцога свадьба, а именно мои ощущения во время взаимодействия с алтарным камнем. Интересовало наше с Лисом последующее путешествие: поведение и привычки сытара, мое самочувствие и те изменения в себе, которые я постепенно ощущала. Причем то, что изменения были, и я их ощущала, он утверждал, мне же оставалось лишь описать, какие именно.

И что отвечать, я толком не знала. Да, я вспоминала и пыталась описывать те изменения в ощущениях, что были до памятной дуэли. Но они были минимальны, герцог же явно ждал чего-то большего, а признаваться в том, насколько все со мной плохо, я боялась. Что он сделает, когда узнает, что мое физическое тело — лишь результат воздействия энергии источника, да волшебные перчатки?

А с другой стороны: как он сможет помочь мне, если не будет точно знать, от чего спасать?

— Почему он проиграл на дуэли? — неожиданно прервал мой рассказ герцог. — Смертельное ранение, лужи крови — к чему все это?

— Не знаю, — растерялась я. — Меня там не было...

«Говорить или не говорить? — стучало в виски, — говорить или не говорить?»

— Вы разве не общались? Не задавали ему этот вопрос? — не принял ответа герцог. — Он же у нас бессмертный. Неубиваемый. Его реакции во много раз превосходят человеческие. Почему ранили его, а не он?

— Но... такое бывало и прежде. Я же рассказывала. Он проигрывал, позволял валять себя по земле. Ему интересно. Собственные ощущения, чужие эмоции. Радость победы в том числе. Не собственная радость от собственной победы, — поспешила я уточнить. — Это ему как раз не интересно. А эмоции противников.

— Я понял, — невозмутимо отозвался герцог. — Вот только позволить валять себя по земле и допустить смертельное ранение — вещи немного разные. Насколько я знаю — а знаю я об этом, поверьте, весьма немало, кровь, потерянная сыттаром в человеческом обличье, невосполнима. С ней уходят его жизненные силы, его способность поддерживать человеческий облик. И вы пытаетесь уверить меня, будто ваш господин позволил практически развоплотить себя просто забавы ради?

Повисла пауза. Повторять про то, что я не знаю ответа, было явно бессмысленно. А отвечать... Я не знала, как. Я помнила, как он вбежал — истекающий кровью, падая, теряя силы. Волнуясь лишь за меня, переживая лишь обо мне. Успокаивал, утешал, помогал. Спеша увести меня оттуда, прежде... прежде, чем он... развоплотится? Спеша помочь мне сам, не оставляя преданным слугам. А потом держал на руках, охраняя мой сон.

— Это все замок, — отчаянно качнула я головой, прогоняя нахлынувшие не к месту чувства. — Это все чертовый Черный замок.

— Замок? — конечно, герцог мгновенно ухватился за мои слова. — При чем здесь замок?

— Я должна быть живой, — вздохнула, сдаваясь. Да что я, в самом деле? Вот она, причина всей его нежности, всей его заботы. — Для того, чтоб войти в этот замок, я должна быть живой. Мне нельзя превращаться в сильфу. Иначе не откроется... дверь, клад — я не знаю. Но то, что он хочет там получить, смогу достать только я и лишь оставаясь человеком. А в ту ночь... вернее, в то утро, когда была эта глупая дуэль, затеянная им исключительно забавы ради, я... Я начала превращаться, — призналась. Чего уж тянуть? — Лис... сыттар сказал мне потом...

— Лис?

— Герлистэн. Он сказал, вы закрылись. Попытались расторгнуть брак, так он выразился. И ваши жизненные силы... оказывается... Я не знала, клянусь! Не знала, что он вытягивает мои силы, а я ваши... И вот, когда вы нашли какой-то способ прервать... прекратить... я едва не погибла... едва не стала... словом, я испугалась, закричала, и он, должно быть... еще бы, все его планы едва не... Конечно, он бросился спасать, — неуклюже закончила я свою исповедь.

— Бросился спасать прекрасную даму, не замечая шпаги на своем пути? — уточнил его высочество, не скрывая глубокого скепсиса.

— Я не знаю про шпагу, — устало повторила я, откладывая приборы. Есть расхотелось совершенно. — Меня там не было, а он не сказал. Я знаю, что прибежал он сразу, как я позвала, был ранен, кровь текла из груди, изо рта, — я невольно передернулась, вновь вспомнив все это. — Ему было очень плохо, он едва не падал. Но спасти он пытался, прежде всего, меня.

— Какой вы, однако, ценный приз, как выясняется, — герцог окинул меня очередным жестким и цепким взглядом. — А по виду и не скажешь.

— Он не принц крови, чтоб ценить лишь длину моей родословной, — оскорбилась, да. Нет, я в курсе, конечно, что для кузена короля дочь графа Хатора меньше, чем ничто. Вот только не все вокруг кузены короля. Есть те, кому нравится просто Роззи.

— А что же он ценит, длину ваших ресниц? — скривился герцог. — Не обольщайтесь, дорогая моя «почти герцогиня», он выбрал вас исключительно благодаря родословной. Сыттар может взять из мира лишь девицу вполне конкретного рода. Или ваш благородный герой вам этого не сказал?

— Он... — нахмурилась, припоминая, — что-то такое... упоминал, да. Что иногда подходящей невесты нет, и приходится ждать. И меня он ждал восемь лет... Но разве это связано с родом? Я встречала других... девушек, и они мне не родственницы.

— Как любопытно, — судя по тону, любопытно ему не было ничуть. — Имя Лилит Саах-Рэ вам что-нибудь говорит?

— Нет, не встречала, — я чуть нахмурилась, припоминая. — Адель, Мари, Марго Ребекка... Анабель, — припомнила и ее. — Лилит не видела.

— Анабель... — задумчиво повторил за мной герцог, и глаза его на миг подернулись дымкой. — А Лилит вы встретить и не могли, сильфой она не стала, умерла своей смертью, и очень, очень давно, — вернулся к теме беседы мой суженый. — В Темные века, до установления власти Пресветлого Дэуса, она была служанкой Черной богини. Самой преданной, самой верной. Она отдала служению своей богине всю свою жизнь — и жизнь всех своих потомков. Богиня дар приняла — и Лилит стала праматерью рода, в котором рождались лишь дочери. «Дочери Лилит» именовались они, «служанки богини». Стояли они высоко, куда выше нынешнего священства. Их устами говорила нечестивая богиня, их руками творила беззакония... Пока Дэус не восстал и не закончил эти темные дни. Дочери Лилит лишились власти, лишились права на родовое имя, растворились, приняв фамилии мужей. Но не исчезли. Дэус отдал их сыттарам, в надежде извести поганный род, да что-то сыттары не спешат... Зачем он отправил вас ко мне?

— Что? — недоуменно моргнула от столь резкого перехода. — Но он не отправлял, я сама... Погодите, вы что, вы хотите сказать, что Лилит...

— Ваш предок? Да, разумеется. Мы подняли архивы, нашли упоминания о древних статутах Дэуса. Сыттар может взять лишь женщину из рода Лилит. Нечистых — к нечистым, проклятых — к проклятым, — отмахнулся он от моего интереса и вновь вернулся к тому, что интересовало его: — Что именно ему от меня нужно, Роуз? Что ваш «лис» велел вам мне передать?

— Ничего, — я ответила честно, вот только он не поверил.

— Ничего? И что же тогда вы делаете здесь? Зачем искали меня? Зачем пришли?

— Я надеялась, вы поможете. Сумеете нас спасти... И я до сих пор надеюсь, — отчаянно взглянула в его глаза, ища в них... сочувствия? Понимания? Не нашла ни искорки.

— Нас? — его заинтересовало лишь это.

— Нас, — повторила, стараясь оставаться спокойной. — Вас и меня. Ведь мы с вами связаны, мы — супруги. Да, я знаю, это не ваш выбор, — поспешила уверить, прежде, чем он перебьёт. — Но он и не мой, а сыгтар... он тянет силы из нас обоих, он нас обоих толкает к смерти. Но вы сумели закрыться, вы нашли способ. Так, может быть... у вас найдется защита и для меня? И тогда сыгтар не сможет тянуть мои силы, а значит, и вам ничего не будет более угрожать...

— Вот, значит, как. Он послал тебя за моим амулетом. Умно. Будь я наивным сельским сквайром, проводящим дни за охотой да выпивкой... а то и только выпивкой — могло бы сработать, — его лицо искривила презрительная гримаса. — Да я не он. И на красивые глазки беспомощной девы поймать меня крайне трудно. Не стоило и пытаться. Что-то еще?

— Что? — растерялась я. Обращение на «ты» резануло слух, но еще более дезориентировало его видение ситуации, то, как легко он перевернул все с ног на голову, ни секунды не сомневаясь в своей правоте.

— Ну, был же у него запасной план на случай, если этот вдруг не сработает, — любезно пояснил мне его высочество. — Итак, амулет я тебе не дам. Что дальше?

— Дальше? Дальше я вынуждена буду отметить, что разговор наш свернул в неподобающее русло, и требовать от вас соблюдения элементарных приличий! — резко проговорила я, глядя ему прямо в глаза и едва сдерживая эмоции. Он не оговорился. Он действительно «тыкал» мне, словно дворовой девке, воровке, преступнице, чья вина доказана и непомерна. — Я благородная дама, я дочь графа и жена герцога — в глазах Дэуса, а значит и в глазах всех его верных. Говорить мне «ты» позволительно лишь королю, а вы в очереди на престол лишь четвертый! Так извольте вести себя сообразно своему статусу и не оскорблять ни себя, ни меня неподобающим обращением!

— Ты *была бы* благородной дамой, оставайся ты дочерью графа или стань, в самом деле, женою герцога, — на мою гневную отповедь он лишь скривился. — Ты же, потворствуя своей порочной натуре (что не удивительно при таких предках), продала душу свою сыгтару — демону порока и похоти, прельстившись, как то свойственно малолетней пустышке, на обещания вечной жизни да вечной молодости. И право на уважение — не только мое, но и всех верных Дэусу — ты утратила полностью и бесповоротно. Ты не дама, ты лярга. Грязная подстилка похотливой нечисти, готовая совращать и ублажать каждого, на кого укажет твой проклятый богом владелец.

— Да как вы смеете?!

— А почему я не смею? Или может быть та, что имеет наглость именовать себя герцогиней Раенской, сохранила чистоту и непорочность? Тогда вот это откуда? — вскинув ладонь, он продемонстрировал кровавый ободок брачной звездочки. — Я тебя невинности не лишал. Так кто же консумировал наш так называемый брак, не подскажешь?

— Я... — его новое обвинение оглушило. — Я не виновата в этом, и вы это знаете. Меня выдали замуж по воле родителей, Я венчалась у алтарного камня, и он принял обеты. И у меня не было ни морального права, ни фактической возможности отказать тому, кто принял мою руку у алтаря. Я не знала, что мой брак фиктивный. Что мой спутник — не тот, за кого себя выдает... А как только я поняла, как только я осознала у какого страшного существа и в каком сомнительном качестве оказалась — я сбежала, я бросилась к вам. Как к моему фактическому супругу, как к человеку, с которым мы связаны общей бедой... Как к начальнику Тайного Сыска, в конце концов. В надежде на помощь... Ну, даже если не на помощь, если помочь уже действительно нереально — то хотя бы на понимание. На совет —

как мне жить теперь, что делать. А вы обвиняете меня в том, что я всего лишь честно исполнила свой дочерний и супружеский долг. Это низко. И как-то... недостойно, что ли. Вашего положения, вашей должности, — Я ничего уже от него не ждала, я не верила, что смогу до него достучаться. Все мои худшие страхи воплотились в его лице. Там, где я действовала по воле других, я была виновата, несмотря на то, что была к этим действиям вынуждаема. Там, где я действовала сама, я лгала, ведь я не в состоянии действовать сама, я могу действовать лишь по воле других. Замкнутый круг: самостоятельно действовать я не способна, но при этом виновата во всем. — Я не лярга, — подытожила устало. — Не подстилка и не потаскуха, и ублажать кого бы-то ни было у меня нет ни склонности, ни желания. Тем более я не имею желания становиться причиной чьего-то безумия или смерти. Именно поэтому я здесь. И мне безумно жаль, что этот путь я проделала совершенно напрасно.

— Ну, почему же совсем напрасно? — протянул мой собеседник, задумчиво меня разглядывая. — Возможно, не стоит рубить с плеча, торопясь с выводами. Нам обоим не стоит... Вы, я вижу, закончили с ужином. Ланс проводит вас в ваши покои, время позднее... Ну а завтра будет новый день и, возможно, на свежую голову нам будет легче найти взаимопонимание.

* * *

Она ушла, сопровождаемая его адъютантом, а герцог еще долго сидел за столом, прокручивая мысленно детали беседы и пытаясь предугадать, чего ему стоит ждать дальше. И продумать, что именно следует предпринять в том или ином случае.

Свою истинную природу девочка так ему и не показала. Жаль, а он уже понадеялся... Когда она так резко отреагировала на его обращение на «ты» (не намеренное, просто не привык он разводить политесы с inferнальными сущностями), он подумал, что болезненное самолюбие — возможно, та точка, нажав на которую он заставит ее потерять контроль. Не вышло, атаку она отбила, сведя разговор к разочарованию в нем. Ну да, она ж невинное дитя, пришедшее за помощью. Впрочем, свою роль она отыгрывала безупречно, можно было даже поддаться.

Можно было бы и поддаться — «понять», посочувствовать, пообещать помощь и поддержку. И, позволив себе быть ведомым, спокойно разобраться, какую игру затеял неугомонный демон. Ведь, вполне может быть, что девицей играют вслепую: перерождение произошло недавно, своих новых способностей она еще попросту не осознала, а человеческий образ мыслей не отринула. И тогда она даже искренна — и в своем страхе перед предстоящей ей не-жизнью в обществе демонических тварей, и в своем отчаянном желании от этой участи спастись.

Вот только искренность ее, равно как и неискренность, роли особо не играла. Осознает это девочка или нет, но она лишь пешка в игре грязных демонов, и игру эту необходимо как можно быстрее сорвать. Когда на кону судьба государства, нет времени быть ведомым и поддаваться на провокации. Инициативу надо перехватывать и планы ломать.

И для начала заставить ту, что кутается в облик Роуз Ривербел, сбросить маску и явить свою истинную суть. Если она действительно верит в то, что она всего только Роуз, это выбьет почву у нее из-под ног. И вынудит чуть активней искать спасения, чуть искреннее

сотрудничать и не тратить время на изображение из себя благородной павы. Ну а если эта посланница сыттара и сама прекрасно знает, что от Роуз у нее одна оболочка — так тем более, зачем тянуть, отыгрывая бесполезные спектакли?

Мог ли он ошибаться? Был ли шанс, что ляргой девица (а впрочем, какая она девица?) так и не стала? Времени прошло не так уж много, о том, что его «супруга» еще живая, упоминала и Анабель, и сама Роуз. Последняя даже особо упирала на то, что демону она нужна именно живой, иначе он не сможет получить ее руками сокровище Черного замка, весьма для него важное.

И тогда... что? Попытаться отнять у демона его потенциальную сильфу, его будущий инструмент, обрубить все нити, что тянутся от сыттара к Роуз, вернуть ее, если удастся, в мир людей... Но ведь именно человек и нужен демону, чтобы добыть сокровища. Так не затем ли он ее и прислал? Его жертва начала перерождаться, слишком быстро, он на такое и не рассчитывал — и сыттар отправил ее «супругу», тому, кто владеет тайнами Храма, кто защитил себя и возможно, сумеет остановить перерождение. Чтобы демон затем беспрепятственно получил свой приз.

Вот только желанный демоном приз отдавать ему никак нельзя — а значит, Роуз Ривербел должна умереть. Живой ее оставлять слишком опасно. Увы, жизнь жестока, а спасать глава Тайного Сыска должен государство, а никак не попавших в беду девиц. Даже если у этих девиц имеется весьма симпатичная мордашка.

Да и вообще неплохие задатки для того, чтобы стать адской чаровницей. Точеная фигурка... плавные жесты... этот взгляд — трепетный и призывный, проникающий в душу... Интересно, это все — результат перерождения? Или девчонка была такой изначально? А демон лишь огранил доставшийся ему алмаз, взлелеяв похоть в ее душе и обучив пробуждать ее в окружающих?

Что ж, очень скоро он это узнает. Надо лишь перейти к себе в спальню и изобразить отход ко сну. Как ни мало времени провела с демоном дочь графа Хатора, тот точно успел обучить ее, что раз заламывание рук не проходит — следует переходить к постельным играм. Тем более, что это ее будущая специализация.

С тем лишь нюансом, что сильфа приходит во снах, а Роуз придет наяву. Придет. Непременно должна прийти. А он будет ждать. Что ж, тогда и поговорим. Без масок и эквивоков.

* * *

Комната походила на тюрьму. Все больше и больше с каждой минутой, что я в ней проводила. За окном — за зарешеченным окном — сияла полная луна, необычайно крупная, объемная даже. Она сияла, и ее мягкий таинственный свет был так приятен для глаз, хотелось смотреть, смотреть... А лучше лететь — куда-то вверх, в бесконечность бездонного неба, кружить, продуваемой всеми ветрами, а может быть просто стать ветром...

«Нет-нет, — одернула я себя, — так нельзя, это желания сильфы. А я не хочу быть сильфой, и не должна поддаваться ее желаниям». Потуже натянула свои перчатки, чуть сбившиеся, когда я раздевалась ко сну. С нательной сорочкой они смотрелись несколько дико. Если за ужином этикет еще допускал их наличие (хотя перчатки для визитов несколько отличались от перчаток для верховой езды, можно было пенять на отсутствие гардероба), то

уж желание спать, не обнажая ладоней, ни капризом, ни строгостью воспитания не объяснишь.

К счастью, объяснять было некому. Горничной мне не предоставили, от услуг Ланса я поспешила отказаться, едва он проводил меня в комнату, герцог до завтрака со мной распрощался.

Мысли о том, чтобы распрощаться с ним не до завтрака, а на веки вечные, не скрою, меня посещали. Но уйти сейчас — значит, обрубить все нити, сжечь все мосты. Кроме герцога помочь мне некому, а второго шанса договориться с ним у меня точно не будет. Он же... возможно, подумав до утра, он изменит свое мнение. Сможет услышать, захочет помочь. Он оказался... суров и куда менее приветлив, чем я ожидала. Но все же относился скорее как к гостю, в темницу не сажал, к костру не приговаривал. А что беседа с ним больше похожа на допрос — так это, видно, профессиональное, должность отпечаток накладывает.

И потому я отринула мысли покинуть поместье. Успею. Я сумею исчезнуть в любой момент, мне достаточно просто сбросить перчатки. И не удержат ни решетки, ни стены. Пока же не помешало бы просто выспаться.

Уснула легко — усталость, а может, нервы. Вот только проснулась в серой предрассветной мгле, почувствовав на своей щеке чужие пальцы. Нервно дернулась, резко открывая глаза. Его высочество Александр Теодор Иоанн, облаченный в роскошный бархатный халат цвета маренго, восседал на краю моей постели и с интересом меня разглядывал.

— Вот только не говорите, что пришли исполнить супружеский долг, — пробормотала я хриплым спросонья голосом и постаралась отодвинуться от него подальше.

— Интересная мысль, — кивнуло его благородное высочество. — А почему бы, собственно, нет?

Его пальцы коснулись моих волос, совсем не благородно спутанных после сна, убрали с лица непослушные пряди, чуть тронули щеку.

— Ну, во-первых, потому, что брак вы не признали, и считать меня своей супругой отказываетесь, — осторожно придерживая одеяло, я попыталась отодвинуться подальше от края кровати.

— А во-вторых? — с интересом понаблюдав за моим маневром, он тоже решил придерживаться одеяло. Но возле себя. И мне тоже пришлось остаться. Не потому, что свою сорочку я считала недостаточно чистой или недостаточно целомудренной — нормальная была сорочка! — я руки прятала. Перчатки то есть. И под одеялом их было держать сподручнее, чем за спиной.

— А «во-вторых» вытекает из «первых», — попыталась отбиться от него словами, — коли я вам не жена — вам нечего делать в моей постели!

— Да хорошо бы, если «не жена». Да только вот, извольте полюбоваться — Дэус наш брак признал, — мне вновь продемонстрировали ладошку. — А кто я такой, чтобы спорить с богом? Так что идите сюда, герцогиня, и кончайте лукавить. В конце концов, разве не за этим вы прибыли?

— Да, честно говоря, «этого» мне как раз хватало, — одеяло он тянет на себя ненавязчиво, но все-таки тянет, а я держу из последних сил. И вот оно уже натянуто между нами так, что начинает потрескивать. — Хотелось, напротив, избавиться от необходимости... вести ту жизнь, к которой вы сейчас так настойчиво меня толкаете. Я не

сильфа, я уже говорила. Впрочем, даже сильфы приходят лишь во снах, а мы сейчас не спим.

— По-моему, ты сама запуталась, девочка, — одеяло он отпустил так резко, что я чуть кубарем по кровати не покатилась. — Ты пришла ко мне, как к своему мужу, просить помощи и защиты. А когда я пытаюсь забыть твое крайне сомнительное прошлое и принять тебя в качестве жены — смотришь так, словно я толкаю тебя на дно порока. Так тебе нужна моя помощь, или нет?

— Нужна, разумеется. Мне не справиться самой, и вам прекрасно это известно. Я даже не знаю, с чего начать.

— Начни с приятного, — не пытаясь более бороться с одеялом, его рука нащупала мою ногу сквозь него, и теперь медленно скользила по ней от щиколотки к коленке. — Мудрые жены знают, что подарив мужу удовольствие в постели, наутро они могут выпросить у него все, что угодно.

— Но, чтобы я стала вашей женой — действительно стала — вам необходимо убрать сыттара, стоящего между нами. Уничтожить мою привязку к нему, мою зависимость. И тогда я действительно буду вашей — только вашей! Женой во всех смыслах, если вы того захотите. Или безропотно соглашусь на развод — король, я уверена, легко удовлетворит вашу просьбу. И Дэус тоже — ведь выходит, он отдавал меня не вам, и если сыттара больше не будет... — глядя в решительное лицо своего вроде-как-мужа, я судорожно искала отговорки. Да, когда я выходила замуж, я была готова к тому, что постель мне придется делить с незнакомцем, чужаком, без подготовки, внезапно. И, окажись рука, принявшая меня у алтаря, рукой герцога, я уже давно стала бы его — и не единожды. И, каким бы он в этой самой постели не оказался — даже и не подумала бы возразить.

Но постель я разделила не с ним. И близость — или то, что я наивно под ней понимала — я тоже ощущала не с ним. И потому теперь — не могла. Сознавала, что так, наверное, будет правильнее — бросится с головой в омут новой страсти, залюбить это беспардонное высочество так, чтоб он наутро был готов ради меня на все (я ведь почти что сильфа, у меня непременно получится!)... Только вот не могла, не могла... Не получалось себя заставить. И лишь смотрела с неприязнью, как его рука ползет по моей ноге все выше, выше...

— Развод? — гладить одеяло ему надоело, и его рука просто скользнула под него, ощупывая мое тело сквозь тонкую ткань сорочки. — Интересная мысль, но ведь сначала я должен проверить, от чего я отказываюсь. И стоит ли, — рывок, и вот уже вместо одеяла на мне — его решительное высочество, — отказываться.

— Пустите! — испуганно дергаюсь, что есть силы отталкиваясь руками от его груди. И тут же кричу от боли: пальцы упираются в холодный металл, что прячется за мягким ворсом халата, и меня словно пронзает разрядами молний.

— Пущу, — задумчиво отзывается он, любясь на мои перчатки из лучшей мабурской лайки, не просто белые — сияющие сейчас нестерпимо ярким, болезненным светом. — Вот расскажешь мне, зачем ты спишь в перчатках — и пущу, — крепко схватив меня за обе руки, он отрывает их от своей груди, тем самым избавляя меня от боли, а перчатки — от неестественного свечения. Затем удобно усаживается у меня на бедрах, не выпуская моих рук и не сводя с меня внимательного взгляда, в котором не читается ни малейшего намека на страсть.

— Руки мерзнут, — перепугавшись, выдаю первое, что приходит в голову.

— Правда? И сильно мерзнут?

— Достаточно.

— Что ж, давай поглядим.

— Не надо! — отчаянно кричу, но этим, похоже, только придаю ему уверенности в правильности поступка. Перехватив мои руки за кончики пальцев, он резко дергает — и перчатки легко соскальзывают с моих рук.

Герцог мягко опускается на кровать, не ощущая под собой более моего тела, а я каким-то немислимым судорожным рывком отлетаю от него в самый дальний угол. Даже успеваю обрадоваться — пусть он не поможет, но ложе с ним делить теперь уж точно не придется!

Вот только герцог моему исчезновению удивился не сильно. И даже расстроился не особо.

— Вот как? — усмехнулся мой все-же-не-муж, внимательно оглядывая комнату. — А если так? — его рука метнулась в карман молниеносно. И столь же молниеносно рассыпала вокруг себя сверкающий синий порошок. Мельчайшие частицы этого невесомого вещества мгновенно заполнили всю комнату и осели на мое тело, словно покрыв его сияющей второй кожей.

И под тяжестью этой «кожи» и я осела. Прямо на пол, к ногам уже успевшего приблизиться герцога.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул он. — Видишь, как все просто.

— Просто что? — испуганно взглянула на него снизу вверх.

— Просто избавить тебя от необходимости лгать. Руку, — он предложил мне ладонь, предлагая помочь подняться.

Я, чуть дрожа, протянула ему свою, думая лишь о том, смогу ли я за него ухватиться, или силы синего порошка на это не хватит. Герцога, видно, мучили те же сомнения, однако ответ интересовал его мало. И потому еще прежде, чем наши ладони соприкоснулись, на меня упала ловчая сеть. Легкая, едва различимая, сотканная из нитей, что тоньше волоса, она жалила, словно пропитанная ядом паутина. Вот только, в отличие от паутины, не рвалась, несмотря на все мои отчаянные попытки. Я кричала от боли, безуспешно пытаюсь выбраться, сбросить с себя эту дрянь, освободиться. А он просто стоял и смотрел, словно профессор на попавшую в его сачок бабочку.

— Мне больно! — молила я его. — Снимите с меня это! Помогите!

Нет, он даже не усмехался, не выказывал удовольствия или превосходства, просто ждал, когда силы меня оставят и я перестану судорожно биться.

— Отнесите ее в подвал, — было последним, что я услышала, ускользя во тьму беспомощности. То, что подручные видят его жену полностью обнаженной, герцога не смутило ни капли.

Очнувшись я от того, что боль стихла. Нет, не исчезла совсем, но стала терпимой, сосредоточившись лишь на небольших участках моего тела — на шее, запястьях, щиколотках. Узенькие полоски, обвивавшие их, по-прежнему жгли огнем, зато больше нигде ничего не болело. И это было настолько невообразимо приятно, что первые несколько секунд я даже не замечала герцога и не осознавала, что он сделал со мной.

Потом осознание пришло: я в темной и тесной камере, прикованная к стене цепями. Из узкой щели под самым потолком, забранной частыми толстыми прутьями, на меня льется сероватый утренний свет, и, насколько я могу видеть, моя кожа уже почти утратила мистическую синеву и лишь слегка поблескивает в первых лучах восходящего солнца. Однако, насколько я могу чувствовать, телесности она не утратила ничуть, и все мои попытки вырваться из оков приносили только лишнюю боль.

— Бесполезно, Роуз, — спокойно подтвердил мои выводы герцог Раенский, удобно устроившийся в кресле прямо напротив меня. — С внутренней стороны твоих оков впаяна ловчая сеть, а она прекрасно удерживает на этом плане бытия нечисть, вроде тебя — переродившуюся, но еще живую.

— Зачем вы?.. Я же не убегала... Я сама к вам пришла, я искала помощи, а вы... — стоять перед ним полностью обнаженной, с прикованными по сторонам от лица руками, с зафиксированными на ширине плеч ногами, ощущая себя целиком в его власти, было стыдно и жутко. Тем более, что взгляд он исключительно на моем лице не задерживал, осматривал всю — от кончиков волос до кончиков ногтей. Осматривал не спеша, оценивающе, обстоятельно.

— Чтобы помочь, дорогая Роуз — чтобы действительно помочь, а не исполнить каприз или попасться на чужую уловку — я должен понять, кому именно меня просят оказать помощь. И чем я действительно могу в данной ситуации помочь, — герцог ответил спокойно и обстоятельно, ни на миг не прекращая меня рассматривать.

— И для этого меня надо держать в цепях в подвале? Хотя позволили бы одеться.

— Я тебя не раздевал, — он лишь безразлично пожал плечами. — А цепи — что же делать, если я тебе не доверяю? Более того — если у меня попросту нет причин тебе доверять? Разве ты уже забыла? Сначала ты попыталась обмануть меня, прикинувшись человеком. Потом, когда твою ложь раскрыли — попыталась бежать.

— Я не бежала.

— Да? Видимо, поэтому мне сначала пришлось тратить бесценный небесный порошок, чтобы отыскать тебя, а затем использовать ловчую сеть, чтоб не позволить тебе вновь исчезнуть, когда сила порошка истает.

— Я не...

— Хватит. Игры в прятки закончились. Условия здесь диктую я. И форму, в которой будет проходить наша беседа, тоже выбираю я. И от капризов взбалмошной недо-сильфы я зависеть не намерен. Ты, возможно, не поняла, во что ты вляпалась, девочка. Или, может быть, думаешь, что второй человек в государстве носится по проселочным дорогам исключительно ради того, чтобы спасти тебя-принцессу из лап дракона?

— Второй человек в государстве — наследный принц, — сказала из вредности, чтоб досадить этому столпу отечества хоть в чем-то.

— Да, он тоже так думает, — герцог от моей фразы лишь отмахнулся. — Вот только серьезные государственные проблемы решать покуда приходится мне. И твой сыттар, если ты еще не осознала — эта та самая серьезная государственная проблема.

— Неужели государство, наконец, озаботилось регулярными похищениями невест? Опечалилось судьбой невинных девушек, веками отдаваемыми страшным демонам? Сколько, вы говорите, столетий прошло с тех пор, как похитили первую — семь? Или уже восемь? — отчаянье придавало мне сил, а полная безнадежность собственного положения избавляла от необходимости выбирать выражения. — А ведь всего-то и потребовалось для начала расследования, что связать фиктивными брачными узами члена королевского дома — и проблему тут же заметили. И даже рьяно взялись решать.

— Дэус, сколько сарказма. Как только ты перестала притворяться благородной дамой, стало даже забавно, — легко поднявшись с кресла, герцог изволил подойти ко мне почти вплотную. Я дернулась, что есть силы вжимаясь в стену в безуспешной попытке отстраниться, — Ты, возможно, не знаешь, — проговорил мне герцог практически в ухо, —

но наши «фиктивные брачные узы» стоили жизни нескольким десяткам человек. И едва не развязали войну между двумя странами. И я ни на миг не поверю, что так оно вышло случайно, «ничего такого» твой сыттар не планировал, а фальшивая брачная звездочка мне досталась прямо-таки по жребью, — пальцы его правой руки легко погладили мой ошейник, затем скользнули ниже, на кожу. Спокойно, уверенно огладили ключицы и, обхватив грудь, сжали ее, несильно, но властно, словно бы для того, чтобы ощутить ее полновесность и материальность.

— Не трогайте! — я снова дернулась, но что я могла? Он отпустил мою левую грудь лишь для того, чтобы перейти к изучению правой. — Я не сыттар! — будучи не в силах отринуть его руки, я попыталась отринуть хотя бы его обвинения. — И отвечать за его действия и намерения не могу! Я не знаю, чего он хочет, что планировал и планирует. Он со мной развлекался, а не делился планами. Наслаждался человеческой жизнью и человеческими способностями, играл, забавлялся. Он никогда не был до конца искренен и почти никогда не бывал серьезен.

— Зато я серьезен всегда, — любезно проинформировал меня герцог. — А тебе придется быть искренней до конца. Конечно, если ты не хочешь вспоминать, откуда пошло выражение «тянуть клещами», — тут его пальцы сдавили сосок, и я со свистом втянула в себя воздух, пытаясь подавить рвущийся наружу крик и думая о том, что с такими пальцами клещи без надобности. — Как видишь, настала моя очередь забавляться, — любезно разжав пальцы, он погладил меня по пострадавшей груди и отстранился. — А забавы мои могут быть для тебя приятны, а могут и не очень. Но у тебя всегда есть шанс выбрать. Итак, — он вновь уселся в кресло, расположившись в нем с максимальным комфортом, — еще раз и очень подробно: как ты дошла до жизни такой?

— Оказалась у вас в подвале? Поверила словам случайной подружки, что вам ведомы все тайны Храма, и вы можете и хотите меня спасти.

— Как любопытно. И что за подружка такая сведушая?

— Анабель. Одна из сильф Заповедной долины. Она была женой не Герлистэна, другого... Потому я и подумала, что у нее нет причин ревновать и пытаться избавиться от меня... Тем более, что Лис ее ужасные слова о природе сыттаров не опровергал...

— «Лис», какое забавное имя. Он что же, слышит все то же, что и ты?

— Нет, не думаю. Вернее — точно нет... Хотя — так было раньше, до моего перерождения. Сейчас же — не знаю, я не успела это выяснить, — вопрос поставил меня в тупик. — Тогда же я просто пошла и спросила.

— Обо мне?

— Зачем? О нем. О сыттаргах, о сильфах, об Анабель.

— И что же он ответил... об Анабель?

— Что она еще молода, что ей не слишком повезло с ее сыттаром и оттого она не любит их всех. И еще, что она — прекрасный пример того, что и переродившись, девушки сохраняют свою индивидуальность, остаются собой.

— Правда? А ты знаешь, что настойчиво советовала мне Анабель при нашей последней встрече? Убить тебя. Убеждала, что для меня это единственный шанс выжить.

— Убить? — прошептала потерянно, не в силах поверить. Но он не услышал.

— Я, конечно, не знал настоящую Анабель, ту, которой она была при жизни, — продолжал развивать тему герцог, не слишком обращая на меня внимание, — но представить, что та прекрасная юная девочка могла хладнокровно организовать чье-то

убийство, у меня не выходит.

— Да, она говорила, что участь сильфы — убийства. Сначала это шокирует, потом становится безразлично, — кивнула я, пытаясь побороть глухое отчаянье. Надежды нет, надежды не было изначально — герцог не собирался никого спасать, а Анабель... А Анабель хотела спасти только герцога! Ну конечно! Думая исключительно о Лисе, я и мысли тогда не допускала, что кого-то могут интересовать совсем другие мужчины. Как она упирала на то, что «герцог страдает», «герцог гибнет из-за меня» и «мой долг, как его жены...» Мой долг, как его жены, по ее мнению, был погибнуть ради его свободы. Моя жизнь для нее ничего не стоила, его — была бесценна. — Она любит вас?

— Не меня, — не слишком удивился моим выводам герцог. — Свои фантазии на эту тему. А твой лис играет ей, словно куклой, позволяя произносить нужные ему речи в нужное время... Не могу понять одного — почему он все время играет чужой фигурой? У него что, нет собственных сильф.

— Есть. Самой молодой сейчас где-то сто двадцать пять. Из них сто восемь она сильфа. А в этом возрасте они уже... Там что-то случается с памятью, с разумом. Сто лет — это предел, даже в не-жизни. Они как птички — беззаботные, веселые, но бессмысленные... безмозглые... — я никак не могла найти подходящего слова. — Не безумные, но...

— Расскажи подробно.

Александр устало откинулся в кресле и прикрыл глаза. Толку от девчонки не было. Она охотно рассказывала все. Да только ничего ценного Роуз не знала. Да, она побывала в Заповедной долине. Ей показали домики, башенки, веселящихся сильф, парочку сыттаров. Она посмотрела, как виртуозно меняет облик ее рыжий, как он умеет танцевать и драться, убивать и соблазнять. И пользоваться плодами своих трудов по соблазнению, разумеется. Впрочем, о последнем его юная жена не слишком рвалась рассказывать, а он не слишком настойчиво спрашивал. В общих чертах понятно, а так... В этом вопросе он предпочитал действовать сам, а не слушать байки о том, как действовали другие. Тем более с той, что, пускай формально, но все же...

Не важно! Куда важнее была информация о купании в источнике живительной силы. Вернее, полное отсутствие информации — что он дает, как действует, для чего нужен сыттарам? Одни предположения. То же самое с проклятым замком — Роуз знала о нем еще меньше, чем мать. То есть вообще ничего. А сыттар, словно издеваясь, охотно рассказывал наивной дурочке, как важен этот замок для его планов, но ни словом не обмолвился о том, чем именно.

А главное — зачем? Зачем ее послали к нему? Не за амулетом, как он сначала подумал. Амулет мало того, что закрывает от воздействия нечисти (а зачем нечисти давать своей жертве средство закрыться?), так еще и жизненных сил не дает и не добавляет. А Роуз нужна была именно сила — сила жизни. Роуз должна была остаться живой. Да, Роуз должна остаться живой — чтобы войти в Черный замок. Именно это внушали ей, и именно это она должна была донести ему. Только ей откроется замок, а в замке — там... Словом, он должен немедленно побежать смотреть.

Ради этого ее купают в закрытом источнике, ради этого ее отправляют к нему. Может, и за амулетом тоже — она закроется от сыттара, да, но ведь при этом он перестанет тянуть ее силы. Зато Роуз начнет тянуть силы своего фиктивного мужа. Следовательно, станет... еще более живой? Еще менее сильфой?

Допустим, но при чем тут Анабель? Анабель, которая твердила, что Роуз надо непременно убить? Влюблена в Прекрасного Герцога и играет против сыттаров, пытаясь выпутать его из этой истории? Ерунда, как может сильфа играть против сыттара? Если уж герцог так легко прочитывает ее мотивы (ее предполагаемые мотивы; предположительно, ее мотивы), то сыттар знает все ее помыслы наверняка. И если ей позволили действовать...

То ему оставили ровно два выхода: либо убить Роуз вопреки желанию сыттара видеть ее живой и входящей в замок (что бы ни было в этом замке, раз оно нужно сыттару — значит, долг герцогу помешать нечисти это заполучить). Либо оставить Роуз живой вопреки навязчивым советам Анабель с ней покончить (потому что, раз советуют, значит, точно ему не во благо, ибо они враги). Вот только — тут он смысла не видел. Как ни крутил ситуацию с разных сторон — смысла в советах Анабель для вражеской стороны не было. Ему — да, явные и озвученные плюсы, о которых он, собственно, догадывался и сам. А сыттарам? Зачем им смерть Роуз? Бессмысленно.

Либо он чего-то не знал. Либо он слишком верил в значимость Черного замка, а тот был обманкой с самого начала.

— Что ж, — распрямившись в кресле, герцог открыл глаза и решительно взглянул на

свою пленницу, бессильно обвисшую на цепях. Допрос дался ей непросто, но герцог должен был быть уверен, что ее «не знаю» — это действительно «не знаю», а не «не хочу говорить», — я выслушал тебя, Роуз, обдумал твои слова и принял решение. Ты пришла ко мне за спасением — и спасение я вижу для тебя только одно. Твое тело уже не спасти, оно переродилось, но душа твоя чиста. Ты не виновата в злодеяниях сытгара и искренне не желаешь быть его приспешницей. Но, увы, есть только один способ избавить тебя от служения ему.

Она побледнела, хотя, казалось, куда уж больше. И прошептала чуть слышно:

— Костер?

— Да, — он смотрел спокойно и прямо. — Костер. Ты будешь объявлена ведьмой, обвинена в служении врагу рода человеческого и сожжена на центральной площади ближайшего города. По традиции — на третий день после оглашения приговора. Приговор я, считай, огласил. Чуть позже его зачитают в городе. На этом, собственно, все. Моли Дэуса о справедливости на Последнем Суде... Впрочем, он всегда справедлив. Благодарю за то, что прерывает твои муки в самом начале, не дав ступить на проклятый путь. Уверен, он высоко оценит твоё желание умереть человеком.

Развернулся и вышел, чтобы не смотреть на её отчаянье. Слезы, мольбы — они теперь бесполезны, и она это знает. Но так сложно бывает удержаться, когда есть, кого молить. Александру не хотелось, чтоб она унижалась. Отчаянная и беспомощная, соблазнительная и бесконечно холодная, живая и неживая — она волновала его, заставляя прикасаться к себе куда чаще, чем требовалось, заставляя мечтать, что в другое время и в другом месте... Нет, жениться бы, конечно, не стал, но в любовницы взял бы, не раздумывая. Впрочем, возможно всё это — лишь чары сильфы, которыми не обладала настоящая Роуз, а ему просто нужна женщина.

* * *

Мне ослабили цепи, и теперь я могла сидеть. Видно, герцог мой побоялся, что потеряв сознание стоя, я передавлю себе ошейником горло, и красивой казни, о которой уже сообщили всему городу, тогда не получится.

Никогда не понимала, почему люди так любят смотреть на казни. Наверное, просто потому, что ни одной казни в жизни не видела. Не возили меня, почему-то родители, на подобные зрелища. Вот свозили б разок — тогда б, наверное, оценила. Прониклась, стала страстной поклонницей такого досуга. Ну, просто столько людей — не могут же они ошибаться. В любовании смертью, наверное, что-то есть.

Жаль, уже не узнаю. Мне ведь не совсем любоваться предстоит. А огонь — он жалит больно. Насколько больно — мне герцог любезно продемонстрировал. Несколько раз, чтоб во всей полноте оценила. Ожоги теперь болели, и от этой боли мне никак не удавалось отрешиться. И это хорошо, боль, как ни странно, удерживала от паники. Наверное, просто сил и на то, и на другое не хватало.

И потому я не билась в истерике в своих оковах, не кричала что-то невразумительное и слезное, пытаюсь разжалобить охрану... или стены... Не знаю даже, кто бы меня в таком случае услышал. Я просто сидела на полу, обхватив коленки, и монотонно раскачивалась, словно пытаюсь укачать боль. Чтоб она как ребенок — утихла бы и уснула. И тогда я,

возможно, тоже смогла бы поспать.

— Прости меня.

Я вздрогнула, в первый миг не поверив. В моем состоянии галлюцинации неизбежны, а я слишком хотела его увидеть.

— Прости, — покаянно повторил Лис, сидя передо мной на коленях во всех своих длиннополых сыттарских тряпках. — Я знал, что герцог жесток. Но почему-то думал, что у него просто не будет повода поступить с тобой так... Я дурак, Роуз. Дурак и скотина, подставивший тебя под пытки.

— Ты не подставлял, — устало качаю головой. — Это был мой выбор, мое решение... Моя глупость. Ведь знала же, чувствовала всегда, что герцог и костер для меня синонимы! Так ведь нет, предпочла поверить первой встречной...

— Костра не будет, Розы, что ты? Я не допущу! Чтобы какая-то зарвавшаяся тварь... — его брови сошлись на переносице, алые волосы искрились, а черные провалы глаз давили мраком непоколебимой уверенности.

Вот только он по-прежнему сидел на коленях в двух шагах от меня и не делал ни малейшей попытки приблизиться. И это Лис, который никогда не останавливался на «посмотреть», если можно было погладить.

— Ты можешь снять с меня цепи? — спросила, холодея от мрачного предчувствия.

— Увы, — предчувствие он оправдал.

— И даже просто коснуться?

— И даже это, — отчаянно сжав зубы, он опустил голову, признавая собственное бессилие. — Магия Храма... Сильна, реально сильна. Им дал ее Дэус, они победители, мы побежденные. Я даже чувствовать тебя перестал, едва он... как выясняется, надел эти цепи. А я так надеялся, что амулет. Он их в Архиве набрал — весь дом увешан, я едва нашел, как войти, чтоб ни один не зацепить. Мог бы и с тобой одним поделиться. От меня бы закрыл столь же надежно, тебе бы не навредил — в тебе энергия жизни...

— Это первое, что он предположил: ты прислал меня за его амулетом, — поведала горько. — Потому, видимо, и не дал.

— А смысл? — отчаянно выдохнул Лис. — Мне его амулет зачем? Мне от него какой прок? Как можно быть таким недоумком?! Пришла к тебе прекрасная принцесса с просьбой о помощи — ну защити ты ее от дракона, тебе ж это вообще ничего не стоит! А в благодарность она сделает для тебя все — отдаст и душу, и тело, и поделится всеми самыми сокровенными знаниями, и добудет самое большое сокровище! Что проще?

— Он не ты, — пожимаю плечами. — Это ты первым делом тащишь в постель, а у герцога немного иной метод добычи информации. Да и спасение принцесс — не его профиль. Его интересует лишь битва с драконом. А сколько уж там невинных дев погибнет в процессе — да кому вообще нужно их считать?

— Ты не погибнешь, Роззи, я обещаю!

— Что, без меня ты не получишь свое сокровище?

— Ты мое сокровище, Роззи. Моя сладкая тайна, моя прекрасная роза — вот уже восемь лет. Я слишком долго наблюдал, как ты расцветаешь, чтобы допускать даже мысли о твоей смерти. А Черный замок — он не для меня, он для тебя. Твой шанс изменить судьбу — единственный шанс. И поэтому... ты не жди, чем кончится «битва с драконом». И над трупами не рыдай. Ты беги...

— Как, Лис? — я протянула ему свои руки, звякнув цепями.

Он нервно сглотнул, споткнувшись взглядом об ожоги на моей коже.

— Как только станешь свободной. Тебя освободят, я заставлю, — он взглянул мне прямо в глаза, и голос его излучал уверенность. — И, как только это случится — беги в Черный замок, Роуз. Лети, скачи — как выйдет, это не важно. Главное — не в долину. Туда. Там твой истинный дом, Роуз. И твое спасение.

— Там развалины, Лис, просто развалины, мать всегда говорила. Даже если там когда-то и было что-либо ценное, его давно унесли.

— Единственную ценность Черного замка унести невозможно, Роуз, что ты? Ее даже найти-то никто не смог и не сможет — только ты.

— Почему ты думаешь, будто я смогу то, что не удалось никому?

— Потому что только ты слышишь голоса богов, только с тобой говорят алтарные камни, — мягко улыбнулся он мне в ответ. Так уверенно и спокойно, что пропало всякое желание ему перечить. Слышу? Богов? Ну ладно, пусть. Они б меня еще послушали. — Ты все поймешь, когда окажешься там, моя нежная. Только доберись туда, Роуз, умоляю тебя!

Я кивнула — что мне еще оставалось? А он все смотрел, смотрел...

— Он заплатит, я обещаю. Он за все заплатит, Роззи, даже не сомневайся. Потерпи еще немного, милая. Ты будешь свободна, будешь жить, никакого костра! Я не допущу, Роззи, я никому никогда не позволю...

Я потом вспоминала его слова. Он ушел, а я все вспоминала их, вспоминала... Как он сидел, как он смотрел, как говорил... Как вновь превратился для меня в мальчишку-конюха в линялой рубаше, и в блистательного графа Герхарда в шикарном наряде и с унизанными перстнями пальцами... А вот в герцога я его превращаться не попросила. Да он и сам не рвался...

Я все вспоминала, и не могла отделаться от впечатления, что он прощался. Не верил до конца, что сумеет спасти? Или не надеялся потом спастись? Судя по тому, что от бывшей самоуверенности не осталось и отблеска, с герцогом он действительно просчитался. А возможно, и с той поддержкой, что смог оказать главе Тайного Сыска Храм. Количество ли, качество храмовых артефактов его поразило, безусловным будущим победителем он себя уже не считал.

А я... А я была просто рада, что он пришел. Я соскучилась. Он был монстром и чудовищем, отобравшим у меня человеческую жизнь, но я была счастлива с ним. Это глупо, я знала. Но ведь была.

* * *

Александр ждал. Весть в Храм он отправил сразу, едва ему доложили о появлении сильфы. Специализированные отряды борцов с нечистью должны были прибыть в город в самое ближайшее время. Горожанам объявили о предстоящей казни, на площади начали сколачивать помост.

А в доме было тихо. Ни один из амулетов, размещенных герцогом вокруг камеры пленницы так, чтобы лишить сыттар любой возможности пробраться незамеченным, присутствия демона не фиксировал. Однако в том, что сыттар придет, герцог практически не сомневался. Самоуверенный и наглый, просчитавший все, кроме этого, он не допустит ее гибели ни при каких обстоятельствах. Слишком долго он эту девчонку выращивал, слишком

сильно берег, слишком нежно обхаживал. Да он рискнет всем, чтобы не допустить ее казни! И попадетсЯ. Обязательно попадетсЯ. А вот тогда посмотрим!

Конечно, допросов нечисти подобного уровня Александру проводить еще не доводилось, и возможные итоги «беседы» он представлял смутно, на раз уж демона можно пленить (а документы Храма говорили об этом однозначно), то и нанести ему существенный урон, без сомнения, удастся. А там, возможно, и заставить серьезно пересмотреть условия Договора. Все же одно дело — это тихо и незаметно изымать из мира проклятое семя прислужниц богини, и совсем другое — вмешиваться в политику и провоцировать войны.

Жаль только, так и не удалось найти подлинный текст того документа, одни лишь упоминания о заключении Божественной сделки, а упоминания и пересказы — это, все же, не совсем то... Вот демоны молодцы, свой экземпляр сохранили, а разгильдяйство Храма несколько удивило. Их Архив был и создан именно для того, чтобы там никогда и ничего не пропадало.

— Ваше высочество, вы позволите? — его размышления были прерваны Лансом.

— Да, я слушаю.

— Арестованную надо бы покормить. День к вечеру.

— Так что не покормили?

— Так вы ж не велели без сигнала туда соваться. А только сигнала все нет — не идет демон-то.

— Нет — значит, будет. Бдительности не терять. А еду подготовь — сам отнесу. Лишний раз пообщаться не помешает.

* * *

Она дремала, сжавшись в комок у самой стены. И на миг герцогу стало невыносимо жаль ее — маленькую, изможденную, пришедшую к нему за помощью и спасением. Захотелось взять ее на руки, отнести в постель, укрыть теплым одеялом... Пришлось одернуть себя, что не время и не место сейчас для эмоций, на кону дело государственной важности, в котором девчонке отведена важная роль приманки. И приманкой она должна быть именно такой — несчастной, истерзанной, со следами перенесенных страданий и лишений, с отчаяньем в мыслях...

Вот только в мыслях у нее явно было что-то другое: Роуз улыбалась, рассматривая свои сны.

Поставив поднос с едой на пол, герцог достал монокль и внимательно оглядел камеру сквозь «глаз истины». «Контур отторжения», создаваемый заговоренными цепями, нарушен не был, никакие инфернальные силы к разуму девушки не тянулись — она спала. Самым обычным и обыденным образом, без всяких мысленных контактов со своим повелителем. Но все же остаточные следы присутствия в камере темной сущности разглядеть ему удалось.

— Он был здесь, верно? — поспешил Александр проверить сделанные выводы.

Роуз вздрогнула, просыпаясь, и тут же попыталась сесть — сгруппировавшись и изо всех сил вжимаясь спиной в стену.

— Я просто принес тебе поесть, — попытался он ее успокоить.

— Не знала, что «ведьма» — это настолько высокий титул, что лично герцоги прислуживают.

— И такое случается. Так что с сыттаром: он приходил?

— Да, — отпираться она не стала.

— Надеюсь, оказался достаточно впечатлен увиденным, чтоб броситься делать глупости? — только и оставалось, что игра «все идет по плану». Хотя предельно ведь ясно: как бы ни был тот демон впечатлен, осторожности он не потерял, и необдуманных поступков совершать не намерен: незаметно пришел, незаметно ушел, никаких эскапад под воздействием эмоций. Впрочем, Анабель же объясняла — твари не эмоциональны.

— Глупости он обычно делает до того, как моей жизни начинает угрожать опасность, — нагло заявила девица, глядя ему прямо в глаза. — А после — становится предельно серьезен. И порой его противник даже успевает понять, что глупость сотворил как раз он.

— Да ты практически угрожаешь мне, Роуз, — Александр неодобрительно покачал головой. Впрочем, особого недовольства он не испытывал. Герцог ненавидел тех, кто униженно молил о пощаде, заливая его туфли слезами. Испытывал легкую брезгливость к ушедшим после вынесения приговора в полную прострацию. Те же, кто огрызались, до последнего сохраняя присутствие духа, были, пожалуй, самой сносной категорией смертников.

— Я отвечаю на ваш вопрос. Предельно честно и предельно подробно, как вы меня и учили, — она плотнее обхватила коленки. Не от страха, скорее — от холода. Невольно излишне сильно прижала обожженную огнем грудь. Зашипела сквозь зубы, устраиваясь удобнее. Но глаз от него так и не отвела.

— Он велел мне что-нибудь передать? — спросил герцог о том, что действительно было важным.

— Нет.

— Выражал недовольство, что ты «сбежала» от него и попала в результате в беду?

— Был расстроен, что я попала в беду.

— Обещал спасти?

— Да. Конечно.

— И ты ему веришь?

— Что будет спасать? Верю. Что спасет? Это не только от него зависит. Он признает вашу силу и вашу хорошую подготовку. Но он не отступит, в это верю твердо.

— И именно это заставляет тебя улыбаться?

— Почувствовать, что ты дорога, что любима — разве этого мало, чтоб вызвать улыбку?

— О чем ты, девочка? Он демон. У него нет души, он любить неспособен.

— «Демону недоступны ни жалость, ни сострадание», — покорно кивнула Роуз. — Да, я тоже читала это в детстве. Но знаете, это описание больше подходит вам.

Наказывать за дерзость не стал — просто вышел. Он уже приговорил ее к смерти, какие могут быть еще наказания? Жестокость ради жестокости? Демоном он как раз не был, поэтому без необходимости силу не применял никогда.

— Позови девчонке лекаря — раны гноятся, — бросил ожидавшему его снаружи Лансу. — Да купите ей на рынке добротное шерстяное платье с исподним и помогите надеть, в подвале холодно. И... кровать, что ль, поставьте. Она, все же, благородного рода, негоже ей спать на полу.

— Да, ваше высочество. Но... как же демон?

— А демон ее уже посетил. В ближайшее время вряд ли вернется. Так что нет смысла

мучить девушку дальше — все, что нам нужно было, демон уже увидел.

— Да, конечно. А... как же он? Прошмыгнул-то? Ну и?..

— Что «ну и», Ланс? На то и демон, чтоб поймать его было непросто. Но ничего, мы справимся. Не сработала одна ловушка — значит, угодит в другую.

* * *

— Зачем нам спасать ее, Герлистэн, о чем ты? — Ландалиан посмотрел на брата, как на умалишенного. — Все идет по плану, и все идет просто прекрасно. Один из Верховных Рыцарей Дэуса вот-вот казнит ту, что уже отдана сыттару, зная о том, что она отдана сыттару, и тем самым нарушит договор. От нас требуется просто ждать, и мы получим свободу на блюде! Что тебе эта Роуз? Мы станем свободны, у тебя будет любая, любые — без счета!

— Как ты верно сказал — она уже отдана сыттару, — прорычал Герлистэн, с трудом сдерживая гнев. — То есть мне. А я никому и никогда не позволю отнять у меня мое! Никому и никогда, запомни это!

— Но Гер, на кону стоит наша свобода, ради нее гордыней можно и поступиться, — подал реплику Редириан.

— Речь не о гордыне.

— В этом случае можно поступиться и честью, — Ландалиан уступать не собирался.

— Вот ты ей, видимо, и поступился! Когда начал строить козни за моей спиной! План был другой!

— План был именно этот, — вступил в беседу Касавьер. — До тех пор, пока ты не влюбился в эту свою розу, как последний слюнтяй.

— До тех пор, пока я не нашел вариант интересней! Всем нам интересней, а не только мне-слюнтяю. И мы это обсуждали, и вы согласились, что в случае успеха с Черным замком, мы получим больше и сразу.

— А в случае провала? Мы получим как минимум ничего, а как максимум... — продолжали спорить братья.

— А как максимум, мы подождем твоей очереди завести себе юную сильфу, и отправим на смерть ее, чем плох такой вариант? — возрился Лис на последнего говорившего. — А от моей извольте руки убрать!

— Но, Герли, погоди, остынь. Взгляни спокойно: оно само все чудесно складывается. От нас требуется простейшее — не мешать.

— Оно само? Оно само так сложилось, что у Рыцарей Храма не осталось ни одного экземпляра договора? Само так вышло, что его суть давно потонула под домыслами и пересказами? Само получилось, что герцог так и не нашел текста Статута Према, по которому был обвенчан?

— Так о том и речь — это сделано было давно. Не лично против тебя и не лично против твоей сильфы. Мы терпеливо выжидали столетиями, чтоб не создать неудачный прецедент, который пробудит человеческую память. Чтоб не явился в последний момент седой монах с криками «не смейте!». А теперь — он не появится, мы знаем точно. Герцог везде искал, он спрашивал всех, посылал запросы в самые дальние обители...

— Вот как раз из самых дальних ответ мог еще попросту не прийти.

— Он бы пришел, если бы они его знали. Послушай...

— Нет, послушайте вы! Роуз — моя сильфа. И убить ее я никому не позволю — ни людям, ни вам! И я очень советую вам, братья, не вставать у меня на пути!

— Боюсь, ты не понял нас, брат, — повысил голос Касавьер. — Это мы никому не позволим встать между нами и нашей свободой. Даже тебе, не говоря уже о твоей девчонке. Ландалиан прав, девчонок много. А момента, когда алтарный камень расколется именно под нашим договором, мы ждем уже слишком долго. Теперь он пришел. Никто не в силах обвинить нас, что мы не чтим договор. Мы чтим его безукоризненно, столетиями. И теперь лишь цепь роковых случайностей привела к тому, что не закончившая перерождение сильфа попала в руки Верховного Рыцаря. А уж то, что он решил казнить юную девушку — не за преступления, но лишь для того, чтобы она не попала к нам — это только его решение и только его ошибка. И никто — НИКТО, Герлистэн — не помешает ему эту ошибку совершить.

— Попробуй мне запретить.

— Я уже тебе запретил. Ты не покинешь Долину, пока все не закончится.

— Моя сильфа еще жива, а значит, и я — все еще живой. Живым же место среди людей, и ты не вправе меня удерживать, — он поднялся. — Прости, беседа перестала быть интересной.

— Ну-ка держите его! — тут же взвился Касавьер, теряя невозмутимость.

Навалились вшестером. Сбежать не успел, отбиться, понятно, не смог.

— Не делай этого, Ксар, — прохрипел из последних сил, глядя на старшего брата.

— Не делать что, Герли? Не сражаться за свободу своего народа? Не стремиться снять с нас вековые оковы? Прости, ты просишь о невозможном.

— Но замок...

— Замок не нужен. Он был хорош, чтоб отвлечь внимание — и не в меру умного герцога, и не в меру влюбленного сыттара.

— Я не...

— Неважно. Это все уже неважно, Герли. Через пару дней ты сам скажешь нам спасибо. Заприте его, братья. Скоро все кончится. Свобода близка.

* * *

Беспольные сожаления Александр предпочел скрыть. Да, заманчиво было мечтать, что, взбешенный увиденным, демон опрометчиво схватится за цепи, дабы освободить свою измученную сильфу. И тут же повиснет на них сам, благо подоспевшие на шум стражники опутают его сетями и обвешают амулетами до полной потери всех его демонических сил.

Что ж, первая попытка провалилась. Но ведь ничего еще не потеряно. Пленница по-прежнему заперта, и по-прежнему очень нужна демону живой и невредимой. Сыттар не соврал своей жертве, для ее свободы он действительно сделает все. Он не отступит, он будет пытаться спасти ее вновь и вновь. Пока не освободит. Или пока не попадется.

Чтобы не допустить первого и увеличить вероятность последнего, герцог полночи провел за анализом ошибок, совершенных при создании неудачной ловушки, и переустановкой охранных амулетов так, чтобы ни в коем случае не пропустить следующего визита демона.

А уже на рассвете встречал присланных ему из храма Мастеровых. Сети и амулеты были хороши, но все же ни в какое сравнение не шли с начертанной по всем правилам пентаграммой. Такому на скаку и по книгам не научишься, такому опытные наставники учат годами, зато и результат превосходит все ожидания. Конечно, чтобы начертить и напитать силой пентаграмму такого уровня, что требовалась сейчас, необходимо не менее тридцати шести часов (а лучше, конечно, и все сорок восемь), так ведь и казнь была отсрочена отнюдь не ради традиций.

Убедившись, что спасти пленницу из камеры невозможно, демон, несомненно, приложит все усилия, чтобы спасти ее по пути на эшафот, или уже с помоста. И потому, пока под громкие крики глашатаев, помост сооружали на главной площади, незаметные мужички в ношеной крестьянской одежде деловито и неспешно занимались некими земляными работами на заднем дворе временной герцогской резиденции. К тому моменту, когда станет ясно, что место казни изменено, у демона просто не останется времени изучать территорию досконально. Да и готовую пентаграмму, как утверждают специалисты, увидеть непросто. Даже демону. Особенно демону.

Пока же дополнительная защита не помешает. Однако, вместо с нетерпением ожидаемого герцогом святого воинства, в усадьбу прискакал лишь один монах в изодранной и обожженной одежде. Буквально свалившись с коня под ноги охране, он сообщил, что в монастырском подворье, где храмовое воинство остановилось на ночлег, среди ночи вспыхнул пожар. Который горожане, справедливо опасаясь и за свои дома, сначала бросились, вроде, помогать тушить.

Однако потом в толпе раздались крики: «Монахи подожгли город!» Подхваченные дураками и паникерами, эти крики множились, словно языки пламени на ветру. Во всех концах все громче, все многоголосей звучало безумное: «монахи хотят сжечь наш город!», «монахи приехали, чтобы сжечь нас всех!» И вот уже не ведра с водой, а камни летели в тех, кто пытался бороться с пожаром. В толпе замелькали дубинки и ножи, охваченные безумной жаждой убийства, горожане сначала набросились на монахов, но вскоре переключились и друг на друга.

— Словно одержимые, ваша милость! Они громят дома и лавки, жгут, убивают! И все это с диким смехом и безумными взглядами. В них словно демон вселился!

— Демон и вселился! Где ваши амулеты? Где молитвы? Где сила Храма? Чем вы заняты там были, что допустили подобное?!

— Так пожар же, ваша милость. Тушили.

— Вы в душах должны пожар тушить, а не деревяшки спасать прогнившие!

— Надо немедленно послать туда войска, ваше высочество, — позволяет себе совет его капитан.

— Войска? Ты представляешь, что будет, когда безумие охватит войска? Организоваться, провести очистительные обряды, — вновь оборачивается герцог к монаху. — Взять ситуацию под контроль: поставить горожан на колени и заставить хором читать молитвы; отсечь одержимых от просто поддавшихся влиянию толпы. Действуйте, не паникуйте! Мне вас учить, как бороться за людские души? И пошлите вестников по монастырям — завтра здесь должно быть все святое воинство!

— Так не успеют до завтра.

— Должны успеть! И пару отрядов — сюда, ко мне. Сохранить в неприкосновенности этот дом, куда важнее, чем успокоить город. Пусть окружают усадьбу по периметру,

оплетают заговорами и заклинаниями и ждут гостей! Не исключено, что вся эта безумная толпа сейчас направится штурмовать мои подвалы.

— Так может, не затягивать с казнью, ваше высочество? Раз такое дело, и нечисть так разгулялась...

— Что же ты за монах, раз нечисти испугался? Демон тебе такую возможность дает определить, кто чист, а кто одержим страстями бесовскими. Так пользуйся! А ведьма будет казнена в свой срок, без спешки и суеты, по закону и с благословения Пресветлого Дэуса. Мы не разбой творим, чтоб нам суетиться.

Ведьма! Если б его интересовала смерть ведьмы, та давно уже была бы мертва. Он убил бы ее сам, быстро и безболезненно, без всяких костров и долгих предсмертных мучений. Но герцогу был нужен сыттар, и ради его поимки и Роуз и горожанам придется еще немного потерпеть.

Как ни хотелось отправиться в город, чтоб лично организовать сопротивление нечисти, начавшей атаку чужими руками, пришлось отправлять с монахом своего капитана, а самому оставаться в усадьбе. Все же главная битва будет здесь. Герцог не сомневался, рано или поздно, обезумевшая толпа двинется в усадьбу. А главное — в усадьбу двинется тот, кто все это затеял. Так что город пусть умирят монахи, а ему остается лишь ждать.

До полудня все было тихо. Затем прилетел вестник из Тольского гарнизона: отряд, отправленный по указанию герцога доставить четыре подводы с порохом в Черный замок, бесславно погиб, в результате подрыва этих самых подвод еще в дороге. Причины подрыва были не до конца ясны, выжившие говорили о вспыхнувшем на ровном месте конфликте, о безумии, охватившем одного из солдат. Да, в общем, не важно. Пороха в гарнизоне осталось лишь пара бочек, везти его в замок из других гарнизонов — далеко, да и уже бессмысленно: раз демон уже узнал о намерении герцога взорвать чертов замок вместе со всеми его проклятыми сокровищами — он будет препятствовать этому и дальше. Продолжать попытки — лишь множить трупы.

Трупы множились и без того. Несмотря на все усилия монахов, волнения в городе, едва утихнув, тут же вспыхивали вновь, безумие передавалось, словно чума, от соседа к соседу. Уже к обеду герцог мог наблюдать толпы обезумевших лично, они шли на усадьбу бесконечным потоком.

Попав в поле действия монашеских амулетов и очистительных молитв, большинство светлело лицом и опускалось на колени. Тех, кому ни молитвы, ни амулеты не помогали, скручивали веревками и запирали в хлеву.

Однако, пришедшие в себя и отправленные по домам, люди вновь впадали в буйство и присоединялись к нападавшим, стоило им отойти от монахов на пару десятков шагов. А хлев уже к вечеру оказался переполненным, его стены трещали от попыток арестованных пробить их головами, и герцог всерьез опасался, что придется, в итоге дать приказ стрелять. Толпа не убывала, хоть и была покуда бессильна прорваться внутрь охраняемой территории.

К вечеру у начальника Сыска уже были вестники с сообщениями о том, что безумие охватило еще около десятка городов по всей стране, и послание короля с требованием решительных действий. Демона по-прежнему не было. Зато в спальне его ожидала Анабель.

Прекрасная и воздушная, она металась по его покоям, словно легкое облачко, носимое ветром.

— Ты нынче без фиалок, — удивления герцог не выказал.

— Что ты творишь, идиот?! — она метнулась к нему, чтобы замереть, не долетев

полшага. — Герлистэн обезумел, его сильфы все обезумели... Там — почти война, здесь — почти война... Братья заперли его пока, но запоры не выдержат, рухнут, и тогда... ты хоть представляешь, что будет тогда?! Да он землю и небо смешает за то, что ты сотворил с его сильфой!

— А чего он ждал, отправляя ее ко мне? Что я подарю ей цветов и повезу представлять королю?

— Я не знаю, чего он ждал, я тебе говорила! И говорила, что делать, чтобы все это кончилось: убей ее, убей немедленно! Сейчас же, пока еще можно хоть что-то спасти!

— Что спасти, Анабель? Разве смерть Роуз не приведет к еще большим несчастьям? Ведь обезумивший, по твоим словам, Герлистэн, вот-вот вырвется (зачем его заперли, кстати?) и начнет безудержно мстить.

— Нет! Не вырвется! Наоборот! Да как ты не понимаешь? Сыттар может покинуть Долину, лишь пока жива его сильфа! Убей ее, и он больше не будет тебе угрозой!

— Да, а толпы безумцев, что весь день штурмуют мои ворота? Сыттар не может покинуть Долину, зато его сильфам ничто не помеха. Заперт сыттар, свободен — не важно, они врываются в людские сны, сводят с ума, натравливают друг на друга... Разве со смертью Роуз все это кончится, Анабель? Разве они прекратят?

— Но... — она на миг растерялась. — Но иначе все будет гораздо хуже: ты не выступишь, он отнимет у тебя свою Роуз, а вместе с ней и жизнь! Он получит сокровище Черного замка — могущество, что позволит ему править миром! Твой род погибнет, твоя страна погибнет, начнется хаос! А это... Это все потеряет смысл, едва Роуз умрет. И ты справишься. Рыцари Дэуса справятся. Они победят безумие, защитят свою паству, лярги будут отброшены, изгнаны из людских мыслей. Ты же закрылся. Храм сможет закрыть и других. Герлистэна сломает неудача, он забросит людские дела, прекратит строить козни...

— Волнения стихнут, все забудется и образуется, — понимающе кивнул герцог, неспешно проходя к своему креслу и с комфортом устраиваясь. — Любопытно, Анабель, любопытно... И, если допустить, что ты мне не врешь, и Герлистэн заперт братьями, послал тебя ко мне отнюдь не он. Ландалиан, верно? Спешит подтолкнуть меня к нужным ему действиям твоими очаровательными устами, пока Южный Ветер и в самом деле не вырвался? Что ж, это многое объясняет. Герлистэну сильфа нужна живой, Ландалиану — мертвой... Что так, не подскажешь? Отчего нет единства меж темными братьями?

— Ревность, зависть... Не знаю! Да какая сейчас вообще разница? Пусть дерутся! Пойми, тебе эта Роуз нужна мертвая, только так ты сумеешь сохранить свою жизнь. Только так утихнет начавшееся в народе безумие.

— Твой хозяин мне это обещает? Так может, и не Герлистэн в ответе за безумие? Может, это меня так братья его поторапливают?

— Может быть, не знаю. Не важно. Пойми, вы сейчас на одной стороне!

— Я и демоны? Верится слабо. Но я готов послушать подробности про Черный замок. Про планы Герлистэна на меня и на эту сильфу. Про то, чем эти планы так резко мешают братьям.

— Я не знаю, я уже говорила.

— А как же «могущество» и «власть над миром», что ты только что упоминала?

— Так говорил Ландалиан. Я не знаю большего.

— Вот пусть и дальше говорит Ландалиан, я совсем не против.

— Я не он! — обиженно поджав губы, сильфа стремительно отлетела к окну и зависла

там, безмолвно глядя в темнеющее небо.

Герцог ждал. Торопиться ему было некуда.

— Герлистэн хочет власти, — отозвалась, наконец, Анабель лишенным эмоций голосом. — Власти над прочими сыттарамии. Эту власть ему даст та сила, что он надеется получить у Черной Богинии. Роуз — ключ. Она — дитя Лилит. Дитя особое, долгожданное, отмеченное...

— Что именно находится в Черном Замке?

— Врата Ада. Их может открыть лишь потомок Лилит, принеся в жертву потомка того, кто эти врата запирает... Согласись, после того, что ты с ней сделал, Роуз с задачей справится.

— Если я ей позволю.

— Так не позволяй, о том и речь! — к нему вновь обернулась Анабель, порывистая, импульсивная. Такая красивая...

— Это все, зачем тебя послали? — устало поинтересовался герцог.

— Я пришла сама. Пойми, мне нет дела, кто станет или не станет там главным. Я просто хочу спасти того, кого я люблю!

— Это я понял, Ана. Ты не улетай пока, если можешь. Посиди.

Она послушно села на подоконник. Красиво расправила платье, красиво расправила локоны, вновь взяла в руки букетик фиалок. А он сидел, и просто на нее любовался. Устал. В конце концов, пять минут бездействия он может себе позволить.

— Так ты убьешь ее? — сильфа не выдержала первой.

— Непременно, — кивнул Александр, прикрывая веки.

— Скоро?

— Да, очень скоро. Уже сейчас, — пообещал герцог, не трогаясь с места.

— И? — торопили его.

— И ужасно хочется спать...

Хорошо, что они не могли залезть ему в голову. Прочесть его мысли, или вынудить к действиям. Приходилось искать обходные пути, подсылать к нему обворожительных дев... Вот только эта уловка могла сработать лишь однажды. Однажды она и сработала.

Анабель была искренна, он даже не сомневался. Вот только она знала лишь то, что ей позволили знать, а значит, коварный Ветер Юга, якобы с трудом удерживаемый братьями, нужен ему все больше. Очень бы хотелось услышать и вторую версию происходящего.

А Роуз казнить нельзя. Ни в коем случае, что-то с этим нечисто. Выйдет поймать сыттару, нет, девчонке — помилование и размеренная жизнь в одном из монастырей, где святые молитвы и мощь храмовых амулетов позволят ей оставаться в человеческом теле, несмотря на уже произошедшие с ней необратимые изменения. Пока так, а дальше уже посмотрим.

Он все же уснул прямо в кресле, хотя собирался всего лишь хорошенько обдумать услышанное. А проснулся уже на рассвете от осторожного, но настойчивого стука в дверь.

— Срочный вестник из столицы, ваше высочество.

— Давай, — он протянул руку, не ожидая ничего особо хорошего. Но того, что все будет настолько плохо, он даже и представить себе не мог. Его величество Георг Двенадцатый был убит ночью в своей постели собственной фавориткой. Причину своего поступка легкомысленная красавица, нанеся королю восемнадцать ножевых ранений, сообщить уже не могла. Поскольку была застрелена на месте вбежавшим на крик монарха дежурным гвардейцем. Который, однако, на достигнутом не остановился, и начал стрелять во всех, кто сунулся в королевскую спальню за ним следом. Гвардейца, понятно, убили, но безумие это не остановило. Слуги бросились убивать хозяев, жены — мужей, любовницы — жен. Наследный принц попытался остановить вакханалию, но был тоже убит. «Кем-то из толпы», — сообщала бумага.

Оставалось лишь радоваться, что двух младших принцев сейчас в Иглезии нет, они в Марбуре на смотринах невесты. А впрочем, не рано ли радоваться, едва ли разбушевавшихся демонов остановит граница?

Дэус, где же ты, почему ты допускаешь подобное? Откуда у демонов столько сил, ты ж их запер? И что же там реально стоит на кону, раз демоны так неистовствуют?

— Доволен? — с усмешкой поинтересовался Ланс, голосом низким, словно рычание дикого зверя.

— Ты! — герцог вскочил, отточенным движением накрывая оборотня сетью. Тот успел лишь удивленно поднять глаза, и тут же рухнул под ноги победителю.

— Зачем же ты так со своим слугой, Алекс? — все тем же голосом спросил его появившийся в проеме двери монах.

На ответ тратить время не стал, выхватив из кармана свисток, огласил дом условленной трелью.

— Звучно, — согласился монах, проходя в покои и закрывая дверь у себя за спиной. — Значит, сейчас они все как прибегут, прибегут... И начнут меня изгонять. Или ловить?

— Или убивать, — мрачно пообещал герцог, доставая заговоренный кинжал.

— Или убивать, — спокойно кивнул монах, никак не реагируя на воинственный намерения собеседника. — А я, собственно, бумажку тебе одну принес почитать. Ты ведь, я смотрю, любишь читать по утрам бумажки, — он кивнул на оброненное герцогом донесение из столицы и достал из широкого рукава пожелтевший от времени свиток. — Прошу, — с легким поклоном протянул его герцогу.

— Благодарю, — под ребра монаха кинжал вошел хорошо, по самую рукоять. Монах глухо охнул и тяжело осел на пол. Взгляд его остекленел, на одежде заалела кровь.

— Напрасно, он был безобиден, — ненавистный голос раздался вновь, но уже из-за спины. Резко обернувшись, герцог обнаружил своего очередного незваного гостя невозмутимо восседающим в том самом кресле, которое он, вскочив, отбросил прочь. Лощеный великосветский красавец с ярко-рыжими кудрями и изумрудной зеленью глаз смотрел на герцога с откровенным презрением.

— Он не был монахом. Те носят священное Око Дэуса поверх одежды, — симпатий к

незваному гостю Александр тоже не выражал.

— Носят, — кивнул незнакомец. — Пока их не отправят усмирять беснующуюся толпу. А в толпе за амулетом уследить сложно, чуть зазевался — и уже сорвали.

— Значит, не стоило зевать. Что теперь, демон? Исходя из того, что в моем окружении подобного вельможи не было, а в беснующейся толпе он вряд ли сохранил бы в неприкосновенности белоснежное кружево своих манжет, этот облик мне предлагается принять как твой.

— Облик вторичен. Ты можешь уничтожить и этот, возникнет еще один. А суть моего предложения не изменится: прочти свиток.

— К чему такие сложности? Все, что считаешь нужным, ты можешь сообщить мне и устно, — отвлекаться на чтение, оставшись с демоном один на один, разумным герцогу не показалось.

В двери глухо ударили, пытаясь ворваться. Безуспешно.

— Не переживай, силой не откроют, — «успокоил» герцога демон. — Пусть молитвы читают, громко и с выражением. Глядишь, поможет чем.

— Ваше высочество! Ваше высочество, вы там? Вы в порядке?

— Да! Он пришел! Ломайте! И усилить охрану арестованной — это может быть отвлекающий маневр! Любого, кто приблизится к камере без защитного амулета на шее считать пособником демона и поступать соответственно! Не щадить! Не слушать!

— Да, в уничтожении собственных людей, я вижу, помощь тебе не нужна, — демон задумчиво полюбовался перстнями, нанизанными на его пальцы прямо поверх перчаток. — Потому давай вернемся к вопросам спасения мира. Свиток, Алекс. Изучай, пока не случилось непоправимого. Незнание порой губительно.

— Иные знания губительны не меньше. Что в свитке?

— Объяснение происходящих сейчас событий. И описание последствий принятых тобой решений.

— Расплывчато.

— Нет, предельно ясно. Это Статут Прими, герцог. Подлинник. Мне говорили, ты очень его разыскивал.

Не сводя напряженного взгляда с гостя, Александр, склонившись, забрал свиток из безвольной руки монаха. Развернул, убеждаясь в наличии на документе божественного сияния Дэуса и подписи легендарного короля Арта.

И тут же вздрогнул от резкого удара в окно. Оконное стекло тоже вздрогнуло, когда спустившийся с крыши на веревке гвардеец попытался пробить его ногами и ворваться в комнату. И гвардеец вздрогнул, когда маневр не удался, стекло даже не треснуло, а вот ноги пронзила сильнейшая боль.

— Да, плоховато ты подготовился к моему визиту. Изрисовал пентаграммами все дворы и подвалы, а собственные покои практически ничем от меня не защитил, — прокомментировал происходящее незнакомец. — Ну, разве что ты полагал, что я буду пробиваться к тебе через двор с толпой обезумевшего народа.

— Я слышал, будто ты и сам обезумел, Ветер Юга, именуемый Герлистэном, — раз уж гость упорно не желал представляться, герцог поименовал его сам.

— Любопытная версия, — от данного ему имени визитер не отказался. — Ты читай, не отвлекайся. Я прослежу, чтобы нас не беспокоили.

Он читал. Читал и бледнел, и перечитывал еще и еще раз. Стены дома дрожали от ударов топора и ударов святых молений, сыттар (или тот, чьими устами демон желал сейчас говорить) невозмутимо сидел в его кресле, а герцог продолжал изучать документ, позволивший сыттарам фактически погубить королевство.

Договор, полюбовный договор, заключенный по воле и под покровительством Божественного Дэуса его Рыцарями с одной стороны и восьмью Вольными Ветрами с другой. Договор, в котором подробно прописывалось, как, когда и на каких условиях благодарный за помощь Дэус позволяет сыттарам отныне проникать в человеческий мир. Прежде вовсе лишённые такой возможности, теперь они могли раз в сто лет лично являться к людям, дабы выбрать себе невесту из рода Лилит и, с одобрения родителей, совершить с ней брак по законам земного мира — пред очами Пресветлого Дэуса. Гарантом и свидетелем совершения брака, человеческим воплощением нечеловеческой и нематериальной сущности жениха, хранителем брачной клятвы становился при этом один из Рыцарей Дэуса, отдавая таким образом долг своим нечистивым союзникам, без которых не было бы победы в Войне Богов.

И в приложении к Статуту, той самой брачной клятве, что смог прочитать, но не смог понять полуграмотный священник из Сторинской церкви, и в самом деле дополнена была всего одна фраза: «...в лице моего отражения в зеркале ветра и во исполнение Статута Премии...» А все остальное там было стандартно: «Я (Александр) беру тебя (Роуз)» и много-много правильных слов. Но «я беру тебя» — в лице своего двойника, «я буду мужем тебе» — в лице своего двойника. И лишь брачные клятвы хранить не отражению — живому.

Во исполнение Статута Премии.

А Статут уже прямым текстом объявлял связанного брачной клятвой Рыцаря Гарантом и Хранителям союза сыттара и его будущей сильфы, чья задача «оберегать, хранить и поддерживать» этот противоестественный союз. Особенно «в переходный период», когда природа юной новобрачной «двойственна», и она «особенно уязвима». И, конечно же, Гарант не может чинить препятствий к осуществлению супружеских прав, не может насильно разлучать супругов. И уж тем более не может убивать ту, что Договор обязывает его хранить.

— Как видишь, договор уже нарушен, — негромко произнес сыттар, прерывая затянувшееся молчание. — И это дало сыттарам возможность нарушить свою часть — о «невмешательстве в дела людей в иной форме, нежели это указано в Договоре».

— Ты сам прислал ее ко мне!

— Прислал жену к мужу, что ни букве, ни духу не противоречит. Находясь между двумя мирами, обладая двойственной природой, Роуз, фактически, является сейчас женой двух мужей. И ее человеческая половина — твоя по праву, — невозмутимо отозвался сыттар, по-прежнему неподвижно сидящий в кресле. Вот только взгляд его невозмутимым не был — изумрудная зелень, казалось, горела огнем. Призрачным зеленым огнем, обещавшим лишь разложение и смерть. — Ты мог бы принять ее, как жену, договор допускает такое прочтение. Твоя — покуда жива, моя — после.

— И зачем тебе это могло понадобиться? — хрипло поинтересовался герцог, не сводя с сыттара напряженного взгляда.

— Роуз боялась умирать, — чуть пожал тот плечами. — Боялась меня — такого, каков я есть без этой приторной маски. Хотел ей показать, что бояться стоит не внешности — твоя идеальна. Вот только жизнь с тобой очень быстро научила бы ее, что ценить стоит не форму, а содержание. Не важно, как называется твое бытие — жизнью или не-жизнью, не важно, проходит твоя рука сквозь мебель, или твердо держится за нее. Важно лишь то, что именно ты творишь. От того, мой любезный герцог, что творишь в этой жизни ты, она очень быстро бежала бы в ужасе. Ко мне. Растеряв все сомнения. И была бы счастлива.

— Все, что я делал с тех пор, как из юноши превратился в мужчину — это защищал интересы государства, демон, и боролся с его врагами, — Александр лишь безразлично поморщился. — Ну ладно, допустим. Допустим, демон, я в это поверю. Роуз наивна, поешь ты сладко, и моей строгости она, возможно, и предпочла бы твои нежные речи. Вот только при чем здесь замок?

— Не причем. Он не для тебя.

— Да? А как же «врата Ада», что откроет принесение меня в жертву, как любезно сообщил мне давеча твой белоснежный брат?

— Врата ада уже открыты, просто взгляни в окно. Тобой, если ты до сих пор этого не понял. Но братьям этого мало. Договор нарушен, но не разорван, алтарный камень еще не треснул. А знаешь, что будет, когда это случится? Когда мы станем свободны от клятвы, которой сковал нас Дэус? Когда Вольные Ветра действительно станут вольными?

— Дэус сковал? Да по этому Договору он и так дал вам больше, чем вы имели!

— Но меньше, чем обещал! Меньше, чем отняла у нас его Дэя! — он все же вскочил. И глаза полыхнули уже не зеленым — алым. — Но ты почти исправил несправедливость, Рыцарь. Почти справился. Тебе остался один только шаг! И Вольный Северный Ветер, «мой белоснежный брат», принесет вам стужу зимы, от которой воздух будет замерзать прямо в легких! А когда ему надоест, Ветер Юга — у которого не останется причин жалеть здесь кого бы то ни было — принесет выжившим зной пустыни, и кожа тех, кто сумел уберечься от холода, начнет покрываться волдырями от нестерпимого жара, а реки и колодцы пересохнут, лишая страждущих даже глотка возделенной влаги. Впрочем, влага придет — вместе с Вольным Ветром Востока, обрушится на ваши берега цунами, затопит наводнениями посевы. Надоест ему — придет Ветер Запада, самый легкий, самый приятный. Он принесет чуму и холеру, горячку и проказу, оспу и чахотку...

— Прекрати запугивать меня!

— Разве я тебя запугиваю, мальчик? Пугают тебя они, — сыттар кивнул на окно, за которым святое воинство с трудом, но все еще сдерживало напор безумной толпы. — Торопят, мешая думать и вынуждая совершить роковую ошибку.

— И что же, все прекратится, едва я отдам тебе Роуз? — поинтересовался герцог, практически не сомневаясь в ответе.

— Нет, — с ответом не угадал. — Сыттары отступят, да. Но само оно не прекратится. Слишком много крови уже пролилось. Будут бунты, междоусобица, борьба за власть, вторжение извне. Марбур поддержит младшего принца, чтоб посадить на трон свою дочь, бароны закричат, что королевская власть в принципе ни на что более не способна... Но у государства все же останется шанс. И у Дэуса. А вот вырвавшиеся на свободу сыттары предательства ему не простят.

— Да чем он предал вас?! Он дал вам больше, чем вы имели, — герцог в раздражении потряс документом. — До Великой Войны вы лишены были доступа в этот мир. Он же

позволил вам охотиться за человеческими душами, разжигать их пагубные страсти, питаться их похотью и безумием! Он позволил вам забирать человеческих дев, отнимать у них жизни и превращать в свое орудие разврата! Он... скорее, он предал нас, своих Рыцарей. Самых верных, самых преданных слуг он отдал на откуп демонам. Наши жизни, наши судьбы — все вам! И вы же еще недовольны!

— А кто сказал тебе, рыцарь, что вы нужны нам — вы все? Ваши жалкие страстишки, ваши мелкие душонки? Мы Ветры, нас манят иные масштабы, иные горизонты. Мы существовали задолго до того, как Божественная Чета решила заселить своими «детьми» этот уголок вселенной. Мы не нуждались в богах, и не нуждались в людях. Но Они пришли, пообещав, что мы не будем друг другу помехой. Потом же Пресветлая Дэя...

— «Пресветлая Дэя»? — не дослушав, скривился герцог. — Это Черная Богиня-то? Дэя уж, света там...

— Света там было поболее, чем в ее супруге, — непреклонно оборвал его демон. — Да, рыцарь незнакомого тебе бога, Пресветлая Дэя была супругой Божественного Дэуса, его второй половиной, его великой любовью... — он невесело усмехнулся. — Принадлежащей ему Любовью, так будет более точно. Поскольку была она Богиней Любви. Дэус же любить не умел никогда, только владеть. Он Бог Договора, ему чужды эмоции. Холодный разум, слепое следование данному слову — в этом была его сила, и в этом же — его слабость. Пообещав не трогать Вольные Ветры, он мог лишь смотреть, как их свободные танцы приносят порою смерть и разрушение в людские земли. А Дэя любила людей, и их горе было для нее превыше любых ранее данных обещаний. Она изгнала нас, пойдя войной, закрыла небо над своими землями. И прокляла, лишив материальных тел. Превратив из сыттаров — повелителей воздуха — просто в воздух. Мы были живыми, мы были разумными, но при этом нас больше не было. Сгустки разума, заключенные в потоках воздуха — вот во что превратило нас ее проклятие... Дэус тогда поморщился, но смолчал: договор нарушен не им, а выгода очевидная, — уйдя в воспоминания о тех далеких, но столь судьбоносных для его народа временах, сыттар, казалось, забыл, что перед ним — враг. Он говорил и говорил, а герцог не спешил перебивать. — Только люди все множились, нас изгоняли все дальше, а меж Божественными супругами все сильнее росло непонимание. Она прощала тех, кого Дэус уверенно обвинял. И карала тех, кто, согласно букве, был невиновен. Она читала в сердцах, он — только по книгам. Она видела суть, он — только внешность. Война между ними должна была вспыхнуть — и однажды вспыхнула. Они были равны, они были сильны, а мы — обижены. Ей, и потому мы примкнули к нему. Мы хотели вернуть свои тела, мы хотели вернуть возможность проникать беспрепятственно в людские земли. Он обещал. И вернул. Вот только свои тела мы могли получить лишь на время, что человеческая дева, связанная с нами нитями договора, питала нас своей силой. Либо в непосредственной близости от Источника жизни, бьющего в центре Заповедной долины, ставшей отныне нашим домом. Отменить проклятье богини полностью он не смог. Или не захотел. И вместо желанной нами возможности пронзать пространства, беспрепятственно проникая в любой уголок человеческого мира, он дал нам возможность беспрепятственно проникать в людские души. Вместо пылинок звезд, что оседали некогда на наших мантиях, он сделал нашей пищей пороки и страсти, что обременяли, как он считал, худших из его подданных. Он открыл нам дорогу в человеческие земли, о, да! Но не так, как хотели мы. А искалечив нас, извратив нашу природу. Сделав нас своими карманными демонами, придумав из нас врагов своей разросшейся и поднабравшейся наглости пастве. И заняв делом вас, его верных, но не в меру

сильных Рыцарей. Чтобы, страдая от безделья, вы не полезли бы к нему качать права, — демон вновь неприятно усмехнулся.

— Как любопытно. Думаешь, я поверю? Сказкам демона, что порочит моего Бога?

— Имея на руках Договор? Тебе придется очень постараться, чтобы не поверить фактам, Рыцарь. Там ведь прописано все, что он нам разрешил. Простейший вопрос: а зачем это богу? Зачем ему запускать в свой мир подобную нечисть? — сыттар даже изволил сделать паузу, но не дождался ответа. — Вот за этим, милый мой мальчик, только за этим: мы находим в душах людей гнильцу и раздуваем ее, делая скрытые помыслы и пороки явными и угрожающими окружающим. А вы — Рыцари и монахи — боретесь с нечестивцами и побеждаете их во славу Дэуса, и караете их, неся Страх Божий. И поете на всех углах, что демоны — зло, порожденное Черной Богиней и служащее лично ей.

— Дэус не лжет, демон. В отличие от тебя. Он — бог Чести и Справедливости. В отличие от тебя. Его слово — нерушимо, как Договор. Разве можно то же сказать о твоём? Так кому я поверю?

— Дэус и не лжет, — невозмутимо отозвался сыттар. — Но не мешает это делать вам. Не мешает впадать в заблуждения и совершать выгодные ему ошибки. Дэус лишь объявил Дэю Злом, которое повержено. Он и считал ее злом — ведь судила она не так, как он. А вот Черной Богиней ее стали именовать уже Рыцари Храма. Приписывать ей все зло мира стали уже Рыцари Храма. Обвинять всех мерзавцев в служении лично ей тоже стали они. А Дэус твой чист. Он выше их глупости. Слов он не нарушал, напраслину не возводил. Не мешал просто. Что же до слова, «нерушимого, как Договор» — тебе ли не знать, как составляются договоры. Сколько хитрости и изворотливости порой приходится применить, чтоб составить договор в свою пользу. Неточность и расплывчатость формулировок, примечания мелким почерком, заведомо невыполнимые условия... Договор — это искусство узаконенной лжи, тут до чести далековато.

— Договор всегда таков, каким его составят и примут обе стороны. Каков бы он ни был — он исполняется, демон. И в этом — Слово Дэуса. И в этом — его Честь.

— Вот на этом его и поймали, герцог. Причем — твоими руками. Так что теперь — наслаждайся последствиями. Дэус не вмешается и не остановит эту смуту — он облажался с Договором, и это — плата. Весь мир катится в бездну, а он ничего не может поделать...

А вот Дзя — сможет, — многозначительно добавил сыттар после драматической паузы. — Любовь остановит ненависть и погасит безумие. Любовь вернет этой земле мир. Если ты вернешь этому миру Любовь.

— И где ж я ее возьму? — не то, чтобы Александр собирался бежать и возвращать, но от информации он никогда не отказывался. Тем более, от возможности узнать желания своего врага.

— В Черном Замке, конечно. Тебе не соврали. Там и правда Врата в Ад — личный ад, что сотворил для своей супруги Дэус. Позабытый портал в темницу Дэи, — уточнил сыттар, чтоб его уже точно поняли. — Последняя тайна рода Лилит.

— Ты только что утверждал, что Черный Замок — не для меня, а для Роуз.

— Разумеется, не для тебя. Ты никогда не отыщешь любви, пройдешь мимо и не заметишь. А вот Роуз найдет, — прислушавшись к шуму за стенами, сыттар улыбнулся немного печально. — Береги ее, герцог. Она — твой последний шанс спасти этот мир от гибели. Он уже стоит на краю.

— А вот ты уже за краем, демон, — герцог слушал не менее чутко. Да и медальон на

груди подсказал — ловушка сработала. Нет, вовсе не по недомыслию оставил он собственные покои самыми незащищенными во всей усадьбе. Понимал, что, не добравшись до Роуз, демон придет к нему. И неплохо подготовился к встрече.

Пока сам он успешно отвлекал демона беседой, а его гвардейцы демонстрировали усилия по взлому покоев под звуки бесполезных молитв, Мастерские дочерчивали последние узлы своей пентаграммы, замыкали последние контуры, напиткивали всей доступной им силой.

И выставленная демоном защита рухнула, дверь распахнулась, окно разбилось, впуская уже не гвардейцев — лучших храмовых воинов, а демон бился в путах упавшей на него золотой паутины, и был не в силах перешагнуть ни одну из вспыхнувших на полу линий. Личина рыжеволосого красавца сползла с него, словно кожа под воздействием кислоты, и теперь на герцога смотрело чудовище с черными провалами вместо глаз, с огнем, метавшимся по плечам, вместо волос, и рваными сгустками серого тумана вместо стройного тела.

— В договоре нет ни слова про то, что я не должен убивать попавшего мне в руки сыттар, — сообщил ему герцог, небрежно бросая свиток на стол. — И уж тем более, когда этот сыттар повинен в столь чудовищных преступлениях против короны. Что бы ты ни говорил, Герлистэн, а происходящее — только твоих рук дело, результат разыгранной тобою интриги, спровоцированных тобой поступков. Вынести тебе приговор и казнить — моя прямая обязанность, как хранителя государства. А после твоей казни Роуз будет принадлежать только мне, как ее единственному законному супругу. И у сыттаров просто не будет повода вмешиваться в наши семейные дела — и в дела всего государства. Мы будем жить с ней долго и счастливо: она — в монастыре, я — в столице, служа новому королю. С новой супругой, в окружении законных детей. Мой род не прервется, как не прервется и род погубленного тобой короля Георга. Все было напрасно, демон. Все эти люди погибли напрасно. Ты — погибнешь напрасно. Не будет вам воли. Будет смерть — каждому, кто еще попытается провернуть подобное.

— Нет, — мягко улыбнулся демон, не впечатленный пылкостью речи. — Не напрасно. Еще посмотрим, кто будет доживать в монастыре.

— Начинайте обряд! — велел герцог, бледнея. И пулей вылетел вон, не дожидаясь исполнения приказа. Вслед ему летели слова заклинаний, и хриплые крики демона, дом дрожал от основания и до крыши, порывы шквалистого ветра метались по коридорам, сбрасывая вещи, сдвигая мебель. Демон ревел и отчаянно сопротивлялся, и Александру — одному из высших Рыцарей Дэуса, с рожденья обладавшему недюжинной силой — следовало бы не просто принять участие в обряде, но взять на себя его самые ответственные, запирающие моменты. Однако оставалось надеяться, что монахи справятся и без него и нестись, уклоняясь от летящих в него предметов, вниз, в подвал, в камеру, где он запер Роуз. Да, герцог старательно забалтывал демона. Но ведь и демон слишком охотно болтал. А Роуз... Освобожденная, Роуз, конечно же, полетит освобождать свою Богиню. Если демон сказал ей хотя бы половину... Да ей просто некуда будет больше бежать. А Черная Богиня, вернувшаяся в мир — да ничего чудовищнее Александр даже помыслить не мог. Это будет конец — конец рода человеческого, конец жизни, конец всего!

Худшие опасения подтвердились. В коридоре валялись обезображенные трупы охранников и несколько трупов горожан. Дверь в камеру была открыта, цепи, похоже, просто вырваны с мясом из покрытой сетью глубоких трещин стены, где зияли теперь

безобразные дыры. Кровать, которую милостью герцога, предоставили пленнице, валялась разломанная и перевернутая посреди камеры. А Роуз, в девичестве Ривербел, здесь более не было.

* * *

«Не рыдай над трупами». Да от того, что я видела вокруг, хотелось не рыдать, хотелось выть. Забиться куда-нибудь в щель, свернуться в клубок и выть, выть от бесконечного ужаса, что творился вокруг. Да вот только ситуация к подобному времяпровождению не располагала. Конечно, если я хотела избежать костра не путем размозжения головы о стену.

Признаться, был момент, когда я подумала, что именно это со мной и произойдет, причем прямо сейчас. Когда с чудовищным грохотом дверь камеры сорвалась с петель, и ко мне ворвалась безумная толпа во главе с двухметровым громилой с кузнечным молотом в руках, я решила, что это конец. Что добрые горожане, наслушавшись зажигательных речей какого-нибудь полоумного монаха, решили не дожидаться казни, а самолично порешить злую ведьму прямо здесь и сейчас.

Но молот обрушился не на меня, а на крепившуюся к стене цепь, стремясь разрушить звенья, разбить оковы... Цепь резко дергалась от каждого удара, до крови сдирая мне кожу, пока одно из звеньев, наконец, не лопнуло под восторженные крики толпы, освобождая мою руку. Одну лишь только ее, ведь герцог не мелочился, всего цепей было пять. Но и останавливаться громила не собирался. Стена камеры пошла трещинами, со сводов посыпалась штукатурка, стало казаться, что еще немного, и они просто обвалятся, погребая под собою нас всех.

Но мои цепи были разбиты раньше. Не дав мне опомниться, меня подхватили на руки, накинув широкий плащ с огромным капюшоном, из-за которого я почти перестала видеть происходящее, и куда-то поволокли, то и дело спотыкаясь о попадавшие под ноги трупы. О, да, трупы под ногами мне было видно. Единственное, наверное, что мне было видно. Ну, еще и ноги бегущих людей, в одежде, возможно, когда-то добротной, сейчас же запыленной, изодранной, перепачканной копотью, грязью и кровью.

Мы выскочили на улицу. Тут тоже были трупы, тянуло гарью, в окна особняка летели камни, толпы народа орали что-то бессмысленное и безумное и отчаянно дрались... И я даже не могла понять, с кем. Друг с другом? С охраной герцога? С монахами? Вот один из святейшей братии бросился к нам, потрясая своим Оком Дэуса и выкрикивая слова молитв. И рухнул нам под ноги с раздробленным черепом, обагрив все вокруг своей кровью.

Меня закинули на коня — моего перепуганного, дрожащего Грома, только каким-то чудом удерживаемого на месте.

— Беги! — и без того взбудораженного, Грома треснули по крупу. И он взвился с тревожным ржанием, от души лягнул доброхота, и отчаянно понесся, не разбирая дороги. Едва успев схватить повод, первые минуты я мечтала лишь об одном — удержаться. Цепи, оборванные, но не снятые, свисали с моих запястий, затрудняя движения рук, свисали со щиколоток, мешая моему коню, свисали с шеи, пережимая ошейником горло и затрудняя дыхание. Но я держалась, держалась из последних сил, понимая, что если свалюсь и упущу коня, он, обезумевший от ужаса, ускачет за горизонт и уже никогда ко мне не вернется.

Я держалась, мы куда-то неслись... Потом он выдохся, я смогла, наконец, собрать повод

и заставить его перейти на шаг. Огляделась. Гром вынес меня к родным горам. Но возвращаться в Долину сыттаров я смысла не видела. Да и Лис всегда говорил, что наш путь не туда, наш путь — в замок. Мой путь — в замок. Он настаивал на этом при последней встрече. Намекал на то, что спасать меня ему придется чужими руками, ведь сам он не может коснуться цепей. Сам он... будет биться с драконом? Нет, предоставит герцогу дракона, чтоб тот мог биться изо всех своих рыцарских сил, и не отвлекаться на сбежавших принцесс. «Не жди, чем окончится битва с драконом. Беги...» Бегу.

Попыталась сориентироваться. Замок... Замок... Замок, в котором я никогда не была. Нет, мать, конечно, рассказывала, с самого детства. Красивую сказку, про принцессу и ее тайну. Там принцесса ехала в замок... По Арранскому тракту вдоль Аденских гор... до городка Асрэй, а от него уже наверх... в деревеньку Тосинай, а потом еще выше... к вершине, что похожа на шапку торговца, мимо водопада, чей плач несмолкаем, и вверх по ручью, что бурлит белой пеной... Как-то так.

Как-то так было в сказке, а пока же... Те крестьяне с телегой, что встретились мне на тракте, подтвердили, что до Асрэя я еду в нужную сторону, вот только лучше бы мне повернуть обратно. Город пылает, в горожан словно вселились демоны, и даже крепким мужчинам там приходится ежеминутно опасаться за свою жизнь.

Я обрадовала их, что там, где они намеревались укрыться, судя по тому, что я видела, происходит все то же самое.

— Конец света, видать, близится, — вздохнул возничий, поглядывая на торчащие из под моего плаща обрывки цепей, но не задавая вопросов. — Демоны пришли в мир, чтоб его уничтожить.

Я не знала, зачем пришли в мир демоны. Если в усадьбе, сидя в темнице и слушая безумный шум за окном, я могла наивно полагать, что это Лис пришел, чтобы спасти меня, то сейчас, проезжая через разоренные и охваченные смертью и ужасом городки и поселки, я понимала, что нет, не ради меня, не из-за меня... Возможно, я... или герцог... своими действиями дали им повод, но то, что они творили, выходило далеко за рамки вмешательства в одну человеческую судьбу. Лис всегда хотел чего-то большего... Они все всегда хотели чего-то большего. И вот теперь мы с герцогом, видно, позволили им начать.

И теперь... Нет, бесполезно возвращаться в усадьбу с криками «прекратите!». И в долину с теми же воплями мчаться нет смысла. Укрыться? В стране, где безумствуют демоны? Где они с моей (пусть невольной) помощи и безумствуют?.. Нет, Лис не солгал: у меня только один путь и только один выход. Он вообще никогда не лгал мне. Недоговаривал — да, сколько угодно, конечно. Но не лгал. И зла мне не желал. И боли. И того, что герцог станет пытаться... Да он сделал все, чтоб у герцога даже повода не возникло. Я искала своего законного мужа, настолько напуганная, что готова была рассказать все, что знаю, и даже то, о чем лишь догадываюсь!

Впрочем, не важно. Сейчас не важно, что было, сейчас важно лишь то, что будет. И что я могу сделать для этого будущего. Замок — мой. А меня могут слышать боги (незаметно, но, может быть, не везде?) А в замке... В замке — тайна и сокровища рода. Рода, что, как выясняется, шел от Лилит. Лилит же служила Ей... Меня же могут слышать боги...

На миг похолодела от пронзившей меня догадки. Черная Богиня. Лис хотел, чтобы я призвала в этот мир Черную Богиню! Самое страшное зло...

Но зло уже шло по этой земле, и Дэус был бессилен с ним справиться. Дэус... Моя семья поклонялась ему веками, забыв и отринув свою Богиню. Но он так и не признал нас

своими. Он скармливал нас демонам за деяния далеких и всеми забытых предков. Нам не было ни прощения, ни искупления, но за что? Именем Дэуса и во славу Его его Рыцарь приговорил меня к костру, но за что? За то, что Дэус еще от века приговорил меня стать нежитью для демона? В этом была справедливость? Хоть кроха, хоть капля?..

А Дочери Лилит поклонялись когда-то своей Богине. Женщины поклонялись когда-то своей Богине. Теперь же, лишённые всех прав, они поклоняются лишь своим отцам и мужьям, а те творят с ними, что пожелают. Отдают, словно вещи, в чужие руки, приобретают ценных, избавляются от ненужных... Я была лишь послушной женой и дочерью, я пришла к тому, кто был моим мужем «в глазах Дэуса». И оказалась приговоренной к костру.

«Вот в глазах Дэи ты была бы моей женой», — говорил мне когда-то Лис. Я сбежала тогда — и от него, и от его слов про Дэю. Стать женой сытара было слишком страшно. Но ведь, по сути, взгляд Дэи был более справедлив: кто взял — тот и муж. Кто забрал из дома родителей, кто уложил на ложе любви... Дело не в хитроумно составленных Клятвах и Договорах, дело в сути. А если Дзя видела суть... Если Дзя видела суть так же, как я — та чего мне бояться ее? Ее боится Дэус с его ложными Клятвами, ее боится герцог с его страстью мучить «именем закона и Дэуса» тех, кто слабее и беззащитней.

И Лис не считал ее злом. Он воевал против нее когда-то, но злом не считал. И всегда хотел, чтобы я с ней встретила. Мы с ней встретились. «Если только заставим богов передумать», — обронил он когда-то. Я решила тогда, это констатация бессилия перед судьбой. А это был план действий.

Так почему бы нет? Если Дэус не смог мне помочь, если он не в силах помочь всем этим людям, терзаемым демонами, если с его ведома и согласия демоны вот уже столько веков этот мир терзают — мне придется просить о вмешательстве Дэю.

Через Асрэй не поехала, рисковать не стала. Свернула в горы, едва город показался на горизонте. Конечно, это было рискованно — тут не просто не было дорог, тут даже прямых путей, что вели бы в нужную мне сторону, найти не ожидалось. Но полыхающий пламенем пожаров город вызывал все же куда большие опасения. Потому планировала просто объехать город со стороны гор, не слишком в них углубляясь, пока не выеду на нужную мне дорогу.

Однако, чем дальше я ехала, тем сильнее крепла во мне уверенность, что город — не нужен, ориентиры — не требуются, мне надо туда, вглубь... Через эту вот седловину... потом вверх по тому ручью... и вброд через эту реку... а тут — просто вверх, иначе никак. И через огромное это плато, и вновь вниз, опять вверх, и налево, мимо этих останцев...

Замок я увидела на закате. Не сразу поняла, что это он, приняла издали за очередную группу останцев. Но нет, это были стены — полуразрушенные и заросшие мхом, но стены. И даже башни — пусть от них остался лишь остов, но они рукотворны, это не природное нагромождение камней. Отыскался и вход. Деревянные створы ворот давно истлели, и каменный проем приглашающе щерил темную пасть.

Осторожно спустившись с коня и ведя его в поводу, я медленно вошла в замковый двор. Он был невелик, частично засыпан землей и камнями — за прошедшую тьму веков здесь не раз случались обвалы. От бывших здесь некогда хозяйственных построек ничего не осталось, должно быть, все они были из дерева и давно отжили свой век. Из камня же внутри стен был только донжон, и он по-прежнему возвышался, гордый и неприступный. Почти, ведь входная дверь тоже давно сгнила.

Оставив Грома освобождать двор от лишней растительности, я нерешительно вошла внутрь. Что я должна была отыскать здесь, среди мусора и разрушений? Сквозь плиты пола давно пробился мох, а кое-где и трава, стены оплели гибкие ветви ползучих растений. Все, что осталось от внутреннего убранства — лишь мазки потемневшей краски, местами встречающиеся на стенах. Возможно, это были росписи когда-то, но что здесь изображалось — уже не понять. Кое-где сквозь траву и мох проглядывали плиты пола, кое-где из бесформенной кучи земли торчал обломок чего-то невнятного. Просто просыпавшийся трухой, стоило до него докоснуться.

Я добрела до лестницы вверх. Каменные ступени казались надежными, и я решила подняться. Несколько комнат, которые моя фантазия решила определить как личные покои владельцев замка, так же не содержали ничего примечательного. Солнце садилось. Мои силы тоже были на исходе. Забившись в угол, который показался мне чище других, и сжавшись в дрожащий комок, я забылась сном.

* * *

— Коня! — потребовал Александр, выбегая во двор. Вот только желающих исполнить его приказ попросту не было. Вокруг кипело безумное побоище, конюшня горела, несколько взбудораженных лошадей бестолково носились по двору в поисках спасения, порой сшибая и затаптывая копытами случайных людей.

От удара плетью герцог уклонился только чудом. Но сориентировался быстро — руку,

державшую плеть, сломал, плеть забрал себе. И в дальнейшем расчищал ей себе дорогу ничуть не менее успешно, чем кинжалом — палаш, увы, так и остался в его покоях, поторопившись в темницу, он и не подумал его захватить. Теперь приходилось обходиться с тем, что есть.

Поседланного коня он все же нашел — правда, под седоком, но это не имело значения, Александру конь был сейчас нужнее. Земля дрожала, шквалистый ветер сбивал людей с ног, нечеловеческий вой наполнял души ужасом — демон все еще не признал своего поражения, он боролся и рвался из пут, Особняк шатался и скрежетал, с крыши слетала кровля, казалось, еще немного — и дом не выдержит, осыплется по камешку весь. И пентаграмма, в которую вложено было столько сил, не выдержит тоже и выпустит на волю свою чудовищную добычу.

Но с демоном сражались монахи. Их было много, и у них были все шансы справиться. А Роуз ускользнула от всех. Она убежала, улетела, она свободна и спешит сейчас к своей проклятой Богине, и если добежит — миру конец! Не раздумывая больше, герцог послал коня в галоп в отчаянной надежде успеть, перехватить девчонку демона по дороге. Цепей он так и не нашел, их вырвали из стены, но с Роуз, видимо, так и не сняли. А значит, она все еще человек, и двигаться может лишь с человеческой скоростью.

Дорогу до замка он помнил прекрасно — изучил этот вопрос во всех подробностях, еще когда только разрабатывал операцию. И потому, если и останавливался по пути, то лишь чтоб уточнить, не видел ли кто его беглянку.

Ему повезло: сбежавшую из под ареста ведьму с цепями на руках и ногах видели летящей на огромном вороном жеребце в сторону Асрэя. Он не ошибся, она действительно спешила в замок. А главное — он не сильно от нее отставал. Догонит. Уже скоро.

В Асрэй он влетел на полном скаку, даже и не подумав придержать коня на переполненных народом улицах. Тут тоже что-то горело, люди бегали, толкались, орали, громили дома и лавки, сражались в жестоких и бессмысленных схватках. Все то же безумие, выпущенное на мир обнаглевшими от безнаказанности демонами, тот же хаос и мракобесие.

Раздавая удары плетью направо и налево, герцог почти пробился до нужных ему ворот. Но конь споткнулся об очередного безумца, бросившегося ему под копыта, и герцог вылетел через голову, больно приложившись затылком о булыжник мостовой. Встать не успел — по нему тут же промчались копыта его коня, а дальше на зазнавшегося аристократа, привыкшего топтать конями людей, набросилась и без того агрессивная толпа. Кого-то из них он, возможно, порезал. Но встать уже не смог.

* * *

Разбудил меня свет. Он проникал под закрытые веки, мягкий и теплый, и стекал, казалось, куда-то в душу. Согревал и ласкал, звал и манил — ведь там, где сокрыт источник этого света, тепла будет еще больше. И я поднялась и пошла, не открывая глаз, не выбирая дороги. Я просто чувствовала, куда. Куда надо сделать следующий шаг, чтоб не выйти за границы льющегося на меня тепла и света, чтоб стать еще ближе к его источнику.

Кажется, была лестница. Вверх. Или вниз, не помню. А может, их было две. Или не было вовсе, и я просто плыла по воздуху — легкая, свободная. Тяжелые цепи, что тянули меня к земле, до крови стирая кожу, исчезли, и я вновь ощущала себя почти что сильфой — еще не беззаботной, но уже невесомой.

Еще не исчезли, но стали неважными стены — они вставали легким маревом на моем пути и развеивались, стоило приблизиться вплотную. Свет вел меня, и не было мне препятствий... пока холодная каменная плита не встала между мной и источником света. Я билась об нее, мне было плохо и холодно здесь, я хотела туда — там был свет, там было тепло.

— Открой мне. Пожалуйста, открой мне, — шептала я непонятно кому, пока видение не развеялось, и я не забылась вновь глубоким сном без сновидений.

А проснувшись я вовсе не там, где засыпала — в круглом зале с тяжелыми низкими сводами, так похожем на склеп, на чуть выступающей из пола прямоугольной каменной плите. На ней не было надписей, лишь вилась вырезанная в камне причудливая вязь непонятного мне рисунка. Что-то абстрактное — круги, треугольники, квадраты, они переходили один в другой, сливались, разделялись и смешивались. Они безмолвно вели какой-то свой разговор, танцевали какой-то свой неподвижный танец.

А у меня опять были цепи, болезненно кровоточащие раны, несвежее платье на истерзанном теле, да страх и отчаянье глубоко в душе.

— Ну, где же ты, Дэя? — прошептала беспомощно. — Как тебя отыскать, пробудить, вернуть? Мир гибнет без тебя, в нем безумствуют демоны, льется кровь, умирают люди...

— Мир гибнет... — эхом прошелестело в ответ безмолвие. И плита подо мной чуть дрогнула, вынудив сползти с нее на пол. — И ты что же, хочешь его спасти? — голос шел отовсюду и ниоткуда, громкий и еле слышный одновременно, он заставлял обмирать от страха и отчаянно надеяться на чудо.

— Но ведь это мой мир. Как же я могу не хотеть? Все эти люди — они же не виноваты. А они гибнут — так страшно, жестоко, безумно!

— А кто виноват?

— Я не знаю... Тот, кто наслал на них безумие... Тот, кто дал возможность так поступить... Тот, кто стал причиной... Я не богиня, я не знаю, как определяют вину. Но я знаю твердо: их надо остановить! Вразумить, успокоить, не допустить...

— Дай мне крови...

Растерянно огляделась. Как, зачем, кому? Но в склепе было пусто, лишь только плита... Положив на нее ладони, я почувствовала, что она теплая и чуть вибрирует. Тонкая струйка крови из моего раненного запястья пролилась на плиту и тут же впиталась в нее.

— Нет, не твоей, твоей довольно уже, — вновь раздался всепроникающий голос. — Твоя пробудила... Нужна его — того, кто запер...

— Запер? Но кто тебя запер? Дэус? — совсем растерялась я. — Разве у божества есть кровь?

— У его Рыцарей крови довольно. А запирали они...

— Рыцарей? Но где же я возьму кровь Рыцарей?

— Найди...

* * *

Особняк вздрогнул в последний раз — и рассыпался каменным крошевом от крыши и до основания, погребая под своими обломками всех, кто был внутри и поблизости. Огромный демон, чей рост сейчас раза в два превосходил человеческий, раздраженно встряхнулся,

скидывая с себя обрывки пут и осевшую на плечи и волосы каменную крошку.

— Вот и все, мой герцог, — мрачно усмехнулся он. — Не стоило тебе убегать, не закончив.

Вытянув последние силы из разорванной пентаграммы, он закрутился огромным серым смерчем и исчез, чтобы секундой спустя появиться на улице охваченного безумием Асрэя.

Его нечеловеческий облик вызвал панику у тех, кто еще способен был воспринимать окружающее, и заставил их с криками ужаса метнуться прочь с улицы. Остальных привел ненадолго в чувство шквалистый ветер, колючий и злой, пронесшийся по улице, сбивая с ног и швыряя в лица пригоршни песка и пыли. С дороги ушли и они. И остались лишь те, кто подняться уже не мог — истерзанные, в лужах крови и с тучами черных мух, кружащими сверху.

Над телом, что интересовало демона, кружили не только мухи.

— Был уверен, что ты присмотришь, — бросил он сильфе вместо приветствия и нагнулся, чтобы поднять с земли окровавленное и обезображенное тело того, кто еще недавно гордо именовал себя вторым человеком в государстве. — Ты ведь не позволила им убить его, верно?

— Что я могу против толпы безумцев, перевозбужденных от крови и безнаказанности? — отчаянно заломила руки сильфа.

— Разогнать их, когда первый азарт чуть схлынет. Внушить, что перед ними уже труп, — чуть пожал призрачными плечами демон. — И, я вижу, ты справилась.

— Справилась? Да они почти убили его! Они надругались над ним, избивали, калечили...

— Он все еще дышит, а этого мне довольно, — вновь обернувшись смерчем, он закружил, исчезая...

— Куда ты забираешь его? погоди, отдай! — она метнулась за герцогом в самую воронку черного смерча и исчезла вместе с демоном и его добычей.

* * *

Резкий порыв ветра заставил вздрогнуть и выйти из того оцепенения, в которое повергли меня слова богини. Кровь герцога. Я могла бы заполучить ее, только вздумай он отправиться за мной в погоню лично. Но он слишком умен, он не станет делать подобного. Обнаружив мою пропажу, он просто пошлет солдат. Конечно, остается надежда, что в ком-то из них тоже течет кровь Рыцарей Дэуса, но как я справлюсь с ними одна?

— Вот все и кончилось, Роззи, — негромко произнес за моей спиной самый дорогой для меня голос во вселенной.

— Лис! — я порывисто обернулась. Он действительно стоял там — мой сыттар, чудовище и убийца. И тьма змеилась в провалах его глаз, и алые, словно кровь, волосы ежесекундно вспыхивали фиолетовым. Порыв броситься к нему на шею и обнять так крепко, как только получится обнять существо, чье тело клубится туманом, я подавила — с моих запястий все еще свисали цепи, а он говорил, что они для него губительны. — Ты жив! — выдохнула только, пожирая его глазами. — Ты невредим, ты свободен!..

— Я жив, пока ты жива, моя Роззи, о чем ты? Ведь это не мне грозил костер.

— Но они поймали тебя, ты кричал, я слышала.

— Все ерунда, — он лишь мягко мне улынулся. — Смотри, я подарок тебе принес. Сумеешь принять?

Только тут разглядела и его — Рыцаря Дэуса, начальника Тайного Сыска Иглезии, кузена самого короля — Александра Теодора Иоанна Аллери-Дамфри-Хейц, светлейшего герцога Раенского. Или то, что от него осталось. Он лежал у ног Лиса, израненный и избитый, с оплывшим от ударов лицом. А на нем, словно прозрачное одеяло, неподвижно лежало белесое облачко.

Оно вздрогнуло и отлетело с криком, едва я нагнулась, и концы цепей коснулись его.

— Не тронь! — раздался знакомый голос, и, конечно же, я узнала ее. Анабель.

— Разве я трогаю? Я смотрю... — потрясенно выдохнула, разглядывая «подарок». — Лис, во имя всего святого, я понимаю, он... не самый добрый на свете человек, но зачем же ТАК?

— Думаешь, это я? Увы, Роззи, но я то ли хуже, то ли лучше того, что ты обо мне думаешь. Я эту падаль не трогал. Побоялся, что если начну, то уже и не остановлюсь... Это добрые горожане Асрэя не разошлись с ним на узких улочках, — он нагнулся, хватая герцога за плечи и заставляя подняться: — Вставай, Рыцарь. Последнее, на что ты еще годен, ты все-таки сделаешь!

— Нет... — находившийся, казалось, без сознания, герцог отчаянным усилием воли открыл глаза. — Я не позволю тебе погубить мир, демон... Я не позволю... Я все равно остановлю тебя...

— Помоги положить его так, чтоб кровь текла на ее могилу, — на герцога Лис внимания не обратил. — Это должны сделать твои руки. И твоя воля. Ты ведь хочешь пробудить ее?

— После всего, что вы сотворили, разве остался у меня выбор? — тело герцога коснулось плиты, и кровь из колотой раны в боку потекла по желобкам узора, заставляя их сначала темнеть, а потом светиться. — Я хотела спасти себя. Я просто хотела спасти себя, Лис, от той участи, что казалась страшнее смерти. Но, воспользовавшись моим страхом, вы перевернули вверх дном весь мир. И кровь тысяч невинных теперь на ваших руках. На твоих руках, Лис! И думать теперь я могу лишь об этом. И молить и надеяться, что найдется сила, которая захочет и сможет все исправить. Оттолкнет мир от гибели. Не спасет мертвых, но хоть прекратит истребление живых. Запретит вам... проклянет... изгонит...

— На моих руках нет крови, Роззи! Это братья. Я пытался остановить их, убедить, заставить... Но они слишком сильно ненавидят Дэуса за его обман. И готовы использовать любой его промах, чтобы освободиться... Я никогда не планировал гибель людей. Мне слишком нравилось жить среди них. Быть одним из них, ты ведь знаешь! — горячо шептал Лис, стоя возле меня на коленях.

— Ложь, сыттар! — зашипела на него из дальнего угла Анабель. — На твоих руках его кровь! Я чуяла там твоих сильф, это они заставили толпу напасть на Александра. Они внушили ей кровожадность!

— А ты думала, кто-то из тех, кто обидит мою Роуз, сможет уйти от расплаты? Такого не будет, Ана, и, если он выживет, я лично прибью его, как только все кончится!

— Не посмеешь! Ведь тогда...

Что случится тогда, она договорить не успела — кровь герцога пропитала все линии замысловатого рисунка на могильной плите. Он засиял ослепительным светом, заставляя не только зажмуриться, но и закрыть глаза руками. А дальше был дикий грохот, земля и стены

дрожали, все разлеталось, взрывалось и сыпалось, и я падала куда-то, растеряв все представления о материи и пространстве. И чувствовала лишь только крепкие руки Лиса, обнимавшие меня, несмотря на все мои цепи. Чувствовала его тело, прижимавшееся к моему, стремящееся защитить, оградить, закрыть от всего, что угрожало мне в этой чудовищной круговерти.

Очнулась я на зеленом склоне. Мои цепи растаяли, как дым, мои раны затянулись. Замка больше не было, и последние камни, что остались от древних строений еще летели с грохотом вниз с обрыва. А над нами сияло солнце. И стояла, сияя в его лучах, Она — прекрасная, величественная, непостижимая. Она была человеческого роста, но казалась невероятно огромной. Казалась невообразимо красивой — но ее черт лица я не могла разглядеть, сколько ни пыталась. Ее голос был тих и мелодичен, но был подобен громогласному реву.

— Спасибо, что освободила меня, Роуз Элизабет! — обратилась она ко мне, и все мое тело пронзила сладкая дрожь наслаждения и боли, от того, что голос ее звучал, казалось, внутри меня, вибрируя в каждой клеточке моего тела. — Ты молила не о себе, а о других, и потому твоя молитва была услышана. Она пробудила меня ото сна, она дала мне сил подняться. Ведь Любовь может впустить в мир лишь тот, кто сам способен любить и сострадать.

— Любовь? Ты — Любовь?! — пораженно выдохнула я, пытаясь хотя бы сесть. Ее мощь и величие подавляли, о том, чтобы встать перед ней в полный рост, было страшно даже подумать.

— Ты не помнишь уже даже этого, дитя моей Лилит? — удивилась Богиня. — Почему же тогда ты пришла ко мне? Зачем разбудила? Отчего просила помочь?

— Но кого мне еще просить? Сыттары, — я взглянула на руку Лиса, лежащую на моей талии и, не без сожаления, но все же отвела ее прочь, — они прикрываются Договором, заключенным с Дэусом, и во всем кивают на него. Дэус... Дэус, отдавший потомков Лилит в услужение сыттарам... Дэус, не сумевший или не пожелавший остановить безумие, охватившее мир... Дэус, чей Рыцарь видит спасением для меня лишь костер и пытки... Как мне верить такому богу, на что надеяться?.. Лишь на то, что Та, которой служили мои предки не окажется Злом.

— Не окажется? Она и есть зло, несчастная! — хрипло выдохнул герцог. Как и я, он исцелился от ран, и теперь упорно пытался подняться. Но во взгляде его сквозила одна лишь ненависть. — Посмотри, как ликует твой демон: ты исполнила все, что он задумал, ты пробудила Его Госпожу и погубила мир!

Богиня смирила его долгим, очень долгим взглядом. Но заговорила не с ним.

— А что скажешь мне ты, Ветер Юга? С чего тебя вдруг так радует мое пробуждение? Я еще помню, как ты радовался, когда меня запырвали.

— Я тоже помню тот день, Божественная, — почтительно стоя на одном колене, сыттар, тем не менее, смотрел ей прямо в глаза и взгляда не отводил. — Я был неправ тогда. Мы все были неправы. Мир без тебя не стал надежней и правильней. А сыттары, получив в этот мир доступ, не обрели здесь счастье. Только тюрьму.

— И что же ты хочешь теперь?

— Того же, что, уверен, захочешь и ты сама: разорви договор, что обманом привязал сыттаров к этому миру. Верни нам свободу. Сними проклятие. И дай нам просто уйти. Изгони с позором, закрой сюда вход навеки — но дай уйти. Не мучай более — ни нас, ни

людей, что вынуждены терпеть соседство с нами, ни верных своих дочерей, что твой муж обречен на служение, противное их природе. Уверен, это выход устроит всех. И доблестного Рыцаря Божественного Дэуса, чья ненависть к нам скоро заставит траву почернеть. И юную сильфу, что по-прежнему ищет любви и тепла у людей, а не у сыттаров, хотя давно уже стала куда ближе к последним. И мою... мою нареченную, что еще не стала моей женой. Не стала сильфой, и не хочет ей быть. Удали нас из мира, верни возможность быть собой не только близ Источника жизни — и Роуз освободится. Она все еще жива, и таковой останется. Сильфе жизнь не вернуть, но у Роуз ее достаточно просто не отнимать. Согласись, эту малость она заслужила.

— Она — без сомнения, Ветер Юга. Но ты... заслужил ли ты исполнения своих желаний? Кровь и обман выстилают твой путь ко мне.

— Не могу отрицать очевидного. Вот только что же мне было делать, Божественная? Как еще докричаться до тебя, дозваться? Как еще выполнить все условия, которыми ты и твой муж оплели возможность твоего пробуждения? Он сказал: «пока мир не покатится в пропасть», ты согласна поверить только мольбам своих верных... Но разве я желал этому миру зла? Разве цели мои темны, жестоки, бездушны? Разве мое вмешательство сделает этот мир хуже? Разве ты — Зло, как думает наш милейший герцог?

Она смотрела на него — долго-долго. И столь же долго молчала.

— Для кого-то, возможно, и зло, — произнесла задумчиво. — К тому, кто мучил моих дочерей, я вряд ли буду добра.

— Он не мучил меня, никогда! — испугавшись, я схватила за руку Лиса. — Он был добр ко мне, он любил, он заботился!..

— Сыттар, способный любить... — неприязненно фыркнул герцог. — Открой глаза, Роуз. Напряги мозг, если он вообще у тебя есть. Он использовал тебя, чтобы проверить все это! Хладнокровно, расчетливо и бездушно.

— Бездушные ощущаются чуть иначе, — упрямо качнула я головой. — Я видела его, к примеру, в тусклом взгляде одного герцога, чьи руки хладнокровно подносили огонь к моему обнаженному телу. Он не наслаждался пыткой, нет, он совсем не садист. Он просто не знает и не понимает, что можно иначе, — я не хотела говорить ему «вы», я не рвалась говорить ему «ты». Я вообще не желала более говорить с ним. И потому говорила «о нем», словно его больше не было в моей жизни. — Вот у этого герцога и в самом деле нет ни души, ни сердца. А Лис... Герлистэн, Ветер Юга... он всего лишь дал мне возможность сделать собственный выбор, совершить собственные ошибки, прийти к собственным выводам. А если это те выводы, на которые он и рассчитывал... Ну, что ж, он живет на земле не первую сотню лет, было бы странно, если б он все еще ошибался.

— Но я все еще ошибаюсь, моя белая роза, порой — фатально, — печально улыбнулся сыттар, чуть сжимая мои пальцы, все еще цеплявшиеся за него. Очень медленно поднес мои руки к губам, очень нежно поцеловал. — Прости меня, Роззи, за все, что я сделал и что не сделал. Я бы хотел, чтобы между нами были лишь свет и тепло. И мне бесконечно жаль, что для тебя все вышло так страшно.

— Ничего, — я порывисто вздохнула, пытаюсь сдержать эмоции. Если то, о чем он мечтает, сбудется... То, о чем мечтает и он, и я, и даже ненавистный герцог... Если сыттары уйдут... будут изгнаны, развеются, словно дым... Я верну себе свою жизнь, но ведь в этой жизни уже не будет его... И это будет правильно, это будет верно, но все же... Смогу ли я когда забыть его улыбку, его голос?.. И бездонные провалы его нечеловеческих глаз, и искры

в его пылающих волосах?..

— Что ж, я выслушала ваши слова, я вгляделась в ваши души и приняла решение, — произнесла, наконец, богиня после долгого молчания. — Роуз Элизабет! В благодарность за то, что ты сделала, я разрываю брачные клятвы, что опутали тебя помимо твоей воли. Ты отныне свободна! Ты больше не герцогиня Раенская, и брачную звездочку с ваших ладоней я стираю своей Божественной Волей. Ты больше не рабыня сыттар, я разрываю вашу связь и возвращаю тебе твою человеческую природу. Ты никогда не станешь сильфой и уже никогда не перестанешь быть человеком.

— Спасибо, — только и сумела я прошептать, наблюдая, как звездочка и в самом деле бесследно пропадает с моей ладони.

— Увы, даже я не смогу вернуть человеческую жизнь тем, кто уже потерял ее, — чуть вздохнула богиня, переведя взгляд на Анабель, бледной тенью замершей возле герцога. — Но своей Божественной волей я разрываю все связи, что соединили моих бедных перерожденных детей и сыттаров. Все сильфы отныне свободны и вольны жить там, где им вздумается. Они больше не лярги, разжигающие чужую похоть и тянущие чужие силы, эту пагубную способность я забираю у них. И дарую им возможность питаться солнечным светом. Пусть станут они отныне красою этого мира, пусть встреча с прекрасной сильфой дарует удачу.

— Благодарю, госпожа, — прошелестела в ответ Анабель, но не тронулась с места.

— Своя судьба давно волнует тебя мало, верно? — понимающе улыбнулась Дэя. — Что ж, дойдем и до него. Пока же... — она перевела взгляд на Лиса. — За преступления сыттаров, совершенные ими против людей, за безумие, хаос и кровь, пролитую без счета по их вине, я своей Божественной волей разрываю договор, заключенный ими с Пресветлым Дэусом, объявляю их врагами этого мира и изгоняю прочь. Пусть станут они вновь теми Вольными Ветрами, которыми были прежде, но никогда не возвращаются в эти земли.

— Благодарю, — склонил голову Лис.

— Не спеши, Ветер Юга, коварный интриган и бесстыжий соблазнитель. После всего, что ты сотворил, после того хаоса, что ты посеял, тех чувств, что разбередил в чужих душах, так просто тебе не отделаться. Тебе — приговор отдельный... — она многозначительно замолчала. — Вы странная пара, — продолжила Дэя через несколько мучительных секунд, и я вздрогнула, полагая, что она имеет в виду нас с Лисом. Но она говорила не обо мне. — Демон, любящий как человек, и человек, бездушный как демон... Как там говорилось в том Договоре, в той брачной клятве, что связала вас воедино? «Отражение в зеркале ветра»? Похоже, это было кривое зеркало. Вы не просто в нем отразились, вы перепутались. И теперь оба не на своем месте... — она чуть качнула головой, задумчиво разглядывая то одного, то другого. — Но внешность должна отражать суть, а не маскировать ее. И я приговариваю тебя, сыттар Герлистэн, бывший некогда Вольным Ветром, к жизни в человеческом теле. Ты проживешь человеком отпущенный людям век и человеком умрешь. И никогда уже не возродишься Ветром... Ты же, Александр Теодор Иоанн, станешь тем, кем давно уже стал по сути — бездушным демоном, Вольным Ветром. Займешь место того, ктс отныне разучился летать. И навсегда уберешься вон из этого мира! Моей Божественной волей — да будет так!

А потом был гром, молнии, что-то еще, оглушающее и слепящее, что помешало мне видеть, что происходит, но так и не смогло перекрыть чудовищных криков боли, которых не смогли сдержать ни человек, ни сыттар.

— Лис! — я бросилась в марево тумана, скрывавшего от меня, кто стал мне всего дороже. И замерла. Сыттарга более не было. На траве лежал безвольной куклой черноволосый мальчишка с синющими, как небо глазами, и капельки пота блестели у него на висках. — Как ты, Лис? — опустившись перед ним на колени, я неуверенно коснулась рукой его плеча.

— Так странно, — задумчиво отозвался он, не отрывая взгляда от облаков, — всегда так мечтал об этом, теперь же... Просто не в силах поверить, что это все же произошло.

— Ты мечтал — вот об этом? Но ведь это уже не игра. Ты не сможешь исчезнуть, когда тебе надоест. Сменить облик. Даже просто взлететь.

— Зато я смогу быть с тобой. Выходи за меня, Роуз Элизабет. Я люблю тебя, я хочу провести с тобой всю свою жизнь.

— Ох, нет, — вздохнула я со счастливым смехом. — Я едва успела получить развод... К тому же, выходить за тебя опасно: можно оказаться замужем совсем не за тем, за кого выходила.

— Ни за что, Роззи, — он стремительно поднялся, заключая меня в объятия. — Больше никаких зеркал, ветров и подобий. Только ты и я. По-настоящему. Вместе. Вдвоем.

— Лис! — я не выдержала и тоже обняла его — крепко-крепко. — Ты все-таки сделал это. Все-таки смог...

— Ну, при чем тут я, моя нежная роза? Это Дэя.

Дэя. Вспомнив о богине, я обернулась. Но ее больше не было с нами. Как не было больше ни герцога, ни сильфы. Во исполнение воли богини он, должно быть, уже покинул наш мир. А она, конечно же, последовала за ним. Так я и не увидела, каким сыттаром он стал. Так и не узнала никогда, нашла ли Анабель с ним свое счастье. Но, признаться, меня это мало интересовало. Их больше не было в нашей жизни — и этого было довольно.

Губы Лиса ласкали мои — и все остальное было неважно. Ну, кроме, может быть, его пальцев, таких нежных и чутких, и, наконец-то, без всяких перчаток. Они гладили и ласкали, они стремились изучить каждый сантиметр моего тела. Я не возражала, напротив, я не менее жадно и трепетно стремилась изучить его. Того, кто никогда уже не изменится, кто навеки останется вот таким — со мной. Ну, разве что постареет. Но ведь стареть мы с ним будем вместе, и это случится еще не завтра, а когда-то далеко-далеко потом.

Наш новый и, на этот раз, самый настоящий брак был заключен именно там — высоко в горах, под синим небом, среди зеленых трав. В жарком сплетении наших тел, в сумасшедшем ритме дыхания, в хриплых выдохах: «я люблю тебя!» перемежавшихся поцелуями.

— А знаешь, ты угадал, — усталая, я лежала на его груди и, приподняв голову, все обводила кончиками пальцев его брови, скулы, губы. Все смотрела в его глаза, сиявшие теплотой и любовью. — Один наглый конюх все же увел у герцога его законнейшую супругу.

— Герцог ее не заслуживал, — он чуть потянулся губами и поцеловал мой шаловливый палец. — Тебе жалко титул? — спросил затем совершенно серьезно. — Жалеешь, что я не стал им?

— Нет, что ты! — ответила горячо и совершенно искренне. — Напротив, в какой-то момент я даже испугалась, что она превратит тебя в герцога. Отдаст его внешность, раз уж она решила поменять вас местами. Я... не знаю, как бы я смогла целовать его губы. Даже зная, что это ты.

— Напрасные страхи, — мягко улыбнулся на это Лис. — Я ведь говорил, Дэя видит суть. А я — не он, и потому просто не мог стать на него похожим.

— А стал похожим... на себя? На того, каким ты себя ощущал? Каким был в душе?

— На того, каким хотел быть рядом с тобой. Чтобы идти с тобой по жизни вместе — долго-долго. До самого ее конца.

— Но ведь у тебя теперь только одна эта жизнь. Не пожалеешь, что отдал за нее свою вечность?

— Пока ты со мною рядом — никогда.

Немного позднее в деревеньке Тосинай, расположенной в паре часов пути от несуществующего более замка, старый священник официально связал узами брака Стэнли Герберта Локвуда, эсквайра и девицу Роуз Элизабет Ривербел. За проведение обряда молодожены расплатились с ним небольшим алмазом и ушли прочь, ведя в поводу огромного черного коня.

Да, в замке, как выяснилось, все-таки было сокровище. А может быть Дэя, уходя, заколдовала его мне в приданое. Увесистый мешочек алмазов, именовавшихся когда-то «слезами Дэи», я нашла в седельной сумке своего коня, мирно пасшегося там, где его и оставили, несмотря на все перипетии.

Сыттары покинули мир, Богиня в него вернулась, но до спокойствия и процветания было, увы, далеко. Обезглавленное королевство, в одночасье лишившееся и короля, и наследника, и начальника Тайного Сыска, взбудораженное бунтами и убийствами, обезображенное пожарами и погромами, приходило в себя долго и тяжело.

И, хотя Богиня лично являла себя народу то тут, то там, стараясь пролить в их души любовь, милосердие и всепрощение, кровь родных на руках соседей забыть было непросто. Как и пьянящую вольницу охватившего страну беззакония. А еще был бунт баронов, и притязания на престол младшего принца, поддержанные Марбурским королем. Страна воевала сама с собой. Долго. Несколько лет.

За это время разрослись, как грибы, храмы освобожденной богини. И, хотя верные Дэуса еще пытались проклинать и ее, и ее последователей, все реже называли ее люди Черной, все чаще — Пресветлой. И таинство брака однажды стало свершаться лишь в ее храмах. А Дзя требовала согласия невесты — не просто произнесенного устно, но запечатленного в душе. А это побудило... сложности. Нет, конечно, не все мгновенно пересмотрели свое отношение, и браки не стали заключаться лишь по любви. Были те, кто искренне говорил Дзе «да» не из любви к жениху, но из желания уйти, наконец, из дома — совсем как я когда-то. Или от осознания выгоды предстоящего брака. Дзя благословляла. Она не утверждала, что все поголовно должны любить, она уважала право на выбор. Но появились и так называемые «договорные браки» — то есть браки, заключенные людьми без благословения богини — вопросы слияния семейных богатств интересовали иные семьи куда больше эфемерного «счастья», что даровало благословение Дзи, или мнения собственных детей. Но такие «неблагословленные» браки с каждым годом все меньше уважались в обществе. Союз по любви стал мечтой и идеалом, к нему стремились, им восхищались. А тут еще и окрепшая, наконец, королевская власть, приняла закон, разрешивший женщинам наследовать и владеть имуществом, и мнение женщин в обществе невольно стало чуть более весомым.

Ну а мы — мы жили. Лис построил дом своими руками, как мечтал когда-то. Ну, не сам дом — небольшой деревянный флигель, в котором мы жили, пока нанятые нами рабочие возводили каменный особняк для нашей — в будущем непременно огромной — семьи. В том, что она будет огромной, мы с Лисом не сомневались — нашего первого малыша я родила еще до того, как строительство было окончено.

Конечно же, девочку — что еще можно было ожидать, ведь я была потомком Лилит. Лис был счастлив, часами таскал ее на руках и обещал подарить все сокровища этого мира. Так же радовался он и второй нашей крошке. А уж когда третьим родился мальчик — его счастьем и вовсе не было предела.

К тому времени моя матушка жила уже с нами, радовалась нашему с Лисом счастьем и помогала нам с малышами. Увы, пребывание под стражей несколько подорвало ее здоровье, и оставалось только благодарить судьбу, что герцог вообще успел распорядиться выпустить их с отцом на волю, иначе в неразберихе последовавшей затем гражданской войны они могли бы сгинуть в казематах навек. Отца злключения не изменили — он остался все тем же азартным до беспамьятства игроком. И однажды, как, в общем, и ожидалось, он проиграл все до последней полушки. И, как и следовало дворянину, благороднейше застрелился.

Сколько бы ни был предсказуем его конец, горечь утраты была от того не меньше. Хорошо, что рядом со мной была моя мама, мои дети и мой самый лучший на свете муж. Годы человеческой жизни — день за днем, час за часом, без малейшей возможности сбросить человеческую личину и раствориться туманом — Лиса не изменили. Он по-прежнему был нежен, заботлив, добр, по-прежнему радовался, как мальчишка, каким-то совсем простым и обыденным мелочам. И по-прежнему не мог без интриг.

Конечно, он влез в политику. «Исправить зло, причиненное этому миру и помочь прекратить войну», — как он утверждал. Сумел пробиться в круг близких друзей старшего принца, стать его верным советником, ближайшим доверенным лицом, а после, когда смута была подавлена, соперники побеждены, а принц Эдвард надел корону — получить должность канцлера. И титул герцога в придачу.

— Я же тебе обещал когда-то, — улыбнулся он мне, сообщая новость.

— Когда это? — не смогла припомнить подобного обещания.

— Когда брал тебя замуж впервые. Поманил красавицу звучным титулом, а сам — оказался всего лишь конюхом. Пришлось исправлять.

— Но ведь второй раз я выходила замуж просто за тебя — без всяких титулов. И готова была к любой жизни, лишь бы только с тобой

— Зачем «любой», если можно «лучшей»? — лишь смеется в ответ мой демон и нежно меня целует. — Или сказать королю, что мы отказываемся?

— Да нет, зачем? Пусть уж будет.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net